

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

5

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

★ М А Й ★

О Г И З ★ 1 9 3 6
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 5

	Стр.
Передовая — Вперед к новым победам	1
Ф. Нюрина — К вопросам следствия	4
М. Чельцов — О расследовании преступлений в органах связи	6
П. Тарасов-Родионов — За научную основу следствия	9
С. Митричев — Против предвзятости при ведении следствия	13
А. Груверман — Соцсоревнование следователей ж.-д. транспорта в I кв. 1936 г.	15
С. — Значение фотографии в работе следователя	17
И. Гураль — За создание научно-технического фильма по следствию	18
С. Файнблит — Дело Александра Судакowa	19
З. Ниренштейн — Еще раз о следователе	21
С. Березовская — Заметки о судебном надзоре	21
С. Голунский — О внутреннем убеждении в советском суде	24
Я. Апакидзе — За соблюдение процессуальных норм в уголовном процессе	29
С. Гинзбург — Право на площадь в РЖСКТ	31
И. Самбур — Ответственность ж.-д. транспорта за утрату, порчу и недостачу груза	38
И. Лаговьер — Прокурорский надзор по алиментным делам	41
Е. — Еще о перестройке	44
В. Раскольников — Надо работать по-новому	45
С. Новин — О некоторых установках Мосгорсуда	46
Т. — Борьба с преступлениями против распрещения женщин-националок	48
И. Сапгир — Германский фашист о судебно-надзорной практике Прокуратуры и Верховного Суда СССР	51
СКК — Вместо фельетона	53
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	55
По союзным республикам	56
Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах	71
В Институте уголовной политики	74
Библиография	76
Официальный отдел	83
Письмо в редакцию	88

Рукопись поступила в издательство 27/IV 1936 г.

Сдано в производство 28/IV 1936 г.

Подписано к печати 22/V 1936 г. 5,5 п. л.; 14 авт. листов. В одном бум. листе 93680 печ. знаков.

Формат бум. 72×110¹/₁₆ см.

С—04 п; № 237.

Технический редактор Холмагорова

Учвал. Газета Б-21175

Заказ № 577

Тираж 17 000 экз.

15 типографии ОГИЗ треста „Полиграфкинг“, М. Дмитровка, 18.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

М А Й
1936 г. 5

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Вперед к новым победам

Первое мая — день международной пролетарской солидарности, день смотра боевых сил пролетарской революции — наша великая страна встречает в условиях окончательной победы социализма. Дело Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина победило окончательно и навсегда. Под красным боевым коммунистическим знаменем, победоносно развевающимся над одной шестой частью земного шара, строится новое, социалистическое общество, не знающее частной собственности и эксплуатации, угнетения и нужды широких миллионных масс трудящихся.

Под гениальным руководством величайшего мастера пролетарской революции, любимого товарища Сталина, под руководством нашей великой коммунистической партии и ее мудрого Центрального комитета сблизилась и претворилась в живую действительность заветные мечты лучших представителей трудящегося человечества, боровшихся и отдавших свою жизнь за дело рабочего класса.

Еще на заре марксистского рабочего движения в России великий основоположник нашей партии Ленин говорил о неизбежности окончательной победы рабочего класса, о неизбежном торжестве идеалов пролетарской революции:

«Когда передовые представители его (рабочего класса. — А. В.) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» (Ленин, «Что такое друзья народа», т. 1).

Этими словами великий учитель международного пролетариата предсказал не только победу социализма в нашей стране, но и подчеркнул всемирно-историческое значение этой победы для трудящихся всех стран, борющихся за свое освобождение.

С тех пор прошло 40 с лишним лет. С тех пор рабочий класс нашей страны прошел через огонь трех революций, завершив свое победоносное движение Великим пролетарским Октябрем, уничтожившим господство капиталистов, фабрикантов и помещиков, разрушившим частную собственность и утвердившим новое пролетарское социалистическое государство.

Под руководством нашей родной большевистской партии пролетариат СССР совершил революцию, невиданную до того во всем мире, установил диктатуру рабочего класса, полностью уничтожил капиталистическое рабство и построил социалистическое общество.

Сейчас в нашей стране не только не осталось паразитических классов, но стираются грани классовых различий вообще.

«Наше общество, — говорил товарищ Сталин в беседе с Рой Говардом, — состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян и интеллигенции».

«Каждая из этих прослоек, — продолжал товарищ Сталин, — может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся многочисленные общественные организации. Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остается лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партии есть часть класса».

В этих словах великого Сталина выражен итог пролетарской революции всемирно-исторического значения.

СССР — единственная страна мира, где общество состоит из свободных тружеников города и деревни, СССР — единственная страна мира, «где нет противопоставляющих себя друг другу партий», как и «нет противостоящих друг другу класса капиталистов и класса эксплуатируемых капиталистами рабочих».

Наша богатая и счастливая страна опирается на могущественную социалистическую промышленность. Наша страна, покрытая многочисленными колхозами, совхозами и МТС, обрабатываемыми необъятные социалистические поля, охраняется могучей, непобедимой Красной ар-

мией рабочих и крестьян, своим техническим вооружением не уступающей самой сильной армии любой капиталистической страны, своим энтузиазмом, героизмом и любовью к своей родине превосходящей любую армию капиталистического мира и все армии этого мира, вместе взятые.

Величайшим выражением блестящих успехов социализма в СССР является историческая — сталинская формула: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

Величайшим выражением социалистических побед в СССР является стахановское движение, поднявшее дело социалистического строительства на следующий, новый, высший этап, означающее подготовку условий для перехода от социализма к коммунизму.

«Стахановское движение, — говорил товарищ Сталин, — представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим».

Первое мая 1936 г. СССР встречает в условиях блестящего социалистического расцвета, расцвета новой, социалистической культуры, расцвета советской, пролетарской демократии.

Не являются ли лучшим выражением этого расцвета пролетарской демократии всесоюзные совещания лучших людей нашей страны с руководителями нашей партии и правительства? Не являются ли лучшим доказательством расцвета пролетарской демократии в СССР замечательные слова товарища Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 г.):

«Что вы, члены настоящего совещания, к чему поучились здесь, на совещании, у руководителей нашего правительства,—этого я не стану отрицать. Но нельзя отрицать и того, что и мы, руководители правительства, многому поучились у вас, у стахановцев, у членов настоящего совещания. Так вот, спасибо вам, товарищи, за учебу, большое спасибо!» (Бурные аплодисменты).

Не являются ли лучшим доказательством этих побед то исключительное единство и сплочение народов Советского союза вокруг своей партии и своего вождя, которые знаменуют ныне новый рост политического и государственного могущества нашей страны — страны победившего социализма?

«В прошлом народ был разделен на антагонистические классы, интересы которых непримиримы. Господствующие эксплуататорские классы и их партии покрывали фразами о народных интересах свои собственные классовые цели и задачи. Но теперь интересы всего советского народа по всем коренным вопросам экономики и политики едины. Социалистический народ в целом и каждая из его прослоек заинтересованы в быстром расцвете социалистического хозяйства и культуры, в укреплении обороноспособности социалистической родины. И это реальное единство интересов является залогом величайшей силы и могущества нашей страны. Прекрасным показателем

этого единства служит тот восторг, с которым советские люди называют вождя партии и рабочего класса, великого Сталина, вождем народов СССР» («Большевик» № 8, передовая).

Никогда еще мы не встречали Первое мая так, как встречаем его в этом году.

Социализм победил — да здравствует коммунизм!

Но классовая борьба в нашей стране еще не окончена, как не окончена и борьба со старыми капиталистическими пережитками в экономике и сознании наших людей.

Одним из наиболее ярких проявлений классового сопротивления врагов социализма в наши дни являются то здесь, то там всыхивающие зловещие огни контрреволюционного саботажа и других контрреволюционных выступлений против дела социализма. Враги социализма делают последние усилия, чтобы остановить наши успехи, всячески подорвать и ослабить их.

В то время, когда под замечательным руководством ближайшего соратника великого Сталина, товарища Л. М. Кагановича, железнодорожный транспорт изживал свои закоренелые болезни и победоносно шел к поставленной перед ним партией цели, в недрах НКПС организовалась и пыталась задержать развитие нашего транспорта контрреволюционная саботажническая группа «предельщиков».

Под руководством партии «предельщики» были вышиблены из НКПС и с железных дорог, были разгромлены и окончательно смяты могучим стахановско-кривоносовским движением, обесчленившим нашему социалистическому транспорту славную победу.

Хулиганствующие, дезорганизаторские и уголовные элементы, лодыри и прогульщики — прямые агенты классового врага, пробравшиеся на отдельные фабрики, заводы, совхозы и колхозы, пытаются помешать стахановскому движению, то здесь, то там пробуя расстроить ряды стахановцев и в отдельных случаях даже выбить из этих рядов лучших передовых людей нашей страны.

Классовый враг не унимается. Чем безнадежнее становится его положение, тем ожесточеннее оказывается его сопротивление. Классовая борьба не окончена. Еще в течение длительного времени пролетарскому государству придется вести борьбу со своими классовыми врагами, беспощадно подавляя их сопротивление делу социализма.

В этой борьбе почетная роль выпадает на долю органов советской юстиции — на долю суда и прокуратуры. Новая конституция, новый, более высокий этап развития советской демократии — социалистической демократии — ставят перед судом и прокуратурой новые и ответственные задачи, требующие еще и еще раз энергичной и решительной перестройки методов и приемов судебной и прокурорской работы.

В условиях всеобщего подъема социалистической культуры суд и прокуратура должны организовать свою работу на высоком культурном уровне.

Новая конституция, над проектом которой работает Конституционная комиссия под руководством нашего вождя и учителя — това-

рица Сталина, отводит советскому суду почетное место, как одному из важнейших органов борьбы за социализм.

В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин указал на то, что выборы в будущие советы будут у нас всеобщими, потому что «все граждане, за исключением лишенных избирательных прав по суду, будут иметь право избирать и быть избранными».

Таким образом суду и только суду предостается такая ответственная функция, как функция лишать избирательных прав граждан Советской страны.

Уже одно это обстоятельство говорит о той громадной политической и общественной роли, какая в новых условиях принадлежит советскому суду. Это лишний раз свидетельствует о бесспорности и бессмысленности болтовни об отрицании суда, которому якобы нет места в социалистическом государстве.

В социалистическом государстве право и суд призваны играть большую и активную роль в защите советского государственного порядка, в защите общественной (социалистической) собственности и интересов граждан социалистического общества.

Буржуазные юристы любили говорить о суде присяжных, как о «суде жизненном», призванном быть «проводником народного правосознания», любили говорить и о самих присяжных, как о выразителях «общественной совести, вelenия которой коренятся в глубине нравственного миросозерцания народа» (А. Ф. Кони, За последние годы).

Мы знаем, что либеральные буржуа речами о «народе» и о «народном миросозерцании», как и речами о «народном государстве», прикрывали свои буржуазные представления и буржуазные интересы. И «народное правосознание» и «нравственное миросозерцание народа», о которых ратовали эти господа, были не чем иным, как правосознанием и миросозерцанием эксплуататоров, присвоивших себе право и возможность говорить от имени народа.

Советский суд — единственный в мире суд, имеющий право говорить от имени народа, являющийся действительно и подлинно народным судом. В его деятельности, в его работе выражается подлинное народное правосознание, правосознание народов СССР, построивших свое социалистическое общество и счастливую, радостную социалистическую жизнь.

Наша задача — всемерно укреплять роль и значение советского суда как одного из проводников этого великого подлинно народного правосознания.

В советской жизни живет и действует социалистическое право, являющееся одним из могущественнейших рычагов социалистического строительства.

В советской жизни живет и действует социалистическое право, выражающее великие принципы социализма, всем своим острием направленное против эксплуатации и эксплуататоров, в защиту общественной (социалистической) собственности, пролетарского государства и трудящихся — граждан СССР.

Советское право с первых же дней своего возникновения стояло на защите пролетарской

революции против капитализма, против частной собственности и эксплуатации.

В процессе своего развития советское право все более и более усваивало социалистическое содержание, достигнув в таких законодательных актах, как закон 7/VIII 1932 г., наиболее полного выражения своих социалистических принципов. Но с самого начала своего возникновения оно целиком и полностью стояло на страже интересов социалистической революции и пролетарского государства.

Неправильно поэтому утверждение П. И. Стучка, определявшего в свое время (1931 г.) первый этап развития советского права, как простую рецепцию буржуазного права, утверждавшего, что «под революционным или социалистическим правосознанием скрывалось в значительной степени то же буржуазное правосознание, ибо иного правосознания ни в природе, ни в человеческом представлении еще не существовало».

Неправильно также утверждение т. Стучка, рассматривавшего понятие социалистического правосознания как понятие, механически воспринятое у буржуазной науки, в частности у проф. Петражицкого, как неправильно его же утверждение, что «тогдашнее марксистское понимание права не было дальше так называемого «юридического» социализма проф. Менгера или с.-д. Реннера» (Стучка, Революционная роль советского права).

Это, разумеется, грубейшая ошибка т. Стучка. Из «Критики Готской программы» Маркса и «Государства и революции» Ленина мы знаем, что при социализме, называемом Марксом «первой фазой коммунизма» мы имеем еще «буржуазное право», которое «как и всякое право» предполагает неравенство.

И это не странно и не случайно. Ленин разъяснил это «интересное» явление, показав, как жизнь на каждом шагу показывает «остатки старого в новом», и в природе и в обществе. Ленин при этом подчеркнул, что «Маркс произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма» (т. XXI, 438).

Но это не все. Право переходного от капитализма к коммунизму периода отличается не только сохранением некоторых черт старого, буржуазного права, не только наличием в «новом» остатков старого, «кусочков» буржуазного права. Право переходного периода характеризуется и новыми элементами, неизвестными старому праву, невозможными для буржуазного права.

Социализм делает средства производства общей собственностью, поскольку буржуазное право, признающее их частной собственностью, отпадает.

Социализм провозглашает и осуществляет новый принцип: «Кто не работает, тот не должен есть», принцип социалистический, еще не устранивший «буржуазного права», но уже создающий новые основания для правового регулирования общественных отношений.

Буржуазное право освящает эксплуатацию и закабаление трудящихся, новое советское право объявляет беспощадную войну паразитам, богатым и их прихлебателям, жуликам, туеядцам и хулиганам.

«Богатые и жулики, это — две стороны од-

ной медали, это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма; этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно, — вот одно из первых указаний В. И. Ленина, являющееся программным требованием советской юстиции (т. XXII, 164).

На VIII съезде РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Ленин говорил о советских декретах, как о призыве к практическим мероприятиям, как «о намеченных путях».

В этих декретах советская власть выражала то, что «народ сознает» (Ленин, т. XXVII, 256), выражала народное правосознание, или, точнее, правосознание трудящихся масс.

В этом заключается то новое в нашем праве, что коренным образом отличает его от буржуазного права, что отличает советские законы «от всех и всяких законов» (Ленин).

Говоря о декрете о земле (27/X 1917 г.), Ленин заметил: «В этом отношении (в вопросе о земле, — А. В.) мы уже добились того, что русский крестьянин знает, что всякое предложение, касающееся изменения старых законов, встретит у нас всегда не только не тормоз, а напротив, самое благожелательное отношение в высшем законодательном нашем учреждении» (там же, стр. 319).

Мы могли бы привести немало ссылок, подтверждающих ошибочность утверждения, что у нас в первые годы революции не было социалистического правосознания, что это правосознание было в значительной степени буржуазным. Чтобы покончить с этим вопросом, сделаем, однако, лишь одну еще ссылку на записку В. И. Ленина Д. И. Курскому, в которой Ленин писал о необходимости «расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не *sopra juris homini* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание»... (т. XXIX, стр. 419).

Это революционное или социалистическое правосознание, указания на которое неоднократно повторяются в ряде документов последующего законодательства (например, ст. 454 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик; первый абзац пункта программы ВКП(б) о суде; декрет о суде № 2 (22/II—1/III 1918 г.); декрет о народном суде 30/XI 1918 г. и пр.), является одним из важнейших источников формирования убеждения советского судьи.

Советский судья при решении того или иного конкретного дела не должен и не может упускать из виду общих задач советской юстиции как органа пролетарской диктатуры. Определяя свое отношение к тому или иному конкретному преступлению или преступнику, советский судья должен исходить из правильного понимания всей обстановки и всего дела.

В условиях социалистических побед, в социалистическом обществе советское право окончательно наполняется социалистическим содержанием, выражая собой особенность социалистического строя нашей общественной жизни, охраняя социалистическую собственность, защищая интересы советского государства, являющегося свободным обществом рабочих и крестьян, защищая личную собственность и неприкосновенность граждан.

Социалистическое правосознание в новых условиях приобретает еще большее значение как активная творческая сила, содействующая организации новых социалистических отношений.

Наша задача всемерно бороться за укрепление советского права, советского закона, за максимальное укрепление авторитета советского суда, за максимальное улучшение качества его работы.

В сознании этих новых и великих задач советской юстиции работники суда и прокуратуры встречают великий пролетарский праздник, подводя итоги и своего участия в деле великого социалистического строительства, готовясь к новой борьбе и новым успехам в деле социалистического строительства.

Ф. НЮРИНА

К вопросам следствия

Третий пленум Комиссии партконтроля дал блестящий образец того, как можно и должно перестроиться, чтобы поднять организационную работу до уровня политических задач.

Использовать этот опыт сталинского стиля работы, со всей большевистской самокритикой беспощадно вскрыть вопиющие недочеты в нашей работе необходимо для того, чтобы поднять суд и прокуратуру на ту высоту, которая требуется возросшим уровнем культуры страны, чтобы выполнить директивы партии и правительства. Самым сложным и ответственным участком работы и одновременно самым отстающим до сих пор остается следствие.

На I Всесоюзном совещании работников юстиции по докладу т. Акулова было записано, что «политическая значимость и роль расследования особенно возрастают в условиях тре-

бования меткой и политически подготовленной репрессии. Качественно полноценное проведение расследования является решающим условием правильности судебной политики и высокого качества работы суда».

Правильное понимание того огромного значения, которое имеет следствие для работы суда и прокуратуры, несомненно усвоено работниками юстиции, однако до сих пор проделано явно недостаточное число необходимых организационных мероприятий для того, чтобы этот отставший участок подтянуть.

В 1935 г. по РСФСР была проделана черновая работа, которая создает возможность улучшения качества следствия.

В Прокуратуре РСФСР, в прокуратурах краев и областей не было точного и ясного представления о том, что собой представляет

ншт следственный аппарат, в какой мере следственные кадры владеют техникой своего дела, где кроются причины такого длительного отставания этого участка работы.

Сейчас мы вооружены этими данными, и это уже много, ибо, вскрыв болезнь, можно правильно организовать лечение.

Самое основное, что мешало и мешает до сих пор правильной организации следственной работы, — это громадная текучесть нарследователей. Число опытных, освоивших технику работы, нарследователей прямо ничтожно. Достаточно привести хотя бы следующие данные: за 1931 г. из состава следственного аппарата было 45,2% всех работников, за 1932 г. — 43,1%, за 1933 г. — 45,9%, за 1934 г. — 45,4%.

Такая громадная текучесть, корни которой тоже надо было бы вскрыть, — говорит о том, что ежегодно состав следователей наполовину обновляется, и новый состав должен осваивать сложную технику следственной работы. Отсутствие практического опыта в работе значительной части следственного аппарата не компенсируется теоретической подготовкой вливающих каждый раз новых работников, ибо они обычно комплектуются из людей, не владеющих техникой этого дела как практически, так и теоретически.

В 1931 г. среди следователей имелось всего 13,2% с высшим образованием; в 1932 г. процент следователей с высшим образованием снизился до 11,1; в 1933 г. — до 9,4; в 1934 г. этот процент поднялся до 9,9%.

Отсутствие практического и теоретического опыта среди значительного количества следственных работников усугубляется еще тем, что состав следователей комплектуется зачастую из людей, имеющих небольшой опыт общественно-политической работы. Процент партийцев за последние годы систематически снижался (за время с 1926 по 1935 г. с 47,6 до 31,7%).

Такой молодой состав следователей (с 3-летним стажем работы имеется всего 27,2%) при такой слабой практической и теоретической квалификации требовал и требует особой заботы, дифференцированного, постоянного руководства и помощи; между тем, новая структура прокуратур, установленная после XVIII съезда партии, не предусмотрела в системе краевых (областных) и республиканских прокуратур такого отдела, который систематически занимался бы вопросами изучения следственных кадров, закрепления их на работе, их подготовки и переподготовки, обеспечения им элементарно-необходимых условий работы (камера, средства передвижения, необходимое оборудование и т. д.). Методическое руководство следствием, сконцентрированное в оперативных отделах, не поднималось на должную высоту, и даже конкретные указания по отдельным делам, в некоторых случаях, были недостаточно квалифицированными, ибо в составе даже краевых и республиканских прокуратур имеется не мало товарищей, недостаточно квалифицированных в области следствия.

До 1935 г. мы имели процесс ухудшения качества следственной работы. Небрежное, зачастую безграмотное ведение следствия, примитивнейшие ошибки как в области материального, так и процессуального права, безграмотность общекультурная и специально юридиче-

ская, которая сопровождалась нередко и малограмотностью политической, неумением разбираться и дать правильную политическую оценку фактам, — все эти недочеты были довольно широко распространенным явлением. Одновременно наблюдалось и резкое понижение производительности труда следователей; средняя нагрузка значительного количества следователей не превышала 3—4 дел в месяц.

Несмотря на решения I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников, следователь не стал органом расследования наиболее важных и актуальных категорий дел. В очень большом количестве случаев следователь по-прежнему был чем-то вроде помощника для поручений у райпрокурора. Отдельные мероприятия по улучшению положения были по преимуществу эпизодического характера и серьезного, настоящего перелома не создавали. Краевые (областные) прокуратуры следствием всерьез не занимались; опытные, квалифицированные следователи на работе не закреплялись, даже наоборот, установилась практика выдвигать мало-мальски квалифицированных следователей, в особенности партийцев, на прокурорскую работу. У массы следователей не создавалось уважения к своему труду — следователь в редких случаях чувствовал себя ответственным, серьезным звеном в системе органов юстиции.

Надо было добиться коренной перестройки. Было совершенно очевидно, что без этого поднять судебно-прокурорскую работу невозможно. Надо было организационно выделить этот участок работы, заставить краевых (областных) прокуроров всерьез заняться этим делом.

Первая организационная работа в 1935 г. была проведена небезуспешно.

Создание методических бюро как в союзной, республиканской прокуратурах, так и в прокуратурах краев и областей, развертывание социалистического соревнования, в которое было втянуто огромное количество следственных и прокурорских работников, уже дали свои первые результаты. Учен был, во-первых, состав следственных работников. Со многими следователями Прокуратура Республики установила непосредственную персональную переписку, которая помогала выявить положение и обстановку работы. Были проведены кустовые совещания следователей и курсы-конференции. По данным 35 краевых (областных) прокуроров и прокуратур авт. республик работой по повышению квалификации было охвачено примерно 1900 нарследователей, около 1200 следователей прошли через курсы-конференции, свыше 200 следователей были вызваны в краевые (областные) прокуратуры с докладами, 250 следователей были обследованы на месте. Большую работу провело методбюро при Прокуратуре Республики, которое по вопросам улучшения следствия дало целый ряд указаний, зачастую непосредственно отдельным следователям.

Первым и самым важным результатом проведенной работы явилось то, что у массы следователей поднялся интерес к своей собственной работе. Из многих писем, полученных непосредственно Прокуратурой Республики, видно, что следователь после продолжительного времени впервые почувствовал значимость своей работы, интерес к своей работе, и у него по-

явилось непосредственное стремление к усовершенствованию своей работы, к движению вперед.

Надо сказать, что движение за улучшение следственного дела получило широкую поддержку местных партийных и советских организаций. В 1935 г. местными организациями было ассигновано свыше 250 тыс. руб. на премирование лучших следственных работников. В связи со всем этим увеличилась производительность труда следователей, уменьшился процент дел, направляемых подготовительными заседаниями на исследование, увеличилось количество дел, направляемых прокурорами с обвинительными заключениями. Стали быстрее и темпы расследования дел.

Проделанная работа — лишь первый шаг. То, что сделано, дает сейчас возможность разрабатывать и провести конкретные мероприятия, для того чтобы поднять следствие на надлежащую высоту. То, что наш следственный аппарат очень молод, без достаточной теоретической и практической подготовки, требует прежде всего закрепления следователей на этой работе, стимулирования их и прекращения практики «выдвижения лучших следователей на прокурорскую работу». Надо установить возможность продвижения следователей с низшей работы на высшую, ввести должность кандидатов на следственную работу, должностей младших на следователей, старших на следователей, следователей крайпрокуратуры, старших следователей крайпрокуратуры. Обеспечить соответственное повышение зарплаты в зависимости от занимаемого в следственном аппарате положения.

Надо обеспечить систематическую учебу, освоение техники для всего следственного аппарата, но возможности без отрыва от производства (заочное обучение, консультация, краткосрочные курсы-конференции, кустовые совещания, литература, методические указания) Надо поставить действенный учет кадров с тем, чтобы обеспечить дифференцированное руководство и помощь нашим следствен-

ным кадрам. Надо поставить следователя в надлежащие условия работы, прекратить систему превращения следователя в личного секретаря или помощника райпрокурора, повысить его служебную дисциплину и высокое чувство ответственности за порученное ему непосредственно дело.

Нам нужно развернуть социалистическое соревнование с такой установкой, чтобы сильный не добивал слабого, отстающего, а чтобы в организованном порядке слабым была оказана надлежащая помощь со стороны сильных.

В 1935 г. в числе многих других соревновались между собой в области улучшения следствия Восточносибирская и Западносибирская крайпрокуратуры. После проверки итогов работы Прокуратура Восточносибирского края обратилась к следователям и прокурорам Западной Сибири с обращением, которое т. Фридберг закончил следующими словами:

«Мы приехали, чтобы проверить итоги нашего соревнования, итоги социалистического соревнования двух краев Советской Сибири. В этой товарищеской социалистической борьбе мы радуемся нашим совместным успехам. Мы будем гордиться своей победой над вами, если она нам достанется. Но с неменьшей гордостью мы будем приветствовать вашу победу над нами, победу, достигнутую большевистским отношением к работе, к труду».

Мы в 1935 г. выяснили причины отставания следственной работы и этим самым мы разрешили только первую, правда, очень важную часть задачи. Сейчас мы знаем, где слабые места, мы знаем, как нужно помочь, чтобы покончить с позорным отставанием на этом важнейшем участке нашей работы.

Накопленный в 1935 г. опыт должен быть всемерно использован. В 1936 г. мы должны добиться решающих успехов в работе по существу.

Хорошо поставленная следственная работа поможет нам поднять работу на новую ступень.

М. ЧЕЛЬЦОВ

О расследовании преступлений в органах связи

1.

Напряженная борьба, которую работники прокуратуры и суда вместе с Наркоматом связи ведут со злоупотреблениями и хищениями в органах связи, дает свои результаты. (Отчеты за 1935 г. показывают уменьшение хищений и потерь почти по всем союзным республикам. Так, конъюнктурный обзор почтового управления Наркомсвязи показывает, что утраты и хищения посылок и регистрируемых писем за минувший год значительно снизились по сравнению с 1934 г. По РСФСР с 1621 тыс. руб. до 1222 тыс. руб.; по УССР с 228 тыс. руб. до 112 тыс. руб.; по ЗСФСР со 122 до 41 тыс. руб.; по ТуркССР с 42 до 20 тыс. руб.; по БССР с 12 до 8 тыс. руб.)

Только по Узбекской ССР сумма хищений

выросла с 43 тыс. до 102 тыс. руб. и по Таджикской ССР с 9 тыс. до 12 тыс. руб.

В целом по СССР сумма хищений посылок и писем снизилась с 2087 тыс. в 1934 г. до 1517 тыс. руб. в 1935 г.

Однако, если обратить внимание на количество похищенных посылок, то процент снижения окажется меньшим.

В 1934 г. было зарегистрировано похищение и утрата 20 600 посылок и регистрируемых писем. В 1935 г. — 18 560. Цифра очень серьезная сама по себе. Но ведь надо учесть, что приведенные цифры говорят только об одном участке связи, что множество злоупотреблений совершается в переводном хозяйстве связи, что ежегодно оно теряет миллионы рублей от выплат по подложным переводам и от двойных

выплат, неизвестных телеграфам Западной Европы и Америки.

Это положение заставляет обратить серьезное внимание на борьбу со злоупотреблениями в органах связи и, в частности, на особенности расследования по этим делам.

2.

Здесь приходится отметить специфическую черту, отличающую если не все, то большинство преступлений в органах связи, выделяющую их из ряда преступных злоупотреблений (тех же присвоений и хищений) в других хозяйственных организациях. И здесь и там возможен, конечно, некоторый иногда достаточный большой промежуток времени между совершением преступления и его раскрытием. Но лишь в органах связи типично: для одних преступлений — расчленение преступного действия на два обособленных акта, разделенных не только во времени, но и в пространстве; для других же одноактных преступлений — выявление преступного результата в другом месте, — явление известное также на транспорте. Примером первого типа преступлений (своеобразных *Distanzverbrecher* немецкой теории) может служить отправление поддельных (т. е. неоплаченных в кассе места приема) переводов и их получение соучастником преступления или самим отправителем в месте назначения, иногда отстоящем от первого на тысячи километров. Примером второго типа является любое хищение почтового отправления или части его (например замена некоторых предметов, изъятых из посылки, малocenным грузом — кирпичом, тряпками), совершаемое в пути следования посылки и обнаруживаемое чаще всего только в месте назначения.

Вот это типичное для преступления в органах связи осложнение, которое на практике почти всегда приводит к несовпадению места совершения преступления и места его обнаружения, — влечет за собой и усложнение расследования и затягивание его сроков.

Ведь очень часто самый факт преступления подобного рода делах может быть установлен лишь после соответствующего запроса места отправления и получения оттуда ответа. Далее, для установления места совершения преступления (например пропажи ценного письма) приходится проделать сложный процесс, который почтовики называют на своем техническом языке «путированьем» данного отправления, — установления последовательного его прохождения от одного пункта к другому — от почтамта через п/о в почтовый вагон, опять в жел. п/о и опять в вагон, ждo и почтамт места назначения. Таким образом, здесь, прежде чем дойти до живых людей, с которых можно спросить отчет о порученных им ценностях, приходится идти путем проверки множества документов — реестров, расписок и описей, находящихся в различных местах. Иначе говоря, расследователь или должен стать разъездным ревизором, «летучим голландцем», вечно гонимым за трудно уловимым врагом, или же положиться на то, что сами работники связи соберут для него нужные данные. Так как первое технически невозможно, то на практике следователь не обходится без специального ведомственного расследования.

Ведомственное расследование в органах связи,

обуславливаемое спецификой оперативной деятельности этих органов, является, таким образом, неотъемлемой частью огромного большинства следственных дел о преступлениях в органах связи.

Это обстоятельство является одновременно и плюсом и минусом в следственной работе аппаратов милиции и прокуратуры по данной категории дел: плюсом, потому что правильно и быстро проведенное расследование обычно дает в руки следственных органов ключ к раскрытию дела; минусом, потому что органы следствия привыкают требовать от органов ведомственного расследования полного выяснения не только события преступления, но и его виновника, и очень часто пассивно выжидают, чтобы соответствующая инспекция преподнесла им все необходимые данные для оформления материалов расследования. Отсюда, конечно, большой процент нераскрытых преступлений и прекращаемых дел.

3.

Между тем, правовое положение ведомственной инспекции связи, объем ее полномочий в области расследования, ее взаимоотношения с органами милиции и прокуратуры не нашли еще достаточно четкого юридического оформления, что зачастую дает себя чувствовать на практике досадными перебоями.

В самом деле, ст. 97 УПК, перечисляя органы дознания, включает в перечень работников налоговой, санитарной, технической и торговой инспекции по делам, отнесенным к их ведению, но не включает в этот перечень инспекции связи.

Таким образом, исходя из буквы закона, органы связи могут производить лишь первоначальные, ограниченные пределами трех суток внутриведомственные расследования, которые, согласно части 2 ст. 97 УПК, имеют право производить все правительственные учреждения и должностные лица.

Существовавшие несколько лет на основе положения о них 1927 г. инспекции связи были затем упразднены и только после наметившейся необходимости усиления борьбы с преступностью в органах связи возрождены приказом наркома связи, изданным на основе резолюций I Всесоюзного совещания работников связи и прокуратуры в декабре 1934 г.

Этот приказ наркома (5/1 1935 г. за № 14 — Бюлл. НКСвязи № 1) возлагает на инспекцию «непосредственное расследование хищений и злоупотреблений».

Точно так же целый ряд статей почтовых правил (например, ст.ст. 1546, 1559, 1627 и др.) предусматривают совершение органами инспекции действий, которые нельзя назвать иначе, как следственными.

Элементарная логика требует, чтобы лицо, выясняющее «в порядке ведомственного расследования» вопросы, относящиеся к почтовым отправлениям, вступало в контакт с отправителями, клиентами связи, опросило их, например, о том, какое вложение было в похищенной или подмененной посылке, в какой упаковке отправлялась эта посылка, или о числе и сроках отправленных или полученных переводов и т. д.

По их процессуальному существу и значению эти опросы являются не чем иным, как допро-

сами свидетелей. Свидетели эти иногда представляют документы и предметы, являющиеся вещественными доказательствами. Тот или иной работник связи или клиент допрашивается в отдельных случаях как подозреваемый (пример: нередкие случаи отправления от имени какой-либо организации посылки с неимеющими цены предметами с наложенным платежом, переводимым на имя третьих лиц — соучастников мошеннической махинации).

С одной стороны, все эти моменты требуют процессуального оформления, и вполне естественно, что изданная в 1927 г. инструкция Наркомсвязи давала работникам инспекции те самые образцы и формы, которые были приняты всеми органами дознания.

С другой стороны, нельзя удивляться и тому, что на практике, и особенно часто в Москве, где органы милиции являются достаточно юридически квалифицированными, они отрицают за работниками инспекции Наркомсвязи право производства дознаний или, точнее говоря, права оформления отдельных своих действий протоколами допросов свидетелей, осмотров и постановлений.

«Вы не имеете права допрашивать, протоколировать, предъявлять... Ваше дело собрать справки, отзывы, почтовые документы и указать подозреваемых», — вот что нередко приходится выслушивать инспекторам Наркомсвязи от работников Московской милиции и МУУР.

Но это еще полбеды. Главная беда начинается дальше. Не имея права заканчивать дознания, инспекция передает их в милицию. Здесь очень нередко, как показывает практика, материалы лежат без движения, потому ли, что у работников милиции есть более серьезные дела (а тут речь идет о какой-то посылке или переводе на сто рублей), потому ли, что они незнакомы с методикой расследования данного вида преступления, а инспекция не дала законченного дела... Как мы уже отмечали выше, часто такие дела прекращаются.

Конечно, если работники инспекции связи захотят формально отнестись к вопросу, они могут на этом успокоиться: есть авторитетное решение о прекращении дела уполномоченного на то органа дознания.

Но многие работники инспекции не мирятся с таким положением; они в меру своих сил хотят бороться с расхищением социалистической собственности и не допускать продолжения того позорного по существу явления, когда каждый год на баланс страхового фонда Наркомсвязи «вешали» все эти сотни тысяч и миллионы рублей, списанных по счету потерь и хищений...

Мы имеем любопытные примеры из прак-

тики хотя бы инспекции Московского почтамта. Ее работникам удалось в ряде случаев, уже после прекращения соответствующих дел милицией, раскрыть виновников хищений. В других случаях, не установив, например, виновника получения перевода по фальшивым документам, инспекция берется за взыскание материального ущерба связи с работника, допустившего грубую халатность при выдаче этого перевода. И вот во всех подобных случаях инспекция наталкивается на препятствия формального порядка. Она не имеет официально прав органа дознания и не может вытребовать из милиции своего производства. Милиция сдала последнее в архив и не соглашается не только на возвращение его, но даже на выдачу отдельных документов, например, подлинного бланка перевода, необходимого для дальнейших поисков виновного в незаконном получении денег или для установления работников связи, обрабатывавших данный перевод.

И фактически милиция часто связывает руки инспекции. А если последней удастся высвободить свои руки и пустить их в ход, то не окажется ли она виновной в превышении власти, в каких-то как бы самоуправных действиях?

4.

Конечно, и ведомственные расследования инспекций связи имеют дефекты. Отчеты отдельных краевых прокуроров отмечают «порчу» ими тех дел, которые затем направляются в органы прокуратуры. Это не удивительно. Было бы странным обратное явление, — чтобы инспектора, не имеющие формального права «чинить дознание», не связанные с прокуратурой, предоставленные самим себе, не делали бы ошибок.

Но поскольку существование этих инспекций оправдано жизнью, и без их работы борьба органов прокуратуры и милиции с преступностью в органах связи потеряла бы большую часть своей эффективности, вывод из всего вышеизложенного может быть, кажется нам, один.

Уже сейчас в порядке совместного циркуляра Прокуратуры СССР, Наркомата связи и Наркомата внутренних дел следует оформить с правовой стороны существование и деятельность инспекции связи в качестве органа дознания с точно определенным кругом полномочий и подведомственных ей дел.

При пересмотре же и окончательном редактировании проекта УПК СССР надо предусмотреть включение инспекции связи в перечень ведомственных инспекций, имеющих право производства дознаний.

За научную основу следствия

Решительное улучшение качества расследования является основным условием выполнения важнейших задач, стоящих перед прокурорско-следственными органами.

Историческое указание т. Сталина — «техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса», и далее «вот почему упор должен быть сделан теперь на людей, на кадры, на работников, овладевших техникой», — в полной мере относится и к нам.

Еще на Всесоюзном совещании работников суда и прокуратуры т. Вышинский говорил, что «для того, чтобы провести правильно следствие, — мало натренироваться, набить руку. Здесь нужно овладеть и техникой этого трудного и сложного дела».

Успех расследования очень часто зависит от инициативы следователя, от того, как он реагирует на мелочи, так как нередко кажущееся на первый взгляд «мелочью» — в дальнейшем приобретает первостепенное значение.

Не меньшее значение имеет и тщательность расследования, т. е. полное, вполне добросовестное закрепление всех собираемых следователем доказательств.

Излишняя поспешность и игнорирование оформления тех или иных следственных действий может принести только вред.

Например, производство личного обыска подозреваемого и изъятие при этом у него писем, имеющих существеннейшее значение для установления всех участников преступления, без составления при этом специального протокола обыска — является серьезнейшим нарушением процессуальных норм.

Между тем, не так давно мы имели такой случай, причем следователю долго не мог уяснить себе совершенной им ошибки, заявляя, что оформление этого изъятия, в данном случае писем, было совершенно излишне, так как обвиняемый «все равно не будет отказываться от того, что письма изъяты у него».

Необоснованность, вздорность и недопустимость таких рассуждений очевидна.

В данном случае это было допущено не квалифицированным следователем, совершенно не работающим над собой.

Но, к сожалению, не менее грубые ошибки и дефекты допускают нередко и квалифицированные следователи, обладающие солидным опытом, причем нередко это объясняется нецелесообразной поспешностью, недостаточной инициативностью и несерьезным подходом к делу.

Ниже мы хотим остановиться на анализе расследования одного, не так давно закончившегося дела об убийстве в Крыму отдыхавших там профессора математики Ленинградского педагогического института им. Герцена — Кавун и его жены.

Надо сказать, что в расследовании этого дела принимало участие 12 чел., в том числе 3 следователя и 9 работников милиции, не считая лиц, выполнявших отдельные требования в Ленинграде, Бахчисарае и других городах.

Однако столь большое количество «нянек» не способствовало успеху и привело лишь к

чрезмерной затяжке расследования и большому количеству грубейших ошибок, которые впоследствии пришлось выправлять Прокуратуре Союза ССР, преодолевая при этом большие трудности.

Обстоятельства этого дела таковы:

31 августа 1935 г. уч. инспектору деревни Никита, Ялтинского района, сторожем Никитского сада, расположенного близ Ялты, было заявлено, что проживавший у него в комнате в Никитском саду, приехавший на отдых из Ленинграда профессор Кавун, еще 26 августа днем ушел вместе со своей женой на прогулку до Гурзуфа, но домой не возвратился. При этом сторож указал, что раньше он не заявлял об этом, так как предполагал, что профессор Кавун уехал к своей жене, которая жила в Ялте по неизвестному ему адресу, но теперь стал беспокоиться столь долгим его отсутствием.

2 сентября в ялтинскую милицию явился гр. П. и заявил, что проживавшая у них на квартире гр-ка Кавун 26 августа утром уехала в Никитский сад к квартировавшему там ее мужу — профессору Кавун, предупредив при этом своих квартирохозяев, что она предполагает «попутешествовать» со своим мужем в Гурзуф и Алушту, в связи с чем вернется лишь через несколько дней. Гр. П. указал, что в связи с этим они в течение нескольких дней не беспокоились, а 2 сентября он сам отправился в Никитский сад, чтобы найти квартиру профессора Кавун и узнать причины столь долгого отсутствия его жены. Лишь разыскав сторожа, у которого квартировал профессор Кавун, П. узнал, что профессор Кавун вместе со своей женой еще 26 августа ушли на прогулку до Гурзуфа и с тех пор не возвращались.

Принятыми ялтинской милицией, в связи с этими заявлениями, мерами розыска исчезнувших супругов Кавун в тот же день 12 сентября днем, на расстоянии около 2 километров от главного входа в Никитский сад, в Мартыновском лесу на дне глубокого оврага были обнаружены 2 трупа. Однако в связи с тем, что склоны оврага были почти отвесны, со стороны же моря вход в овраг был закрыт отвесной скалой, доступ к месту нахождения трупов был крайне затруднителен.

На место обнаружения трупов сейчас же был вызван следователь прокуратуры Крыма, который вскоре прибыл совместно с судебно-медицинским экспертом.

Казалось бы, что обнаружение трупов супругов Кавун лишь на седьмой день после их исчезновения, чему способствовали благоприятно сложившиеся для преступников обстоятельства, предшествовавшие исчезновению супругов Кавун, — требовало от следователя особой тщательности расследования и закрепления всех мельчайших фактов, выявляемых в стадии расследования, и особо внимательного отношения к производству и оформлению осмотра места происшествия. Однако в данном случае с самого начала были допущены непрофессиональные дефекты.

Протокол осмотра местности прилегающей к оврагу, на дне которого были обнаружены трупы супругов Кавун, несмотря на чрезвычайно важные обстоятельства, выявленные при осмотре, — был составлен настолько схематично и кратко, что не давал представления о действительном положении вещей, искажая их.

Из протокола осмотра вытекало, что идущая через Мартыновский лес на Гурзуф тропа подходила прямо к обрывистому верхнему краю оврага. В связи с этим возник вопрос, не явилась ли смерть супругов Кавун результатом несчастного случая и не сорвались ли они в обрыв нечаянно, слишком близко подойдя к верхнему обрывистому краю оврага.

Даже то обстоятельство, что при осмотре района, прилегающего к оврагу, на земле были обнаружены следы крови и, помимо того, был найден небольшой обрывок плечика от женского белья и кусочек серого шнура от ботинок или туфель, не исключали еще возможности несчастного случая, так как в лесу бывает не мало гуляющих, чем и могло быть объяснено обнаруженное плечико и кусочек шнура от обуви, а также и следов крови, тем более, что согласно протокола осмотра все это было обнаружено в разных местах.

Помимо того, возникло сомнение, как могли сохраниться следы крови в течение 7 дней, почему они не были смыты дождем, и не являются ли они следами случайного пореза кого-либо из гуляющих.

В действительности же, как это было установлено дополнительным расследованием, оказалось, что тропа, идущая из Никитского сада в Гурзуф, проходит в 20 метрах от верхнего края оврага, причем с тропы за деревьями и кустами даже не видно оврага.

Более того, показаниями лиц, присутствовавших 2 сентября при осмотре места происшествия, но не указанных в протоколе осмотра, было установлено, что следы крови были больше всего обнаружены на участке тропы возле двух вместе растущих деревьев, причем в этом месте земля, как бы была пропитана кровью.

Оказалось, что при осмотре 2 сентября на место происшествия был вызван фотограф, который произвел снимок той части тропы, возле двух вместе растущих деревьев, где были обнаружены основные следы крови. Однако в материалах дела это не получило никакого отражения. Между тем, впоследствии, при дополнительном расследовании, этот снимок, благодаря которому точно устанавливалось место предполагаемого убийства супругов Кавун, имел большое значение.

В стадии дополнительного расследования, по затребованным с метеорологической станции данным было только установлено, что с 25 августа по 3 сентября прошлого года в районе Мартыновского леса совершенно не было осадков, что объясняло сохранение следов крови в течение 7 дней.

Наконец, о несерьезном подходе к делу говорит и тот факт, что обнаруженные следователем при осмотре плечико и кусочек шкурки не были особо осмотрены и в протоколе осмотра места происшествия не было указано и куда направлены указанные предметы. В конечном же итоге они оказались утерянными.

Осмотр трупов, находившихся на дне оврага, был отложен до утра следующего дня, так как оказалось, что без специальных приспособлений никак нельзя было спуститься на дно оврага.

Совершив ряд грубых ошибок при первом осмотре, следователь и на следующий день, 3 сентября, производя осмотр трупов и окружающей их местности на дне оврага, также крайне поверхностно подошел к исследованию вскрываемых им фактов, не произведя даже наружного осмотра трупов и не указав в протоколе осмотра, что было одето на трупах.

Не был произведен и тщательный осмотр всей окружающей местности на дне оврага, о чем свидетельствует то обстоятельство, что при осмотре, произведенном 3 сентября, на расстоянии 8—10 шагов от трупов был обнаружен один поношенный женский туфель, принадлежавший гр-ке Кавун и лишь через несколько дней дополнительным осмотром, произведенным милиционером, была обнаружена роговая оправа и футляр для очков, второй же туфель так и не был обнаружен, хотя, как впоследствии было установлено показаниями убийц, туфли с гр-ки Кавун они не снимали.

В результате недопустимо поверхностного осмотра, следователь не получил никаких данных, указывающих на то, с какой целью было совершено убийство.

Целый ряд дефектов этого осмотра мог быть, конечно, восполнен при судебно-медицинском исследовании трупов, произведенном в тот же день в ятинском морге.

Вполне естественно, что в данном случае, как и во всех подобных случаях, судебно-медицинское исследование трупов имело первостепеннейшее значение, так как лишь при его помощи можно было установить причины смерти, а следовательно, и каким орудием или способом было совершено убийство. В данном же случае тщательный наружный осмотр мог дать ряд наводящих указаний и на вопрос, с какой целью было совершено убийство.

Лишь получив на основе тщательного наружного осмотра и судебно-медицинского исследования трупов ответы на эти основные вопросы, следователь смог бы сразу же дать правильное направление следствия.

Этим и объясняется предъявляемое ко всем следователям требование обязательного присутствия при судебно-медицинском исследовании трупов в случаях наличия подозрений на убийство. При этом, конечно, следователь должен быть не «посторонним наблюдателем», что мы имеем в большинстве случаев, а активным участником, который в зависимости от тех или иных конкретных обстоятельств должен здесь же ставить эксперту ряд возникающих вопросов, направленных к выявлению основных, указанных выше вопросов, от разрешения которых зависит правильность дальнейшего направления следствия.

Активная роль следователя при судебно-медицинском исследовании трупа является одним из основных условий высокого качества расследования.

В данном, описываемом нами случае значительная степень гнилостного разложения трупов супругов Кавун, что заведомо должно было затруднить разрешение основных вопросов, обязывала следователя особо серьезно

огнестись к судебно-медицинскому исследованию трупов, дабы хоть частично восполнить недочеты, допущенные им при осмотрах.

Однако, вместо этого, следователь совершенно не поехал на осмотр и вскрытие трупов, поручив присутствовать при вскрытии одному из народных следователей г. Ялты.

Дополнительным расследованием, произведенным Прокуратурой Союза ССР, было выявлено, что судебно-медицинское исследование трупов супругов Кавун было произведено крайне поверхностно, присутствовавший же при вскрытии следователь не только не ставил эксперту никаких вопросов, но даже почти и не подходил к трупам, от которых исходил сильный гнилостный запах. Роль народного следователя в данном случае свелась лишь к тому, что он сидел за столом, поставленным в дверях морга, и под диктовку эксперта писал акт судебно-медицинского исследования трупов.

Конечно, все это дало самые отрицательные результаты: осмотр трупов был произведен без должной тщательности; бывшая на трупах одежда полностью не была описана при отсутствии прямых указаний на причины смерти, чему способствовало большое гнилостное изменение всех тканей. Эксперт не проверил даже целостность щитовидных хрящей у трупов и совершенно не осмотрел бывшую на трупах одежду с целью обнаружения на ней каких-либо дефектов ткани и следов крови прижизненного происхождения, что также могло дать какие-либо указания на причины смерти. Правда, осмотр одежды был несколько затруднен, так как вся она была пропитана гнилостной массой и, по показанию одного из свидетелей, походила на противохимический костюм. Однако это ни в коем случае не могло служить основанием для того, чтобы не осматривать одежды.

Вполне естественно, что в результате подобного недопустимого осмотра и вскрытия трупов, эксперт не смог сказать что-либо определенное о причинах смерти супругов Кавун. Лишь на основе того, что нигде в местах пролома черепов и переломов костей в различных частях тела не было обнаружено кровяных сгустков, которые могли бы свидетельствовать о наличии кровоизлияний, а также на основе обнаруженных при осмотре 2 сентября в районе Мартыановского леса следов человеческой крови, эксперт пришел к предположительному заключению, что супруги Кавун первоначально были убиты «каким-либо способом», а затем «трупы их были сброшены в обрыв».

Однако, несмотря на такие неудовлетворительные результаты судебно-медицинского исследования трупов супругов Кавун, ни эксперт, ни следователь не только не приняли никаких мер к сохранению одежды, но допустили и фактическое уничтожение ее, так как одежда была положена вместе с остатками покойных в гробы и посыпана хлорной известью, которая неминуемо должна была уничтожить следы крови и способствовать разложению всей одежды, которая была из летней ткани.

Характерным также является, что мед. эксперт при вскрытии трупа гр-ки Кавун обнаружил, что на одетом на ней бюстгалтере отсутствует одно плечико, однако, несмотря на то, что в его же присутствии 2 сентября в р-не Мартыановского леса близ оврага было обна-

ружено оборванное плечико от женского белья, эксперт не только не принял никаких мер к сличению найденного в лесу плечика с бюстгалтером гр-ки Кавун, но не отразил даже этот факт в акте вскрытия.

Конечно, все эти дефекты явились следствием не только пассивной роли присутствовавшего при вскрытии следователя, но и не в меньшей мере и результатом пассивного участия в судебно-медицинском исследовании следователя, ведшего в то время расследование по этому делу.

Не описав даже подробно, в чем были одежды покойные супруги Кавун в момент обнаружения их трупов, следователь при допросе квартирохозяев супругов Кавун также с исчерпывающей полнотой не выяснил, в чем именно была одета гр-ка Кавун и что она имела с собой в руках, когда 26 августа утром уходила с квартиры, намереваясь ехать к своему мужу в Никитский сад, а также в чем были одежды супруги Кавун, когда они около 14 часов 26 августа вышли из Никитского сада, направившись по указанной им квартирохозяином профессора Кавун тропе в Мартыановский лес, в сторону Гурзуфа.

Это было уже не упущение, а серьезная ошибка, допущенная следователем, так как выяснение всех этих обстоятельств было чрезвычайно важно, поскольку в дальнейшем оно могло иметь серьезнейшее значение в системе доказательств. За истечением большого промежутка времени это не могло уже быть восполнено в стадии дополнительного расследования, так как остатки одежды к тому времени уже истлели, а у свидетелей-очевидцев все подробности изгладились в памяти.

Не был произведен следователем и осмотр найденного на дне оврага одного женского туфля; впоследствии же этот туфель был утерян, и все это явилось крупнейшими и ничем не восполнимыми дефектами следствия.

При дополнительном расследовании возникла необходимость проверить правильность показаний части обвиняемых, сознавшихся в убийстве и ограблении супругов Кавун. Трое из группы обвиняемых показали, что при нападении на проходивших по Мартыановскому лесу супругов Кавун они сначала нанесли супругам Кавун несколько ударов ножами в различные части тела, после чего задушили их и, сняв все бывшее на них более ценное из одежды, сбросили трупы в обрыв. По объяснениям обвиняемых, с мужчины они сняли бывшие на нем туфли, женские же туфли не брали, так как они были старые, сильно поношенные.

Учитывая, что в момент судебно-медицинского исследования трупов супругов Кавун в связи с гнилостными изменениями тканей не было обнаружено следов ножевых ранений, бывшая же на покойных одежда, на которой должны были сохраниться следы порезов, — не осматривалась, туфель был утерян, ограбленная одежда и вещи не были установлены, вполне естественно, что сознание обвиняемых ничем не могло быть проверено и подкреплено. Между тем, это было чрезвычайно важно, так как ограбленные у супругов Кавун вещи и один из ножей, которым были нанесены ранения гр-ке Кавун, были перепрятаны обвиняемыми, из числа отрицавших свое

участие в убийстве и ограблении, и так и остались не найденными.

Эти существеннейшие дефекты, допущенные с самого начала расследования, лишили возможность проверить и закрепить сознание некоторых из обвиняемых, это было использовано частью обвиняемых, которые при допросах, то сознавались, то отрицали свое участие в убийстве и ограблении.

При таком положении дела требовался особенно тщательный подход к собиранию, проверке и закреплению доказательств. Однако и в дальнейшем, когда ведение расследования перешло от следователя к милиции, также был допущен ряд серьезных дефектов.

Для изобличения обвиняемых было важно наиболее точно установить время совершения убийства супругов Кавун. В деле имелось свидетельское показание сторожа ай-данильских виноградников гр-ки Г. о том, что она 26 августа, примерно, в 3—4 часа дня слышала дошедший до нее из Мартяновского леса, раза два повторившийся отчаянный женский крик: «Ой, ой, боже мой», о чем она тогда же рассказала своим сослуживцам.

Несмотря на очевидную важность этого показания, — оно осталось непроверенным: не были допрошены указанные гр-кой Г. ее сослуживцы, не был произведен и следственный эксперимент с целью установления возможности услышать на винограднике крик из Мартяновского леса с места убийства супругов Кавун. Между тем, было чрезвычайно важно это сделать, так как этим частично можно было бы закрепить показания части обвиняемых, указавших, что при нападении их на мужчину и женщину женщина несколько раз успела крикнуть: «Ой, ой, боже мой», после чего была убита.

Правда, этот пробел удалось восполнить при доследовании этого дела путем организации следственного эксперимента, которым с учетом силы и направления ветра по данным метеорологической станции как на 26 августа, так и на время проведения эксперимента, с несомненностью было установлено, что гр-ка Г. слышала крик потерпевшей Кавун.

Надо отметить, что проверка тех или иных собранных по делу доказательств путем организации следственных экспериментов далеко недостаточно примняется в следственной практике, между тем, этот метод проверки доказательств, конечно, при правильной его организации, является одним из лучших и в значительной степени облегчает оценку доказательств.

В данном, например, деле путем организации следственных экспериментов необходимо было проверить, могли ли обвиняемые в течение 2—3 часов успеть пройти с места их работы на шоссе Алушта-Ялта в Мартяновский лес, сделать засаду, убить и ограбить супругов Кавун, сбросить их трупы в овраг, спрятать ограбленные вещи и вернуться к месту своей работы на шоссе. Все это надо было проверить, учитывая расстояние и гористый рельеф местности.

Помимо того, необходимо было проверить показания каждого из сознавшихся обвиняемых, предложив им, каждому в отдельности, показать путь, по которому они шли к месту убийства, то место, где ими была организо-

вана засада и произведено убийство, местонахождение каждого из соучастников в засаде перед совершением убийства, место, куда были спрятаны ограбленные вещи, и путь их следования обратно.

Правда, работники милиции частично проделали такой эксперимент, но это было сделано настолько неорганизованно, — по существу, без участия понятых, с оформлением этого слишком кратким протоколом, не отражающим всего установленного, без составления плана или с составлением его, но без подписи обвиняемого, со слов которого на плане делались те или иные отметки, наконец, без использования при этом фотографии, — что все это не могло быть принято как проверка сознания обвиняемых.

Эти дефекты, правда лишь частично (в отношении тех из сознавшихся обвиняемых, которые раньше не доставлялись на место происшествия), были восполнены в стадии производившегося Прокуратурой СССР дополнительного расследования, в результате чего лишь оказались собранными доказательства, достаточные для предания обвиняемых суду.

Здесь надо также отметить большое значение, хотя и своевременно, но в достаточной степени не оформленного, сделанного 2 сентября прошлого года фотоснимка места обнаружения следов крови в лесу. Заснятое при проведении следственного эксперимента, по указаниям двух обвиняемых, место совершения ими убийства мужчины и женщины точно совпало с заснятым 2 сентября местом обнаружения следов крови. Следует подчеркнуть, что это особо наглядно было по фотоснимкам, так как в условиях лесистой и гористой местности и по протоколу осмотра, и по плану местности, если бы они были составлены самым тщательным образом все же не представилось бы возможным с точностью определить, совпадает ли указываемое обвиняемыми место убийства с тем местом, где при обнаружении в овраге трупов были найдены наибольшие следы крови.

Помимо этого, по делу в стадии его расследования был допущен целый ряд других, не менее значительных, дефектов, многие из которых не представилось возможным исправить и при дополнительном расследовании.

Например, у обвиняемых при их задержании, — а задержаны они были в ночь с 26 на 27 августа, правда, в связи уже со вторым совершением ими вечером 26 августа разбойным нападением на двух курортников, один из которых при этом был тяжело ранен и также ограблен, — не был произведен осмотр бывшей на них одежды. Изъятая же у главаря банды одежда, на которой имелось не мало следов крови, не была осмотрена, исследована и приобщена к делу, и также оказалась затерянной. Лишь в стадии дополнительного расследования, в результате тщательных поисков, эта одежда была, в буквальном смысле этого слова, найдена заброшенной за бумаги в ящике письменного стола одного из следователей г. Ялты.

Одним из обвиняемых в тюрьме при помощи раствора сахара (тайнописью) было написано письмо своим родственникам. Это письмо было перехвачено. По своему содержанию и способу написания оно имело существеннейшее значение для дела. Правда, органы милиции

с должной тщательностью произвели осмотр, проявление текста и перевод на русский язык этого письма (письмо было написано на татарском языке), оформив все это специальным протоколом, однако не приобщили к делу ни этого протокола, ни самого письма, оставив их для криминалистического музея.

Конечно, этот дефект легко был восполнен в стадии дополнительного расследования.

Все эти «большие» и «маленькие» дефекты, допущенные при расследовании столь серьезного дела, должны послужить уроком для следственных работников в их дальнейшей работе.

Сегодня ка к качеству следствия предъявляются столь высокие требования, что уже не достаточно, когда следователь только выполняет все требования нашего закона, все нормы уголовного процесса. Это, конечно, обязательно; но

наряду с этим каждый следователь обязан обеспечить высокое внутреннее качество расследования, которое может быть обеспечено лишь при условии инициативности и предусмотрительности следователя, при условии тщательности расследования, опирающегося на научную основу.

«Если же эта работа не будет опираться на основы марксистско-ленинской методологии, диалектической методологии, — говорил тов. Вышинский, — то дело не пойдет. Это нужно усвоить и понять».

Первейшей задачей всех прокуроров и следователей должно являться не только поднятие общетеоретического и культурного уровня своего развития, но и овладение в совершенстве методологией и техникой нашего дела.

С. МИТРИЧЕВ

Против предвзятости при ведении следствия

Искусство расследования преступлений большое и сложное искусство. Овладеть им можно только после долгой и упорной учебы и большой практической работы. Хороший следователь — это квалифицированный специалист.

Старое представление о работнике расследования, как о человеке, который должен иметь только общую грамотность, должно быть сдано в архив. Современный следователь должен быть вооружен всеми новейшими знаниями в области точных и естественных наук. Вся новейшая техника по борьбе с преступностью должна быть в его распоряжении. Уже давно пора в этой области от слов перейти к делу. У нас есть все материальные возможности поднять знания нашего следователя до уровня современной науки.

Отсутствие у лиц, производящих расследование, соответствующих знаний и технической вооруженности дает себя знать низким качеством следствия. Для примера я подробно разберу два очень характерных в этом отношении дела.

В ночь с 1 на 2 мая 1935 г. в деревне Старая Тахтала (Чувашская АССР) было совершено убийство. Убиты были Антип Смирнов, комсомолец, активист, и его знакомая девушка Екатерина Журавлева.

1 мая 1935 г. вечером в школе села был спектакль, на нем присутствовала местная молодежь, в числе которых были Смирнов и Журавлева. После спектакля (около 12 ч. ночи) Смирнов и Журавлева ушли, а на утро (около 3—4 час.) они были обнаружены мертвыми, лежащими вблизи дома Смирнова.

Обстановка совершения преступления показывала, что предстоит труднейшая задача обнаружения виновных. Но лица, производившие расследование, подошли к нему, как к простому делу. Спешно произвели осмотр места преступления. Вместо собирания серьезных и веских доказательств, произвели аресты среди подозреваемых лиц, и дело считалось разрешенным. Но орех оказался не по зубам. Шесть месяцев следствия ни к чему не привели... Арестованных пришлось освободить, а дело прекратить.

Интересно подробнее остановиться на некоторых следственных действиях по этому делу. В этом отношении любопытен протокол осмотра места преступления.

Как обыкновенно бывает, на место совершения преступления прибыл представитель милиции, а не следователь. Представитель милиции в присутствии уполномоченного Уголовного розыска и понятых от сельского совета приступил к осмотру и исследованию места совершения преступления. Не обладая соответствующей подготовкой, не обладая элементарными сведениями по технике раскрытия преступления, представитель милиции неправильным осмотром места преступления нанес непоправимый ущерб дальнейшему успешному раскрытию преступления.

В протоколе осмотра было записано: «Труп мужчины Смирнова Антипа, на вид 17—18 лет, лежит у самых ворот двора Смирнова, головой на север, ногами на юг, голова склонена на правую сторону, рот и глаза закрыты, лицо чистое, усов и бороды нет, правая рука вытянута вдоль туловища, немного отклонена в сторону, ладонью кверху, пальцы правой руки полусогнуты, левая рука вытянута тоже вдоль туловища и плотно прилегает к туловищу, ладонью книзу, пальцы руки полусогнуты. Ноги в полусогнутом состоянии, склонены на правую сторону, ступни ног прилегают к земле, т. е. правая ступня внизу, а левая — наверху и ниже правой и носками упирается в пяточный воротный столб. На шее имеется запекшаяся кровь. Одет в белую поношенную грязную нательную рубашку, сверху одета голубая ситцевая рубашка без пояса, воротник расстегнут; в кальсонах; сверху бумажные в полоску брюки и легкий на подкладке пиджак из той же материи, что и брюки. Около трупа лежат три носовых платка, серая поношенная кепка, около кепки лежит поясной ремень шириной в три сантиметра, к поясному ремню привязан второй поясной ремень без пряжки, завязан косым узлом; на ремне в разных местах имеются следы крови. В правом кармане брюк обнаружена узкая бритва без черенка, лезвие бритвы в крови.

Девица Журавлева Екатерина, на вид 16—17 лет, лежит от мужского трупa на расстоянии около 4 метров и от двора на расстоянии 5 метров, головой на северо-восток, ногами на юго-запад, лицом кверху, глаза и рот открыты, правая и левая руки в локтях полусогнуты и находятся на уровне плеч, кисти рук ладонями кверху, пальцы в полусогнутом состоянии; на обеих руках надеты белые новые шерстяные перчатки. Ноги вытянуты, одна от другой раскинуты в сторону на расстоянии 25—30 сантиметров, носками кверху; ноги обуты в желтые шерстяные чулки; на правой ступне одета поношенная резиновая галоша; левая галоша около ступни ног. На голове поношенный зеленый полушалок; одета в короткую манерку; под манеркой национальное чувашское платье... На груди поверх платья на левой стороне выше соска обнаружена паклевая припышка от дробового ружья; под припышкой на платье имеется отверстие, у которого края неровные; платье верхнее и шея опачканы кровью. Следов около трупa не обнаружено, ввиду прошедшего дождя.

Что может дать подобный осмотр для дальнейшего раскрытия преступления? Ровным счетом ничего. Ценен тот протокол осмотра, на основании которого можно будет легко впоследствии восстановить всю картину совершения преступления.

Как можно произвести хорошо осмотр, если лица, производящие расследование, выезжают на место преступления, что называется, с «голыми руками». Элементарным требованием является иметь при себе хотя бы простейшие технические средства, которые дали бы возможность обнаружить и закрепить следы, сфотографировать место преступления, начертить план местности и т. д. О походном следственном чемодане говорилась очень много, но до сего времени он находится больше на выставках совещаний, чем у следователя на практической работе.

Кроме этого, нужно добиться, чтоб осмотр места совершения преступления производился следователем. Если этого нельзя сделать по всем делам, то по особо серьезным делам, как убийства, нужно обязательно, чтобы следователь немедленно выезжал на место совершения преступления и производил там сам все следственные действия. По делам об убийствах и изнасилованиях следователь должен брать с собой судебно-медицинского врача.

Правильно проведенный осмотр места преступления — это крепкий фундамент, на котором будет построено все здание предварительного следствия. Основная цель осмотра места преступления — это всестороннее изучение обстановки, отыскивание и закрепление следов, собиpание и сохранение вещественных доказательств.

До прибытия на место преступления представителя милиции обстановка была уже существенно изменена. К трупам имели свободный доступ родители покойных, родственники и просто любопытные. Охрана места преступления до его осмотра, как правило, у нас отсутствует. Свидетель С. показывает, что он, увидя убитых, взял стоявшие около убитых ружья и унес их в комнату. Производивший осмотр не попытался восстановить картину,

где же первоначально стояли ружья. Свидетельница О. показывает, что когда она прибежала к месту преступления и узнала в убитой свою родственницу Журавлеву, то прибрала труп убитой, так как по ее заявлению, на ней было поднято платье выше половых органов. В протоколе это обстоятельство тоже совершенно не отмечено.

На месте совершения преступления было обнаружено два охотничьих ружья. На полированных поверхностях ружей можно было бы, при условии сохранения их в неприкосновенности, фиксировать следы отпечатков пальцев рук и определить с точностью в чьих руках были эти ружья. Но этого сделано не было, и ружья вообще не были на исследовании у эксперта.

Установление, в чьих руках были ружья, по настоящему делу было бы решающей уликой.

На месте преступления были также найдены три грязных лосовых платка, два связанных между собою ремня, узкая бритва без черенка. Расследованием не установлено, кому принадлежал поясный ремень. Не исследованы совершенно три носовых платка. Между тем, путем сравнительного лабораторного судебно-химического исследования содержащейся в платках пыли и содержимого в карманах Смирнова, Журавлевой и подозреваемых, можно было установить, кому принадлежали платки. В результате плохо произведенного осмотра и низкого качества дальнейшего расследования дело по существу не было раскрыто. Четыре месяца спустя пытались исправить ошибки первоначального осмотра. Был организован новый осмотр места преступления, но то, что было упущено первоначально, впоследствии восстановить не удалось.

Главная ошибка лиц, производивших расследование по настоящему делу, — это предвзятость ведения следствия. Прибывшим на место преступления следователям дело казалось очень простым. Убит активист-комсомолец, у него были враги, — значит, это дело их рук. Собирать доказательства не обязательно, стоит лишь арестовать, так как подозреваемые лица сознаются в совершении убийства. Но дело оказалось более трудным: арестованных за отсутствием улик пришлось освободить... Дело, первоначально казавшееся совершенно простым, осталось неразгаданной «загадкой».

Второе дело является примером неумелого применения уголовной техники.

3 марта 1935 г. в г. Харькове гр-ка К. заявила о том, что ее муж обнаружен ею мертвым в квартире с огнестрельной раной головы; при этом она заявила, что здесь имеет место по всей вероятности самоубийство. 3 марта в 7 ч. 30 м. она ушла из дома в институт; муж ее остался дома. Возвратившись в 15 часов, она нашла его мертвым.

Осмотр места происшествия, произведенный в день обнаружения трупa, установил, среди других, четыре обстоятельства, послуживших для следователя основанием подозревать, что здесь имело место не самоубийство, а убийство. Причем было установлено, что после ухода К., в комнату к ее мужу никто не приходил; поэтому явилось подозрение, что убийство совершила сама К.

Четыре обстоятельства были следующие:

- 1) Степень окоченения трупа, указывавшая, по мнению врача, что смерть С. наступила ночью, а не днем, как утверждала К.
- 2) Положение трупа не соответствовало возможности самоубийства ввиду быстрого наступления смерти. (Труп был обнаружен на половину под кроватью).
- 3) Отсутствие пороховой копоти вокруг раины, по мнению эксперта, свидетельствовало о производстве выстрела на расстояние не менее 15–20 см.
- 4) Нахождение пули со следами позднейшего происхождения в таком месте стены, куда она, по мнению эксперта, не могла попасть при выстреле, причинившем смерть С.

Все эти заключения судебно-медицинского эксперта были без всякой критической оценки положены в основу дальнейшего направления следствия. Не были установлены два важнейших обстоятельства: 1) точное направление полета пули по образовавшемуся в стене каналу и 2) сорт пороха, которым были заряжены патроны. Первое дало бы основание установить, где же находился С. в момент производства выстрела, там ли, где обнаружен был его труп, или в другом месте, и второе позволило бы судить, на каком расстоянии был произведен выстрел, так как сорт пороха при появлении пороховой копоти играет решающее значение.

Решив, что здесь имело место убийство, следователь в этом направлении и повел следствие. Предвзятость ведения следствия не была поколеблена даже тогда, когда другими данными дела была обнаружена ошибочность заключения о времени наступления смерти.

Осмотром одежды подозреваемой К. и дальнейшим расследованием не было установлено никаких доказательств, которые могли бы дать указание на совершение ею убийства.

Напротив, показанием свидетелей относительно фактических обстоятельств дела, установлено, что утром 3 марта С. выходил на кухню и зажигал керосинку. Это обстоятельство исключало возможность утверждения, что смерть С. наступила ночью. Точно было установлено, что К. отсутствовала из дома до 15 часов, а следовательно и невозможность непосредственного совершения ею убийства.

Одно из показаний подозреваемой К. об обстоятельствах, приведших по ее убеждению мужа к самоубийству, нашли свое подтверждение в собранных по делу доказательствах (время, мотив, состояние психики). И все же, несмотря на это, следователь продолжал вести следствие в сторону установления, что С. был убит, причем К. была привлечена в качестве обвиняемой и заключена под стражу.

Конечно, проще всего в сомнительных случаях, когда в деле нет достаточных данных для утверждения, имело ли место самоубийство или убийство, утверждать, что было самоубийство, а не убийство. Покойник протестовать не может... Других данных не было добыто. Всегда нужно пытаться установить, а не имело ли здесь место убийство. С этой точки зрения следователь правильно поступил, что повел следствие и в сторону предположения возможности убийства. Но совершенно неправильно, когда, не считаясь с имеющимися в деле доказательствами, он пытался доказать иное.

Предвзятость ведения следствия — это большой порок многих наших следственных работников. Средой, питающей это явление, служит отсутствие твердых знаний в области уголовной техники. В борьбе за качество расследования прежде всего нужно добиться ликвидации технической неграмотности работников расследования.

А ГРУВЕРМАН

Соцсоревнование следователей ж.-д. транспорта в I квартале 1936 года

Соцсоревнование следователей и уч. прокуроров на ж.-д. транспорте проходит по следующим показателям:

- а) правильный отбор дел, которыми должны заниматься транспортные следователи (дела, имеющие серьезное значение для ж.-д. транспорта);

- б) качество следствия (возбуждение уголовного преследования только при наличии достаточных данных к этому, всестороннее и культурное расследование каждого дела) и
- в) сроки производства следствия (неуклонное соблюдение 10-дневного срока).

Соревнованием охвачены почти все следователи дорог сети; соревнуются соседние участки каждой дороги.

На отдельных дорогах соревнование организовано различно.

На Московско-Казанской, МББ и Октябрьской дорогах проводятся ежемесячные совещания следователей, на этих совещаниях подводятся итоги работы за прошедший месяц.

Дорожные прокуратуры Аз.-Черноморской, Северокавказской, МББ, Казанской, Октябрьской и др. дорог издают ежемесячные бюллетени о ходе соревнования. В бюллетенях приводятся случаи удачной и случаи неудачной работы отдельных следователей по конкретным делам.

Прокуратура Октябрьской ж. д. организовала постоянно действующее методическое бюро для оказания методической помощи соревнующимся следователям.

В тех же целях — оказания помощи работникам линии Прокуратура МББ ж. д. провела специальное селекционное совещание уч. прокуроров и следователей дороги.

Так, примерно, организовано соревнование на большинстве дорог сети.

Проводимый в пределах дорог обмен опытом отдельных следственных работников дает много характерных примеров как правильных, так и неправильных методов расследования отдельных категорий дел. Для иллюстрации

привожу следующие случаи из практики следователей МББ ж. д. за последний квартал.

1. Следователь I участка т. Долицкий в феврале 1936 г. расследовал дело о крушении поездов № 781 и № 930 на ст. Орша. Крушение произошло в ночь на 20 февраля около 5 час. утра. Машинист поезда № 930 проехал закрытый semaфор блок-поста № 7 и врезался в бок поезда № 781. Поэтому вопрос об ответственности машиниста был ясен. Труднее было решение вопроса о роли пом. машиниста поезда № 930 — гр. Липкина. Комиссия из управления дороги пришла к выводу, что по ходу поезда Липкин не мог видеть закрытого semaфора. Липкин при допросе его утверждал, что из-за дыма он не видел приближающегося поезда № 781, двигавшегося по враждебному маршруту.

Следователю необходимо было решить, на каком расстоянии мог в ночной темноте Липкин увидеть поезд № 781; мог ли он видеть закрытый semaфор блок-поста; правильно ли утверждение Липкина, что дым паровоза препятствовал видимости двигавшегося по враждебному маршруту поезда № 781.

Акты служебного расследования и заключение комиссии управления дороги ответов на эти вопросы не давали.

Тов. Долицкий на дрезине выехал, вместе с активистами и работниками пути, на блок-пост № 7. Оттуда он пешком направился по тому направлению, по которому шел поезд № 930. Осмотр показал, что гл. — Лепельский и гл. — Витебский пути, по которым двигались поезда № 781 и № 930, пересекаются в блок-посте № 7, а до пересечения пути эти идут на протяжении свыше 1000 м. параллельно друг другу; между путями — ничем не загороженное поле.

Тогда же очевидцы сообщили следователю, что дым не мог заслонить видимости, так как подымался высоко вверх.

Когда эти факты были следователем оформлены и предъявлены Липкину, он признался, что на протяжении следования поезда от ст. Червяково до блок-поста № 7 он вовсе не смотрел в окно и не видел двигавшегося по враждебному маршруту поезда № 781.

В результате изучения местности и устройства блок-поста, следователь пришел к заключению, что ограждение блок-поста одним только semaфором недостаточно: путь к посту идет по кривой при 6-тысячном уклоне, и для безопасности движения поездов необходимо соединить Лепельский путь с веткой № 2 стрелкой и сделать зависимость между светoфорами станции Червяково и блок-поста № 7.

Эти выводы прокуратура сообщила начальнику дороги.

2. Следователь 2-го (Вяземского) участка той же дороги т. Шубенко провел расследование по делу о хищении грузов из вагонов; в хищениях подозревалась группа кондукторов. Следователь собрал улики для привлечения 8 человек; кроме того он установил, что ревизорский аппарат не вел никакого расследования о каждом случае хищения грузов; недостачи грузов оформлялись актами; претензионная часть месяцами этих актов не рассматривалась и сдавала их в архив. Дорога вынуждена была возмещать клиентуре убытки без фактической проверки каждой претензии.

Помимо привлечения к ответственности виновных лиц, прокуратура поставила перед управлением дороги вопрос о необходимости немедленного оздоровления работы коммерческого аппарата и претензионной части управления дороги.

Многу приведены случаи вдумчивого подхода следователя к порученному ему делу. По таким материалам суду легче было правильно представить себе события и действия привлеченных лиц. Бывают, однако, и случаи поверхностного и тенденциозного расследования в практике той же дороги. Примером такого неправильного ведения следствия является дело, проведенное следователем 6-го (Витебского) участка т. Майстриковым. Содержание его следующее: на собрании рабочих угольного склада рабочий Авсеевич заявил, что бригадир того же склада Скорин давал взятки десятникам и за это получал для своей бригады лучше оплачиваемые работы. Заявление Авсеевича подтвердили присутствующие на собрании рабочие Андреев и Блинов. Это заявление некоторые из бригады Скорины расценили как классово враждебную вылазку против стахановского движения. Именно в таком духе оно было освещено и в местной газете.

С этого началось следствие.

При расследовании заявление Авсеевича подтвердили еще ряд лиц (рабочий Босончик и десятник Грядов). Тем не менее после допроса Авсеевича следователь отобрал у него паспорт, профбилет и другие документы.

Авсеевич после этого жаловался товарищам, что его неправильно привлекают к ответственности. На это не было обращено должного внимания. Авсеевич был предоставлен самому себе и на следующий день повесился.

Этот трагический случай показывает, к каким тяжелым последствиям может привести тенденциозное расследование дела.

Скверно обстоит дело со сроками окончания расследования. Только меньшая половина дел расследуется в законный 10-дневный срок. У следователей ж.-д. транспорта имеются все возможности каждое дело закончить в сроки до 10 дней. Нагрузка их весьма невелика.

Следователь Октябрьской железной дороги т. Цодиков закончил в январе 2 дела (оба направлены в дисциплинарном порядке).

Следователь той же дороги Кострувало закончил в январе 2 дела (оба направлены в суд).

Следователь II уч. М.-Казанской дороги т. Лебедев закончил 3 дела (2 из них направлены в суд).

Следователь II уч. Ю.-В. жел. дор. т. Алевин закончил в январе 3 дела (из них 2 переданы в нарсуд).

Следователь I уч. той же дороги т. Федоров закончил в январе 1 дело (направлено в суд).

Старший следователь Октябрьской жел. дор. т. Кулаков не закончил в январе ни одного дела. В бюллетене прокурора дороги это объясняется отсутствием дел.

При такой нагрузке выдержать узаконенный срок имеется полная возможность.

Прокурор Ср.-Азиатской ж. д., объясняя, почему велось в течении 22 дней расследова-

ние о незаконной продаже по спекулятивным ценам 360 кг чая, пишет: «Необходимо было собрать ряд доказательств, подтверждающих виновность причастных лиц».

Такое объяснение ничего не объясняет.

Наконец, плохо обстоит дело с юридической грамотностью у многих следователей. Юрминимум работники сдают, а о ликвидации малограмотности мало заботятся и над собой не работают. Пример: дело о машинисте Гуламове, обвинявшемся в неосторожном убийстве (дело вел следователь 4 отд. Среднеазиатской ж. д. т. Есин). Обстоятельства дела изложены буквально так:

«Гуламов, поручив управление паровозом своему помощнику Глазунову, вопреки требованиям инструкции машиниста не вел наблюдения за работой последнего. В результате Глазунов развил скорость 20 км в час по тракционным путям, не давая свистков, и налетел паровозом на впереди работавшего стрелочника Куштаева, протаскив его под паровозом 54 м, причинив ему увечье с последствием

смерти. На подаваемые сигналы стрелочника об остановке паровоза — отнесся безразлично, не подчинившись им, заявив стрелочнику Ковечкому по наступлению увечья: «а я думал ты смеешься, подавая сигналы остановки!».

В этом безграмотном изложении событий невозможно уловить, как в действительности был убит стрелочник Куштаев и почему не привлечен к ответственности пом. машиниста Глазунов.

Таких примеров можно было бы привести немало из практики следователей не только окраинных, но и центральных дорог.

Не может быть культурного следствия, если акты расследования составлены безграмотно. Поэтому работникам линии, не овладевшим хорошо литературным языком, необходимо работать над собой.

Прокуроры дорог должны к таким работникам предъявлять требование — наряду со сдачей зачетов по юрминимуму сдать и зачеты по русскому языку.

С.

Значение фотографии в работе следователя

Выступая в 1896 г. с докладом на I съезде русских деятелей по фотографическому делу, известный исследователь по судебной фотографии Буринский заявил, что случаи применения фотографии в практике следственных органов в России почти не наблюдаются. Несмотря на то, что с тех пор прошло сорок лет, и что за это время фотография, особенно в советских условиях, гигантски шагнула вперед, применение фотографии следователями в оперативной работе не продвинулось. Немного можно назвать следователей, в практике которых фотография вошла бы как постоянный элемент в сумму приемов, которыми они оперируют в своей работе. Подавляющее большинство следователей судебной фотографии не знает, ею не интересуется и не считает нужным в целях повышения своей квалификации усвоить. Этой же точки зрения, повидимому, придерживаются и составители учебника по юридическому минимуму. Не случайно в выпущенном двухтомнике по юридическому минимуму вопрос о технике расследования, а вместе с ней и судебная фотография, отсутствует.

Судебная фотография — это целая научно-разработанная система, применяемая как один из методов раскрытия преступлений. Недооценка значения судебной фотографии видна и потому еще, что за последние десять лет не вышло ни одной работы по этому вопросу. В 1926 г. издательством Наркомвнудела была выпущена работа Потапова С. М. «Судебная фотография». Работа Потапова является прекрасным руководством для судебных и следственных работников. К сожалению, найти эту книгу на книжном рынке в настоящее время почти невозможно. Между тем, изучение судебной фотографии судебными и следственными работниками значительно помогло бы в деле повышения качества расследования. Так, например, правильной и точной передачи всей картины места происшествия можно до-

биться только путем фотографии. Как бы хорошо ни был нарисован план места происшествия, он не может заменить фотографию по точности масштабов и пропорций. По фотографическому снимку легко установить размеры отдельных предметов, если известны геометрические условия съемки. В силу этого для судебной фотографии пригоден не всякий фотографический аппарат, и не всякий фотоснимок, сделанный при производстве расследования, можно использовать как доказательство. Специальные цели, специально-приспособленная аппаратура, съемка при соблюдении определенных условий делают судебную фотографию совершенно отличной от общей фотографии. Для этих целей Бертильоном еще в 1903 г. был сконструирован особый фотоаппарат. Метод Бертильона очень прост, он предлагает ставить в фотографическом аппарате непосредственно перед пластинкой сетку для горизонтальных и вертикальных линий. При съемке сетка запечатлевается на пластинке. Каждая линия сетки занумерована. Линии отстоят друг от друга на одинаковых расстояниях. При съемке аппаратом Бертильона необходимо соблюдать следующие условия: 1) ось съемки должна быть приведена с помощью уровня в горизонтальное положение; 2) расстояние от центра объектива до пластинки должно быть известным; 3) высота от центра объектива до пола должна быть измерена и зафиксирована.

Правда, за последнее время были попытки это дело упростить и выработать такой метод, при котором можно было бы пользоваться любым аппаратом для судебно-фотографических целей. Особенно удачен в этом отношении опыт Гендля. Он предлагает при фотографировании определенного объекта класть особую доску, на которой начерчен квадрат со стороной в 550 сантиметров и нарисованными диагоналями. Основание квадрата разделено на сантиметры. Доска кладется, напри-

мер на пол комнаты таким образом, чтобы основание квадрата было параллельно основанию прямоугольника матового стекла аппарата. При съемке квадрат искажается по известным математическим законам. Аналогичным образом искажаются в перспективе и все остальные одновременно сфотографированные предметы. Благодаря этому становится возможным, исходя из деформации квадрата, реконструировать план комнаты. Но этот способ все же не может заменить аппарат Бертильона, например, при съемке местности не горизонтального характера. Вот почему и сейчас метод Бертильона можно рекомендовать как один из самых совершенных.

Для следователя интересна главным образом судебно-розыскная фотография, т. е. события, при помощи которых запечатлеваются на фотографиях различные вещественные доказательства, добываемые в процессе расследования. Например, следы, оставленные преступником, предметы, которые были объектом насильственных действий, места повреждений, общий вид места преступления и т. д. Таким образом, разнообразие объектов судебно-розыскной фотографии зависит от вида преступления и обстановки его совершения.

Для того чтобы правильно и с пользой для дела применять фотографию при расследовании преступлений, нужно хорошо усвоить основы общей фотографии, изучить специальную аппаратуру, применяемую в судебно-розыскной фотографии, и знать уголовную технику. В практике мы имели случай, когда следователь при осмотре места происшествия сделал несколько снимков общего вида места преступления, но не заснял деталей обстановки. Когда впоследствии попытались установить по снимку направление следов, идущих от места взлома, то этого сделать не удалось. Кроме этого нужно было вычислить расстояние между некоторыми предметами, имеющимися на снимке, но и этого делать нельзя было, так как при съемке не были соблюдены требуемые условия.

Может, конечно, случиться, что и обыкновенный снимок явится в деле серьезной уликой, но это редкая случайность и на нее надеяться нельзя. Так, при одной железнодорожной катастрофе фотолюбитель-пассажир сделал снимок с места происшествия. Впоследствии несколько месяцев спустя в процессе расследования нужно было установить номер вагона, который сошел с рельс и был причиной ката-

строфы. Ни в одном акте это отмечено не было. Свидетели же показывали, что они предупреждали проводника о неисправности вагона, но какого вагона и кто являлся его проводником, ввиду давности, установить не представлялось возможным. На основании же случайного любительского снимка был установлен номер вагона, и лица, виновные в отправке неисправного вагона, были изобличены.

Другой большой раздел судебной фотографии — это судебно-фотографическая экспертиза. Несмотря на то, что эта область носит чисто специальный характер, общее знакомство с этим разделом следователю необходимо.

В судебно-фотографической экспертизе мы уже имеем дело с научно-поставленным исследованием вещественных доказательств. Поэтому производить ее может только лицо, имеющее специальную подготовку в этой области.

Знать, когда нужно привлечь судебно-фотографическую экспертизу и какие необходимо поставить перед ней вопросы, следователь может только тогда, когда он знает, с чем имеет дело. Например, в процессе расследования у следователя возникло сомнение в подлинности представленного документа. Свидетель по делу показывает, что он видел, как этот документ написан был именно тем лицом, в подлинности подписи которого следователь сомневается. Можно ли в данном случае ограничиться показанием свидетелей? Конечно, нет. Только эксперт, который произведет сравнительное исследование в лабораторной обстановке, может установить подлинность или подложность документов. В другом случае, когда на месте преступления обнаружены пальцевые отпечатки, кто может сказать, принадлежат ли они подозреваемому лицу? Эту задачу может решить только эксперт.

Кроме этого перед судебно-фотографической экспертизой можно ставить задачи выявления невидимого простым глазом, например, вытравленный текст в документе, заматы кровяные пятна, замазанный или залитый чернилами текст и т. п. В этой области имеются большие достижения, и перед судебно-фотографической экспертизой открываются большие перспективы. Ультра-фиолетовые, инфра-красные лучи, рентген, микро- и макро-фотография дают для этого твердую научную почву.

Судебная фотография является важнейшим моментом в уголовной технике, и нашему следователю необходимо усвоить ее основы.

И. ГУРАЛЬ

За создание научно-технического фильма по следствию

В деле подготовки и повышения квалификации работников ряда отраслей народного хозяйства за последние годы начал играть большую роль научно-технический фильм.

Ряд наркоматов и ведомств выпустили уже свои телефильмы, которые с успехом оправдали возлагаемые на них надежды и затраченные средства.

Только для работников органов следствия до сих пор не создан ни один техфильм, при помощи которого следственный работник мог бы на практике видеть, как нужно вести следствие.

Преподавание криминалистических наук без наглядного показа их применения на практике не дает положительного эффекта.

Читая, например лекцию о технике осмотра места происшествия, снятии отпечатков следов, дактилоскопии и изыскания «немых свидетелей», лектор вынужден для большей наглядности демонстрировать эти способы путем примитивной и схематической их иллюстрации, в большинстве случаев мало убедительной для слушателей.

Совсем другое дело, когда такая лекция будет сопровождаться демонстрацией звукового научного кино-фильма. Здесь слушатели смогут наглядно увидеть процесс применения тактики и техники расследования. Перед глазами наглядно и убедительно демонстрируются все способы применения техники. Слушатель увидит, какой метод правильно нужно применять при расследовании, на что нужно прежде всего обратить свое внимание, как последовательно и методически идти по выявленным обстоятельствам преступления.

Спорить о зрительном эффекте и восприятии зрителями фильма не приходится. Такой фильм должен стать неременным учебным пособием криминалистических кабинетов правовых институтов и областных юридических курсов.

Демонстрация такого фильма следователям кадрам принесет много пользы.

В самом деле, многие ли следователи, прибыв на место происшествия, не испытывают некоторых затруднений? Вероятно, не многие. И в этом ничего нет удивительного. От применения того или иного метода расследования в самом начале следственных действий и зависит конечный результат расследования. И тут, конечно, поневоле призадуматься. Опытным

следователям способ применения методов расследования подсказывается опытом. Менее опытные начинают горячиться, отдают огромное количество распоряжений прибывшим на место сотрудникам уголовного розыска, часто неоправдываемых обстановкой. В этом случае только счастливое сочетание благоприятных обстоятельств «вывозит» дело из прорыва.

Исходя из таких соображений, мы считаем необходимым срочное создание научного звукового фильма «Тактика и техника расследования преступлений».

Создание такого фильма мыслится следующим образом:

Среди наиболее ярких видов преступлений, как-то: убийство, грабеж, хищение соц. собственности, детпреступности и т. д., — нужно взять по одному-два эпизода и наглядно от начала до конца показать, как нужно развешивать следствие.

Задача фильма показать, как нужно пользоваться новейшими достижениями в области техники расследования, как производить осмотр местности, трупа, находить «немых свидетелей», применять дактилоскопию, способы сохранения следов, микроскопическое исследование пятен крови, волос, изыскание тождества и т. д.

Подымая этот вопрос на страницах нашего журнала, мы хотели бы получить мнение по затронутому вопросу как от практических работников следствия, так и научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Техфильм по следствию должен быть создан.

С. ФАЙНБЛИТ

Дело Александра Судакова

В Конаковском районе Московской области (теперь Калининской) в 1934 г. хозяйству священника Судакова дано было задание по картофелезаготовкам в количестве 40,5 цент., из них 30,36 цент. нужно было сдать в сентябре, а 10,14 цент. в октябре 1934 г. Судаков в течение сентября сдал только 1 268 кг. Неисполнение задания он объяснил тем, что картофель у него был мелкий, что несколько раз возил его на Заготпункт, но картофель не был принят из-за его некондиционности.

Для проверки, какой именно картофель был у Судакова, была организована комиссия в составе члена сельсовета и двух колхозников, которые раскопали борозды на поле Судакова и установили, что картофель действительно мелкий. Однако, когда у Судакова был произведен обыск, то у него, по словам обыскивавших и по справке Заготпункта, обнаружили 200 пудов кондиционного картофеля, который был изъят.

Судаков утверждает, что у него изъяли тот же картофель, который он неоднократно возил на заготпункт. Против сына священника Судакова — Александра Судакова было возбуждено уголовное преследование за саботаж картофелепоставок. Ни следователь, ни суд тогда точно не установили, почему Судаков своевременно не выполнил картофелепоставок:

потому ли, как он говорил, что Заготпункт не принял у него картофеля, или по мотивам саботажа?

При наличии такого существенного дефекта следствия, дело это в течение полутора лет двигалось по следующим судебным инстанциям: первый раз дело разбиралось 4/X 1934 г. нарсудом 73 участка Конаковского района, Московской обл. — Александр Судаков был осужден по ч. 3 ст. 61 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества в доход государства за злостный саботаж картофелепоставок. 13/X 1934 г. Московский областной суд приговор оставил в силе.

По распоряжению Секретариата председателя ЦИК СССР т. Калинина приговор народного суда был приостановлен. 17/XII 1934 г. дело это рассматривалось судебной коллегией Верховного суда РСФСР, которая установила: «Судаков Александр возил картофель на Заготпункт, но картофель не принят, потому что мелкий и ржавый». Верховный суд РСФСР далее констатирует, что, как видно из материалов дела, комиссия в составе члена сельсовета и двух колхозников проверила картофель в поле, разрыв в нескольких местах борозды, и везде картофель оказался мелким и ржавым, к сдаче непригодным. В силу этого дело было производством прекращено. Судебная коллегия тогда

же вынесла частное определение о том, что дело против Судакова возбуждено неправильно при прямом попустительстве райпрокурора. Это частное определение было направлено прокурору Московской области для наложения на виновного дисциплинарного взыскания.

Ввиду противоречивости некоторых справок по этому делу, Прокуратура РСФСР опротестовала указанное выше определение коллегии Верховного суда от 17/XII 1934 года. 23/II 1935 г. президиум Верховсуда РСФСР отменил определение судебной коллегии о прекращении дела и передал дело для вторичной проверки во вторую коллегию Верховсуда. 4/IV вторая судебная коллегия вынесла определение: «приговор народного суда от 4/X 1934 г. отменить и передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия, так как Судаков данного ему задания по картофелепоставкам не выполнил. Судом в достаточной степени не исследован вопрос, по какой причине Судаковым не выполнен план». В определении также указано, что обвинительное заключение Судакову вручено не было.

30/IV 1936 г. народный суд 73 участка Конаковского района, Калининской обл., вторично рассмотрел это дело и еще раз осудил Судакова к 2 годам лишения свободы с дополнительной конфискацией всего имущества. Кассколлегия Калининского областного суда (к этому времени район перешел в Калининскую область) 14/V 1935 г. этот приговор народного суда оставила в силе. Тогда Прокуратура РСФСР, в свое время опротестовавшая определение кассационно-судебной коллегии о прекращении дела Судакова, 29/V 1935 г. истребовала это дело для проверки в порядке надзора и исполнение приговора приостановила до 1/VI 1935 г.

20/IX 1935 г. по протесту Прокуратуры Республики судебная коллегия Верховсуда РСФСР слушала это дело в третий раз. Приговор вновь был отменен, и дело было передано в народный суд на новое рассмотрение со стадии судебного следствия, так как «народным судом не выполнено постановление кассационно-судебной коллегии от 4/IV 1935 г., предлагавшей проверить вопрос, по какой причине Судаковым не был выполнен план по картофелепоставкам». Кроме этого, несмотря на категорическое предложение Верховсуда, обвинительное заключение все-таки вручено Судакову не было.

В третий раз народный суд Конаковского района, Калининской обл., рассмотрел это дело 28/X 1935 г. На этот раз народный суд оправдал Судакова Александра, так как «предъявленное обвинение материалами судебного следствия не подтвердилось, так как саботаж со стороны Судакова в момент картофелепоставок прошлого года проявлен не был». Этот оправдательный приговор 8/XII 1935 г. Калининским областным судом был отменен, и дело передано в народный суд для нового рассмотрения.

14/I 1936 г. народный суд Конаковского района, рассмотрев это дело в четвертый раз, приговорил Судакова к 2 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества, кроме дома. Кассколлегия Калининского областного суда 26/I 1936 г. этот приговор оставила в силе.

По ознакомлении с представленными Судакоским справками о сдаче картофелепоставок в 1934 г. и по проверке дела в порядке надзора, Прокуратура Союза пришла к выводу, что дело необходимо прекратить, поскольку план картофелепоставок Судакоским все же выполнен, а спорный момент (изъян ли у него был кондиционный картофель или тот, который он неоднократно добровольно пытался сдавать) в течение двух лет так и остался неразрешенным.

Прокурор Союза тов. А. Я. Вышинский в своем протесте от 22/II 1936 г. указал, что «дальнейшее расследование противоречивых моментов этого дела через два года нецелесообразно».

29/II 1936 г. судебная коллегия Верховсуда РСФСР отменила приговор народного суда Конаковского района от 14/I 1936 г. и определение кассколлегии Калининского областного суда от 26/I 1936 г. и дело производством прекратила. В соответствии с протестом т. Вышинского судебная коллегия Верховсуда в частном определении указала Калининскому областному суду «на недопустимую волокиту по данному делу, выразившуюся в том, что, несмотря на двухлетнее хождение дела по разным судебным инстанциям, дело также осталось нерасследованным полностью».

Таким образом крайне несложное дело сына священника Александра Судакова рассматривалось в разных судебных инстанциях шестнадцать раз: 4 раза народным судом, 4 раза в областном суде, 4 раза в судебных коллегиях Верховсуда, один раз в президиуме Верховсуда. в Прокуратуре РСФСР — два раза и в Прокуратуре Союза — один раз.

Каковы выводы? Дело это говорит, во-первых, о совершенно недопустимой недисциплинированности народного суда; высшая инстанция республики два раза указывает на необходимость дополнительного расследования всех обстоятельств дела, два раза требует исполнения Уголовно-процессуального кодекса (вручения обвинительного заключения обвиняемому); суд буквально игнорирует это обязательство для него требование Верховсуда. Во-вторых, Верховсуд никаких мер не принял в отношении тех судей, которые игнорировали его требование. Это дело, в-третьих, говорит о том, как дорого вся судебно-прокурорская система расплачивается за плохую работу народного следователя, за плохое качество прокурорского надзора за следствием. В самом деле, если бы следователь своевременно вдумчиво подошел к расследованию по существу крайне несложного дела, если бы райпрокурор лучше наблюдал за следствием, он позаботился бы о соблюдении норм Уголовно-процессуального кодекса, — тогда вряд ли пришлось бы рассматривать такое простое дело шестнадцать раз в разных судебно-прокурорских инстанциях.

Если внимание работников прокуратуры будет направлено на улучшение работы народного следователя и народного судьи, — тогда бесконечно длинные просмотры такого рода дел резко сократятся, тогда и по Судаковым, ежели они действительно будут саботировать государственное задание, можно будет ударить метко, организованно и своевременно.

Еще раз о следователе

За последние годы следователь стал центральной фигурой всего нашего судебно-следственного аппарата. Требования, предъявляемые к следователю и к качеству его работы, все больше и больше повышаются. Для надлежащей подготовки кадров, в частности следователей, организованы правовые факультеты, институты, академия, республиканские и краевые курсы. Все эти вузы имеют в виду в первую очередь будущих работников и, главным образом, лиц, не получивших соответствующей подготовки. В данном случае речь идет о кадрах следователей, кои уже давно работают и окончили вузы 7—8 и даже 10 лет тому назад. Следует также иметь в виду, что в те годы не всегда учеба стояла на должной высоте.

За истекшие годы жизнь стремительно шагнула вперед. Марксистская разработка вопросов права значительно расширилась и углубилась. В процессе упорной борьбы классовый враг стал в своей подрывной работе действовать изощреннее, тоньше и хитрее. Враг научился приспосабливаться к обстоятельствам и маскироваться. Разоблачение притаившегося врага, раскрытие и расследование сложных хозяйственных преступлений и хищений требует от следователя высокой квалификации и политической подготовки. Отношение к нашим кадрам, чуткое отношение к живому человеку требует также большой всесторонней культуры.

За прошедшие годы многое из усвоенного в вузе позабыто по целому ряду причин. Из-за перегрузки работой новые знания не приобретались, а то новое, что усваивалось, носило случайный, отрывочный характер. Между тем отставание от жизни начинает давать себя чувствовать. Повысить свой политический и теоретический уровень, читать художественную литературу, посещать выставки, музеи и театры, изучать языки — это пока для многих прокуроров и следователей недоступная хотя и вполне осуществимая мечта.

Я считаю необходимым организацию Центрального института повышения квалификации следователей. Следует собрать старых следственных работников, имеющих определенную подготовку, и пропустить их в 2—3 месяца через этот институт. Естественно, что в институте должны быть опытные преподаватели. Основные дисциплины экономики и права должны быть не только восстановлены в памяти старых кадров, но и дополнены новыми данными. Техника следственного дела должна быть основательно пройдена, и накопленный годами практической работы опыт систематизирован. Минимум художественной литературы, а равно посещение под руководством опытных экскурсоводов музеев и выставок должно быть обязательным. Само собой разумеется, что основа всех наших наук — марксо-ленинская теория — должна быть усвоена всерьез и навсегда. Выдвигаемое мною предложение, конечно, требует средств, оно требует, конечно, 2—3-месячного отрыва от работы 100—150 человек, но я полагаю, что если некоторые категории следователей с полным правом требуют, чтобы их обучили, то эта категория следователей с полным правом требует, чтобы их с меньшей затратой сил и средств и с большей эффективностью лишь доучили. Кадры следователей, оседлавших технику своего дела, помноживших свой большой опыт на знания, действительно сумеют дать то качество культурной работы, какое от них сейчас требуется. Если можно создавать институты повышения квалификации врачей и инженеров, то почему нельзя создать хотя бы один институт при Прокуратуре Союза для нас.

Опыт ряда партийных и советских организаций по повышению квалификации своего передового актива должен быть учтен и все лучшее из него должно быть нами усвоено и осуществлено.

С. БЕРЕЗОВСКАЯ

Заметки о судебном надзоре¹

У нас много говорят и пишут о недостатках работы народных судов и подвергают заслуженной критике качество выносимых ими приговоров.

Это совершенно естественно. Суд имеет дело с живыми людьми. Его приговоры часто кардинально меняют судьбу стоящих перед ним людей и имеют широкий резонанс за стенами суда. Поэтому никакое внимание к работе судов и никакая критика этой работы не могут быть признаны излишними.

К сожалению, не вся работа органов суда и прокуратуры пользуется таким же вниманием. Мало кто интересуется и мало кто за-

нимается, например, вопросами судебно-надзорной работы. А между тем надзорная практика оказывает или, вернее, должна оказывать непосредственное влияние на работу судов и поэтому ошибки в ней особенно недопустимы.

Получается так, что с момента вступления приговора в законную силу дело снимается, как говорится, «с контроля» и что с ним происходит дальше, — никого, кроме осужденных по нему лиц, не интересует. Между тем с этим делом часто случаются необычайные метаморфозы.

По жалобам осужденных, а иногда по собственной инициативе органов, осуществляющих судебный надзор, дело пересматривается по

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

два и по три раза. Бывает и больше. Судебных инстанций, которые могут пересмотреть дело в порядке надзора, у нас предостаточно. Приговор покрывается заплатками надзорных определений, изменяющих его, зачастую, до неузнаваемости. А это отнюдь не всегда хорошо.

Все пересмотры дела происходят в тиши (вернее в шуме) кабинетов прокуроров, председателей судов и президиумов судов. Живых людей, прошедших перед судом первой инстанции, никто уж не видит. Конкретная обстановка, при которой рассматривалось дело, теряет свое влияние. Эти обстоятельства могут вести и иногда ведут к тому, что искажается самая перспектива приговора, ломаются внутренние его пропорции. Бывает, например, так, что в результате неоднократных пересмотров дела и изменений приговора он сохраняет свою силу только для наименее виновных, осужденных в свое время к более мягким, по сравнению с другими, наказаниями и не подававших почему-либо жалоб. Пример: Ивановский областной суд 25/II 1933 г. приговорил Андреева, Соболева, Акимускина Петра и Акимускину Анну по закону 7/VIII к 10 годам лишения свободы каждого. Соболеву инкриминировалось недоносительство о готовящейся краже 2 мешков муки (!?) УКК Верховсуда РСФСР приговор в отношении Анны Акимускиной отменила и дело производством прекратила. Преступление Соболева переквалифицировано на 58¹², и наказание снижено до 1 года и-т. работ. Вторая УКК Верховсуда по предложению Президиума вновь рассмотрела это дело, но только в отношении Акимускина Петра. Его преступление переквалифицировано на ст. 162, и из-под стражи он освобожден. После этого в Прокуратуру РСФСР подал жалобу и Андреев. Характерно, что прокурор, рассматривавший это дело уже по жалобе Андреева, заготовил проект протеста в отношении одного Андреева. И только при подписании этого протеста был поставлен вопрос о Соболеве. Тут только усмотрели, что дело в отношении его надо было сразу прекратить за отсутствием состава преступления.

Можно себе представить, какое мнение о приговорах суда создается у людей, знающих осужденных (а это обычно—целое село, колхоз, улица и т. д.), когда через некоторое время после суда одни из осужденных появляются дома, а другие, не всегда самые виновные, продолжают отбывать наказание.

Задачи органов суда и прокуратуры, занимающихся судебно-надзорной работой, сводятся не только к исправлению ошибок по отдельным делам, но и к исправлению работы судов, допускающих эти ошибки. Поэтому судебно-надзорная работа требует самого внимательного к себе отношения со стороны руководства каждого из органов, ведущих эту работу.

У всех нас, работников прокуратуры и суда, накопился большой опыт судебно-надзорной работы. Очень полезно было бы поделиться этим опытом и сделать некоторые обобщения. Прежде всего хотелось бы поговорить о принципах и технике проверки дел в порядке надзора.

Для того, чтобы по возможности избежать тех ошибок, о которых говорилось выше,

надо прежде всего правильно выбирать дела для проверки. Есть масса дел, проверка которых в порядке надзора ничего не даст или дает плохие результаты.

В нашей предыдущей статье о рассмотрении жалоб в надзорном порядке этот вопрос подвергался уже некоторому анализу. Повторять приведенные там соображения мы не будем. Скажем лишь, что не надо брать на себя разрешения в надзорном порядке таких вопросов по делу, которые в силу свойств судебного процесса были виднее суду. В огромном большинстве случаев суд, например, правильнее решит, который из свидетелей говорит правду, который ошибается и который оговаривает. Требовать дело для переоценки этих моментов, как правило, не следует. Между тем, молодые судебно-прокурорские работники увлекаются именно вопросами оценки доказательств и, не умея еще определить степень отклонения между тем, что прошло перед глазами суда, и что отразилось на листах дела, — приносят ошибочные протесты. Поэтому случается, что правильно осужденные преступники освобождаются от наказания только потому, что протокол судебного заседания не сумел отразить показаний свидетелей во всей их житейской выразительности, убедившей состав суда. Нам приходилось видеть дела, по которым по восходящей лестнице приносилось по 3—4 взаимно исключающих друг друга протеста. Это были протесты, построенные на оценке доказательств, принятых судом. Если бы такое дело прошло еще через 20 надзорных инстанций, с таким же успехом могло быть принесено 20 разных протестов.

Разумеется, мы не отрицаем возможности и необходимости проверки дел с точки зрения доказанности совершенного преступления. Но если указание осужденного на то, что свидетели говорили неправду, не подкрепляется ссылками на определенные объективные данные, дело требовать для проверки в порядке надзора не следует.

Такая, казалось бы, элементарная истина, что при просмотре дела в порядке надзора, оно должно проверяться в отношении всех осужденных, на практике не находит себе всеобщего признания. В большинстве случаев проверяются только материалы, относящиеся к тому лицу, по чьей жалобе дело затребовано. Поэтому и получается, что дело ставится на пересмотр по нескольким раз, и поэтому же бывают случаи, когда приговор в конце-концов остается в силе только для второстепенных по делу лиц, получивших мягкие наказания и не обращавшихся с жалобами.

Некоторые товарищи ударяются в другую крайность. Проверая дело они совсем не принимают в расчет поданных жалоб, а рассматривают дело «вообще», не интересуясь мотивами жалобщиков. Методологически это совершенно неправильно. Проверка объяснений осужденного для правильного разрешения дела в порядке надзора играет существеннейшую роль. В частности, иногда при такой проверке оказывается, что жалобщик говорит явную неправду, ссылаясь на несуществующие материалы, якобы находящиеся в деле. Все это делается для того, чтобы оттянуть время и заволокнуть исполнение приговора. Ясно, что

установление таких фактов имеет немалое значение для правильного разрешения дела. Но главное, конечно, не в этом. Главное в том, что жалобщик чаще всего определенно помогает разобраться в деле. Он обращает внимание проверяющего на те слабые места дела, которые могут при общем просмотре и не остановить на себе внимания. Особенно это относится к делам, небрежно оформленным, из которых не видно, какие документы кем представлены и для чего они находятся в деле.

В заключениях, которые составляются после проверки дела (если не приносится протест), обязательно нужно останавливаться на мотивах и давать им оценку, вытекающую из проверки этих мотивов. Во-первых, это обязывает к внимательной проверке дела, а во-вторых, устраняет необходимость вторичной проверки его.

Тут нужно сделать упрек работникам нашей периферии (впрочем не только периферии). Прокуратура Союза ССР дает иногда прокурорам краев, областей и республик поручения о проверке тех или иных дел в порядке надзора, с представлением заключения по делу. Поручение всегда сопровождается просьбой возвратить жалобу. Ни один почти прокурор жалоб при заключении не возвращает. Приходится их требовать специальными письмами, на что уходит много времени. Тем не менее, отказаться от требования возврата жалобы и сообщать отказ жалобщнику на основании одного заключения — невозможно. Заключения обычно пишутся так, что мотивы, выдвигавшиеся жалобщиками в послужившие основанием для проверки дела, отражения в них не находят. Силошь и рядом заключение представляет собой изложение того, что написано в приговоре. Читаешь и не получаешь иногда уверенности, что прокурор, приславший заключение, ознакомился со всеми материалами дела. Приходится слышать заключение с жалобой, и тут часто выясняется, что ни один мотив жалобы не нашел отражения в заключении. Отсюда значительный процент затребования дел Прокуратурой Союза ССР уже после проверки, произведенной по ее поручению на месте. Например: осужденная нарсудом в г. Тифлисе гр. Осипова жаловалась на то, что все следствие по ее делу велось на грузинском языке, без приглашения переводчика, в то время как она не знает ни одного слова по-грузински. В результате она, якобы, даже не знает, какое обвинение ей было предъявлено. При проверке этого дела необходимо было, прежде всего, остановиться именно на этих обстоятельствах, так как независимо ни от каких других причин они при подтверждении обуславливали принятие протеста.

В полученном заключении прокурор повторяет содержание приговора и ни словом не упоминает о мотивах жалобы. Ему было предложено вторично проверить дело и ответить, правильны ли утверждения осужденной (они оказались неправильными). В обоих случаях жалобы не были возвращены вместе с заключениями, и пришлось сначала их требовать обратно и лишь потом давать вторичные поручения.

Или другой пример: некто Галкин был осужден народным судом Октябрьского р-на г. Москвы за участие в краже гр. Савельевым электролампы. Судя по приговору, обвинение

основано на очень косвенных и немногочисленных уликах, в том числе показаниях самого Савельева. В жалобе, поданной в Прокуратуру Союза ССР, Галкин утверждал, что Савельев, на которого ссылается суд в приговоре, определенно отрицал соучастие Галкина в преступлении и что суд в приговоре искажает его показание, точно записанное в протоколе. Подтверждение этого обстоятельства имело бы решающее значение для разрешения дела. По поручению Прокуратуры Союза ССР дело проверялось Московской городской прокуратурой. В заключении, присланном после проверки дела, ни одного слова по поводу выдвинутых Галкиным мотивов не оказалось. Возможно, что прокурор проверил их и нашел несостоятельными. Но для третьих лиц это осталось неизвестным.

Приведенные примеры взяты без специального подбора. Они говорят по меньшей мере о том, что наши работники не придают должного значения технике составления заключений по делам и тем создают себе и другим излишнюю работу.

Установление принципа проверки дела по мотивам жалобы не означает, что прокурор или суд, проверяющий дело, должен ограничивать себя только этими мотивами. Дело должно проверяться по всем его материалам, но только с обязательным учетом мотива жалобы. А встречаются, и нередко, случаи, когда проверяющий ограничивается только мотивами жалобы. Между тем приговор подлежит опротестованию, но совсем по другим обстоятельствам.

Петров, осужденный в 1933 г. нарсудом Калининской области по ст. 107 ст. в редакции 1932 г. к 10 годам лишения свободы, жаловался на приговор, ссылаясь на недоказанность преступления (продал 50 листов железа). Прокуратура Калининской области, проверявшая дело по поручению Прокуратуры Союза ССР, признала доводы Петрова неуважительными и отказала в принятии протеста. Прокуратура Союза ССР, заинтересовавшись характерными обстоятельствами дела, решила проверить его сама. При проверке оказалось, что то действие, за которое Петров осужден к 10 годам по ст. 107 редакции 1932 г., было им совершено в 1931 г. и поэтому подлежало квалификации по ст. 107 редакции 1926 г., не предусматривавшей в своей санкции лишение свободы.

Для того, чтобы иметь надежду на проверку дела в порядке надзора, обвиняемые должны всеми силами стараться не получить по суду и.т. работ, или, боже упаси, еще более мягкого наказания, особенно если дело идет о ст. 111 УК РСФСР (и соответствующих старых УК других союзных республик). Почти никого таким делом не интересуют. А между тем в этих-то делах может быть и скрыто наибольшее количество неправильностей и несправедливостей. Суд ведь тоже не всегда задумывается над вынесением приговоров по таким делам! В результате оправдание привлеченных по ст. 111 — явление чрезвычайно редкое. И вот, создаются ненужные судимости и напрасные обиды. Тут необходимо создать определенный перелом. А пока что дела осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, Прокуратуре Союза ССР приходится, по преимуществу, проверять самой.

Если проверить на выборку протесты любого органа Прокуратуры, то окажется, что подавляющее большинство их ставит вопрос о снижении наказания. Протесты, требующие направления дела на доследование и на прекращение, сравнительно редки.

Вообще-то говоря, преобладание первых протестов над вторым в наших условиях вполне закономерно. Но весь вопрос в степени. Прямо нужно сказать, что цифра протестов на доследование и прекращение дел «занижена».

При необходимости направления дела к доследованию всегда начинаются колебания и попытки найти какой-нибудь другой выход. Вторичное расследование дел у нас ужасно не любят. Действительно, часто оказывается очень трудным, а иногда и невозможным, произвести дополнительное расследование. Что же в этих последних случаях делать? Чаше всего тут избирают «компромиссное» разрешение дела. Находят мотивы для снижения наказания «до фактически отбытого срока» и освобо-

ждают человека. Он получает свободу, но вместе с судимостью. Между тем новое рассмотрение дела возможно дало бы иные результаты. Мы считаем, что этот «компромисс» неправилен. Если признано, что дело нуждается в доследовании, но последнее по тем или иным причинам невозможно, дело надо прекращать, а не ограничиваться освобождением осужденного.

Приведенные замечания о работе по судебному надзору касаются лишь общих вопросов в этой области. Совершенно не затронуты, и мы не ставили себе этой цели, вопросы судебного надзора по отдельным категориям дел. Между тем, здесь накопилось много материала, разработка которого могла бы оказаться очень полезной как для теории нашего уголовного процесса, так и для практической работы суда и прокуратуры. Эта работа ждет своих энтузиастов. Наш журнал, вероятно, предоставил бы для их работ соответствующее место.

с. голунский

О „внутреннем убеждении“ в советском суде¹

Согласно ст. 319 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик «оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Некоторые советские процессуалисты (проф. Гродзинский, частично — проф. Строгович и др.) выдвигают против этого положения ряд возражений. Сущность этих возражений сводится к тому, что оценка доказательств по внутреннему убеждению суда есть принцип буржуазный, что такая оценка имеет субъективный характер, что она сводится к обоснованию приговора на безотчетных впечатлениях, на настроениях судей, тогда как в советском процессе оценка доказательств должна иметь объективный характер и опираться не на внутреннее убеждение судьи, а на какие-то другие основания, независимые от субъективного взгляда судьи. Проф. Гродзинский, занимая наиболее радикальную позицию, считает, что от термина «внутреннее убеждение» необходимо вообще отказаться. Проф. Строгович, не отрицая самого термина «внутреннее убеждение», видит принципиальное отличие внутреннего убеждения в советском процессе от внутреннего убеждения буржуазного суда в том, что оно должно определиться не убедительностью для суда имеющихся по делу доказательств, а качеством этих доказательств, их внутренней доказательной силой.

Этот чисто теоретический вопрос имеет, однако, громадное практическое значение для работы наших органов юстиции, так как судебные ошибки могут происходить или от неполноты доказательного материала или от неправильной оценки имеющихся доказательств.

Если от неполноты следствия сравнительно легко уберечься при достаточно внимательном отношении к делу со стороны прокуратуры и суда, то от ошибок, проистекающих от неправильной оценки доказательств, уберечься гораздо труднее, особенно, если согласиться с тем, что основная, принципиальная установка, данная в ст. 319 УПК, в корне неправильна.

Для того чтобы разрешить этот вопрос, необходимо прежде всего уяснить себе, что значит объективизм в оценке доказательств, которым, по мнению указанных процессуалистов, должна отличаться оценка доказательств в советском уголовном процессе. Исходя из общенаучного значения термина «объективизм», это можно понять только в одном смысле; оценивая то или иное доказательство, судья должен исходить не из того, убеждает ли его данное доказательство или нет, а из какого-то вне судьи лежащего критерия, для всех обязательного. Так, например, работник отдела технического контроля какого-либо промышленного предприятия оценивает продукцию этого предприятия не по тому, находит ли он лично эту продукцию хорошей или плохой, а по тому, соответствует ли она утвержденному стандарту.

Наличие такого стандарта дает ему возможность произвести объективную оценку. Если бы ни стандарта, ни чего-либо его заменяющего (технических условий, образцов и т. п.) в распоряжении такого технического контролера не было, его оценка была бы не объективной, а субъективной.

Точно так же и в отношении суда. Чтобы сделать оценку доказательств объективной, надо дать суду какой-либо критерий — вроде указанных стандартов, технических условий и т. п.

Из истории процесса нам известно, что по-

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

добные «стандарты» существовали в течение целых столетий. Розыскной процесс эпохи абсолютизма основывался на детально разработанных правилах подобного рода. Закон заранее определял, какое количество доказательств должно быть налицо, чтобы можно было признать тот или иной факт доказанным. Закон определял также признаки, определяющие относительную ценность каждого доказательства. Эта теория, известная под именем формальной теории доказательств, безусловно обеспечивала объективную оценку доказательств. Убедительность каждого отдельного доказательства и всей совокупности доказательств для судьи не имела никакого значения. Важно было лишь установить, имеется ли требуемый законом минимум доказательств и насколько каждое отдельное доказательство соответствует требованиям, установленным в законе для данного вида доказательств. Если все эти условия были налицо, суд выносил обвинительный приговор, хотя бы он и не был убежден в виновности обвиняемого.

Эта формальная теория доказательств была забракована, как явно негодная, еще в буржуазном процессе. Ст. 57 УПК РСФСР определенно отвергает эту теорию, и даже среди тех советских процессуалистов, которые выдвигают требование «объективной» оценки доказательств, нет ни одного, который стал бы прямо отстаивать применимость этой теории для советского процесса.

Другой «объективный» критерий для оценки доказательств был предложен итальянским криминалистом Энрико Ферри. Стоя на грани так называемых социологической и антропологической школ уголовного права, а впоследствии примкнув всецело к фашизму, Ферри утверждал, что в наше время оценка доказательств должна основываться на «естественно-научных» основаниях, на данных химии, физики, антропологии и т. п. Это утверждение звучит очень соблазнительно. В самом деле, что может быть лучше, чем проанализировать доказательства в химической колбе и определить таким образом виновность обвиняемого с такой же точностью, с какой химик определяет состав исследуемого им вещества.

В своей книге «Учение о доказательствах и его эволюция», изданной в 1925 г., проф. Гродзинский приветствовал это учение, как открывающее новые богатые возможности перед уголовным процессом. Но беда в том, что естественные науки на современном уровне их развития не дают возможности произвести подобный анализ доказательств. Лишь в очень ограниченных пределах, в тех случаях, когда находит применение экспертиза, естественные науки могут помочь суду в разрешении отдельных вопросов. Само собой разумеется, что в этих пределах естественные науки должны быть использованы, но отсюда далеко до провозглашения этого метода естественно-научного исследования всеобщим методом оценки всех доказательств по делу. Ни в отношении показаний обвиняемого, ни в отношении показаний свидетелей, ни в отношении большинства документов (если только не предполагается подлога), ни в отношении общих результатов осмотра места преступления, т. е. в отношении подавляющего боль-

шинства всех доказательств эти методы неприменимы.

Если Ферри придавал им такое всеобщее значение, то это потому, что, близко примыкая по своим взглядам к антропологической школе уголовного права, он считал, что путем медицинского исследования личности обвиняемого, антропологических измерений различных частей его тела и т. п. способами можно получить основной материал для решения вопроса о преступности данного лица. Но реакционный, не научный характер антропологической школы уголовного права твердо признан в нашей советской науке (см. по этому вопросу — Булатов, «Уголовная политика эпохи империализма», М., 1933 г.).

Поэтому и исходящие из принципов этой школы предложения Ферри не могут быть признаны приемлемыми для советского процесса. Отстаивавший их в 1925 г. проф. Гродзинский в своем докладе в Институте судебной политики в 1935 г. отказался от этой точки зрения.

Таким образом, ни один из объективных критериев оценки доказательств, известных из практики и теории эксплуататорских стран, не может быть признан приемлемым для советского процесса.

Но если, отвергая эти критерии, все-таки настаивать на необходимости объективности в оценке доказательств в советском процессе, необходимо дать для этого советскому суду какой-то другой объективный критерий.

Что же предлагают в этом направлении сторонники объективной оценки доказательств?

В упомянутом докладе в Институте судебной политики проф. Гродзинский выдвинул требование, чтобы совокупность собранных по делу доказательств «исключала возможность всякого другого решения». Если бы такое требование выдвигалось при признании принципа «внутреннего убеждения суда», оно было бы совершенно правильно. Вполне естественно, что суд, вынося приговор, должен быть убежден, что никакого другого решения по данному делу вынесено быть не может. Но проф. Гродзинский «внутреннее убеждение» суда отрицает. Что же означает, при этом условии, выдвинутое им требование о том, что собранные по делу доказательства должны исключать возможность всякого иного решения? Оно может означать только одно: оценивая доказательства, суд обязан, совершенно не считаясь со своим собственным убеждением, постараться представить себе, не могли бы кто-нибудь, при наличии тех же доказательств, прийти по данному вопросу к какому-либо иному выводу, чем приходит суд. И если окажется, что такая возможность существует, что может найтись такой недоверчивый субъект, который не был бы убежден имеющимися доказательствами, суд не может основывать на них свой приговор, так как объективная возможность другого решения не исключается.

Поясним это примером;

Стахановец Б. найден утром мертвым у себя на кровати с ложевой раной в области сердца. Около него найден окровавленный нож. На подошвеннике обнаружен след ноги. Свидетельскими показаниями установлено, что

Б. ушел к себе накануне вечером в 10 ч. с намерением лечь спать и запер дверь. Следов взлома на двери не обнаружено: дверь в момент обнаружения преступления была заперта изнутри на задвижку. Нож, найденный около трупа, опознан рядом свидетелей, как принадлежавший В., тоже стахановцу, близкому другу убитого Б. При допросе В. показал, что этот нож взял у него дней за пять до убийства бывший рабочий того же предприятия, где работали Б. и В. некто К. под предлогом подрезать ветви у яблонь в его саду.

Следствием установлено, что К. — пьяница и лодырь, возмущавшийся тем, что стахановцы «сами лезут из кожи и других заставляють». Во время стахановской декады на предприятии К., работавший в одной бригаде с Б., опаздывал на работу, умышленно заприщивал инструменты и всеми средствами срывал работу. Б. написал об этом заметку в заводскую газету, поставил вопрос о действиях К. на цеховом собрании и добился увольнения К. Последний грозил, что он рассчитается с Б. Сличение следа К. с данными о размере следа, обнаруженного на подоконнике комнаты Б., показало полное совпадение этих следов по размерам. Сравнить их по форме было невозможно, так как при осмотре места преступления след не был ни зарисован, ни сфотографирован, а только измерен.

Показания К. относительно его местонахождения в момент убийства не подтвердились. Оказалось также, что не только никаких яблонь, но и вообще сада в доме, где жил К., не было. На вопрос о том, куда он девал нож, взятый у В., К. сказал, что он его потерял. Суд признал К. виновным в убийстве Б. и имел для этого, конечно, вполне достаточные основания. Однако, если бы применить к этому делу требования проф. Гродзинского о том, что судебная достоверность должна исключать всякую возможность другого решения, то по этому делу нельзя было бы вынести обвинительного приговора. В самом деле, возможность другого решения не исключается: совпадения следов ног у разных лиц, по длине и ширине, хотя и редко, но бывают; К. мог действительно потерять нож и какой-то неизвестный убийца мог его найти; отсутствие подтверждения алиби К. может быть просто результатом неудачно сложившихся для него обстоятельств. Наконец, угрозы К. против Б. могли быть несерьезны. Возможность, что убийство совершил кто-либо другой, неизвестный — теоретически допустима, хотя практически невероятна.

Что же делать в таком случае суду по теории проф. Гродзинского? Обвинительного приговора вынести нельзя, так как возможность другого решения не исключается. Оправдательного приговора тоже вынести нельзя по тем же причинам и при том гораздо более веским; обращать дело К. к рассмотрению бесполезно, так как никаких новых путей для расследования дела нет.

В эпоху розыскного процесса времен абсолютизма существовала промежуточная форма приговоров: «оставить в подозрении». Но полная недопустимость подобных приговоров давно всеми признана, и никто, в том числе

и проф. Гродзинский, не предполагает их восстановления. Следовательно, если статья на практике на точку зрения проф. Гродзинского, суд в подобном случае попадет в совершенно безвыходное положение.

Но дело в том, что предложение проф. Гродзинского содержит в себе в невысказанной форме выход из этого положения. Этот выход — известная в теории буржуазного процесса (но далеко не всегда применяемая буржуазными судами на практике) «презумпция невиновности». Эта презумпция в теории буржуазного процесса понимается так, что всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Следовательно, раз есть сомнения, обвиняемого нужно оправдать. Эта презумпция, бесспорно, даст суду выход из любого затруднения, весь вопрос в том, применима ли она в советском процессе.

Если под презумпцией невиновности понимать требование, что обвинение, выдвинутое против обвиняемого, должно быть доказано, что нельзя заставлять самого обвиняемого доказывать свою невиновность, то такое требование, конечно, не только вполне приемлемо, но безусловно обязательно для всех органов советской юстиции. Но дело в том, что презумпция невиновности обычно понимается гораздо шире, а именно в указанном выше смысле, что всякое сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого. Такое понимание этой презумпции (а только такое понимание и даст суду выход из выше указанных затруднений) для нас, безусловно, неприемлемо. Признать подобную презумпцию значило бы связать суд формальным, раз навсегда установленным правилом, которое должно применяться во всех без исключения случаях, независимо от политического существа дела, независимо от конкретных особенностей разбираемого случая. Это значило бы сделать наш процесс формальным, недиалектическим, выхолостить из него его классовое содержание, связать руки советскому суду в борьбе с классовым врагом. Следовательно и этот выход из затруднений, создаваемых теорией проф. Гродзинского об объективной оценке доказательств, должен отпасть. Никакого же другого выхода пока никто не указал.

Взгляд проф. Строговича, выражающийся в том, что при оценке доказательств суд должен руководствоваться не своим убеждением относительно правильности или неправильности того или иного доказательства, а объективным качеством этого доказательства, мог бы быть признан приемлемым, если бы существовал прибор, с помощью которого можно было бы установить это качество, как с помощью ареометра устанавливается крепость спирта. Но подобного прибора, как известно, не существует. Установить же в законе внешние признаки, определяющие качество отдельных доказательств, значит вернуться к формальной теории доказательств, чего сам проф. Строгович отнюдь не предлагает. Следовательно, единственный способ для определения качества того или иного доказательства — это оценка этого доказательства судом не на основании каких-либо внешних признаков, а только на основании того, убеждает это доказательство суд или не убеждает, т. е. по внутреннему убеждению суда.

Таким образом, и критерии, предлагаемые советскими процессуалистами для объективной оценки доказательств, столь же неприемлемы, как и те, которые известны нам из теории и практики буржуазного и феодального процесса. Говорить же об объективности в оценке доказательств и не давать при этом никакого объективного критерия для такой оценки — значит толкать суд на очень опасный путь. Судья, желающий применить на практике подобный принцип объективности, будет неизбежно вынужден сам для себя создать такой «объективный» критерий и скорее всего найдет его или в простом механическом подсчете доказательств или в упрощенном понимании классового принципа оценки доказательств, заключающемся в том, что отбрасываются все доказательства, говорящие в пользу классового врага (а часто бывает, что обвиняемый, фигурирующий по делу в качестве классового врага, в действительности никогда им не был), а доказательства, говорящие против него, без всякой критики принимаются на веру (а очень часто подобные доказательства против мнимого классового врага бывают подтасованы действительным классовым врагом). Успокоенный тем, что «объективная» оценка доказательств дает определенный результат, судья будет считать излишним производить детальную проверку каждого доказательства пробным камнем своего социалистического правосознания, своей совести, своего подлинного убеждения. Сплошь и рядом он пойдет даже против такого убеждения, считая его проявлением буржуазного субъективизма. В практике наших кассационных инстанций нередко бывают случаи изменения приговоров суда первой инстанции на основании механического подсчета доказательств или в результате переоценки отдельных доказательств по якобы «объективным» критериям по данным о личности свидетеля, по его социальной характеристике и т. п. Насколько подобный «объективизм» обеспечивает правильность судебной политики — позволительно усомниться.

Таким образом, единственным практически приемлемым критерием для оценки доказательств остается все-таки внутреннее убеждение судей. Поэтому особенно важно уяснить, что же представляет собой это внутреннее убеждение и чем понятие «внутреннего убеждения» в советском процессе отличается от того же понятия в буржуазном процессе.

Было бы крайне опасной ошибкой считать, что принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению судей равносителен признанию полного произвола суда при вынесении приговора.

Например, вынесение обвинительного приговора при недостаточности доказательств виновности только вследствие того, что судье не понравилась физиономия обвиняемого или его поведение на суде, было бы, без всякого сомнения, грубейшим извращением основ советского уголовного процесса. Сторонники «объективной» оценки доказательств, возражая против принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, возражают, в сущности, именно против такого произвола суда. Если бы они так и ставили вопрос, с ними можно было бы вполне согласиться. Но

беда в том, что они вместе с водой выплескивают из ванны и ребенка.

Признание принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению суда вовсе не означает освобождения судей от обязанности обосновывать свой приговор на доказательствах и не дает права подменять доказательства своими настроениями, своими симпатиями и антипатиями. Иначе шла бы речь не об оценке доказательств по внутреннему убеждению суда, а о внутреннем убеждении, как о таковом, оторванном от всякой реальной основы. Мы же всегда применяем этот принцип именно при оценке доказательств, т. е. определенного фактического материала.

Не может быть никаких сомнений в обязанности суда каждое доказательство проверить, собрать весь вспомогательный материал, необходимый для суждения о свойствах каждого доказательства (например, данные о личности важнейших свидетелей по делу, об их отношении к сторонам и т. п.), сопоставить каждое отдельное доказательство со всеми остальными. Но когда вся работа, которую должен проделать суд над каждым доказательством, проделана, когда все данные, характеризующие то или иное доказательство, собраны и изучены судом, в конце концов все-таки наступает момент, когда приходится решать вопрос: можно ли при наличии этих данных положить то или иное доказательство в основу приговора, или же это доказательство надо отбросить? И вот этот-то вопрос, завершающий всю работу суда в отношении данного доказательства, может быть решен не путем прокладывания к исследуемому доказательству какой-то внешней, раз и навсегда данной мерки, а только по внутреннему убеждению суда. Взвесив все доводы за и против данного доказательства, каждый судья должен, «внутренне сосредоточившись» (этот термин, взятый из ст. 342 французского уголовно-процессуального кодекса, я считаю вполне приемлемым в данной связи), с полным сознанием своей ответственности решить вопрос, убеждает ли его данное доказательство, и в зависимости от этого принять его или отвергнуть.

Именно этот смысл имеет формула ст. 319 УПК о внутреннем убеждении суда, основанном «на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности». Надо признать в корне неправильным мнение, что эта формула будто бы дает право суду класть в основу приговора общее впечатление, полученное им от всей суммы доказательств по делу, никак не дифференцируя оценки этих доказательств. Совершенно бесспорно, что **каждое доказательство** в отдельности должно быть оценено судом путем сопоставления его как **со всей совокупностью доказательств**, так и с другими доказательствами в отдельности. Лишь тогда, когда проделана эта аналитическая работа, и доказательства, признанные негодными, отброшены, суд обобщает остальные доказательства по делу и на основе синтеза этих доказательств делает свой окончательный вывод.

Есть ли при таком подходе к разрешению интересующего нас вопроса какая-либо разница между понятием «внутреннего убеждения» суда в советском уголовном процессе и тем же понятием в буржуазном процессе? Есть и очень существенная.

Разница эта заключается в различии классового содержания внутреннего убеждения суда. Внутреннее убеждение не может быть оторвано от всей идеологии того лица, в котором это убеждение складывается, от его политических взглядов, от его классовых симпатий и антипатий. Связь эта настолько бесспорна, что буржуазные законодательства (до фашистского периода) находили возможным отказаться почти от всякого контроля за классовой выдержанностью вердиктов присяжных заседателей, ограничиваясь заботой о тщательном классовом подборе присяжных. Буржуазия была уверена, что, поскольку на скамье присяжных будут сидеть люди из буржуазных слоев населения, их внутреннее убеждение всегда будет отражать классовые интересы буржуазии, и так оно и было в действительности. Если иногда суд присяжных преподносил правительствам буржуазных стран неожиданные сюрпризы, вроде оправдательных вердиктов по Кельнскому процессу, по делу Веры Засулич, по делу Бейлиса и т. п., то это происходило в тех случаях, когда значительные слои буржуазии, из которых вербуются присяжные, были настроены оппозиционно по отношению к существовавшему в данный момент режиму.

Но до последнего времени, до всеобщего кризиса капитализма, подобные случаи могли быть только исключениями. Когда же обострение классовой борьбы заставило правительство ряда буржуазных стран перейти к методам фашистской диктатуры, когда нельзя было больше полагаться на многие слои мелкой буржуазии, суд присяжных вообще был отброшен в сторону и уступил место частью скорострельной юстиции исключительных судов, а главным образом — прямой, внесудебной расправе. А это ставит под сомнение, как это имеет место теперь в Германии, и самый принцип внутреннего убеждения.

Но различие классового содержания внутреннего убеждения суда в капиталистических странах и в стране пролетарской диктатуры означает не только противоположность направления этого внутреннего убеждения. Это различие существенно изменяет и процессуальные методы оформления внутреннего убеждения суда.

Буржуазия вынуждена скрывать классовую природу своего суда, а следовательно, и классовый характер его «внутреннего убеждения». Она должна обставить выражение того внутреннего убеждения так, чтобы в глазах массы оно было совершенно оторвано от его подлинных мотивов.

Буржуазный суд не может сказать: я пришел к такому-то убеждению потому-то и потому-то, он возмещает свое решение на подобие возгласа оракула; голос присяжных звучит, как голос пифий, скрывающих всю механику образования внутреннего убеждения суда. Отсюда и своеобразный мистический ореол, которым окутана в буржуазном процессе тайна совещательной комнаты, отсюда и запрещение требовать от присяжных мотивов их вердикта, отсюда все те особенности, которые составляют специфику буржуазного суда присяжных.

Совершенно иначе обстоит дело у нас. Нам

нет никаких оснований скрывать классовую природу внутреннего убеждения наших судей. Точно так же, как мы не скрываем и классовой сущности всего нашего суда вообще.

Поэтому нам нет никакой необходимости накладывать покровы и на процесс образования внутреннего убеждения судей. Так как у нас нет классовой противоположности между судом и широкими массами, внутреннее убеждение советских судей, неразрывно связанное со всем социалистическим правосознанием, должно быть созвучно правосознанию самых широких слоев трудящихся.

Поэтому мы можем выдвинуть требование, чтобы приговоры нашего суда были убедительны для широких масс трудящихся, требование, совершенно неприемлемое для буржуазного процесса. Поэтому мы можем требовать от нашего суда, чтобы он не только изложил в приговоре свое убеждение по рассмотренным им вопросам, но чтобы он объяснил, почему он пришел к такому именно убеждению.

Но от этого очень далеко до «объективизма» в оценке доказательств. Если два свидетеля дают по одному делу противоречивые показания и суд в приговоре напишет: «суд отдает предпочтение показаниям свидетеля А. и отвергает показания свидетеля Б., потому что Б., как установлено судом, был разоблачен, как агент классового врага и не раз пытался направить следствие по данному делу по ложному пути, меняя свои показания», — убеждение суда в правдивости показаний А. (в ложности показаний Б.) все же остается его субъективным (хотя и обоснованным) убеждением. Суд отверг показания Б., потому что он убежден в их ложности. Он мог бы их отвергнуть и в том случае, если бы ему и не удалось установить обстоятельств, указанных в приведенной цитате.

Оценка показаний этих свидетелей была бы объективной лишь в том случае, если бы существовало обязательное для суда правило — «суд должен отдавать предпочтение показаниям тех свидетелей, которые в течение всего процесса не меняют своих показаний» — или что-нибудь в этом роде. Но такого правила нет и никто не предлагает его установить.

Суд может вынести только такой приговор, в правильности которого он убежден. Это — безусловно необходимое требование, отступив от которого, мы поставили бы под величайшую угрозу как политическую выдержанность нашей судебной политики, так и глубину исследования судом фактических обстоятельств дела. А всякие разговоры об объективности оценки доказательств, т. е. об оценке их по какому-то критерию, вне суда лежащему (а слово объект и все производные от него слова другого значения иметь не могут), неизбежно колеблют этот важнейший принцип нашего уголовного процесса. Получается, что суд может вынести и такой приговор, в правильности которого он не убежден, если этот приговор соответствует преподанному кем-то суду объективному критерию, каков бы этот критерий ни был. Поэтому теорию об объективной оценке доказательств надо решительно отвергнуть.

За соблюдение процессуальных норм в уголовном процессе

За последние годы, в особенности после первого Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников, положившего основание перестройке работы судебно-прокурорских органов всех союзных республик, с исключительной силой стала подчеркиваться необходимость строгого соблюдения при рассмотрении уголовных дел правил УПК, максимального обеспечения процессуальных прав сторон как одной из основных гарантий правильности и обоснованности судебного приговора.

В ряде общих руководящих директив, равно и в многочисленных разъяснениях высших судебных органов, следовавших по конкретным делам, всегда указывалось, что игнорирование правил УПК не может считаться допустимым, как явление, ставящее под сомнение правильность приговора, и исключает культурное ведение процесса.

Еще недавно Президиум ЦИК Союза ССР, по докладу председателя Верховного Суда Союза, предложил обратить «особое внимание на работу кассационно-надзорных инстанций как основного органа по руководству, проверке и исправлению ошибок низовых судебных учреждений, обеспечить строжайшее соблюдение уголовных и гражданских материальных и процессуальных законов (постановление Президиума ЦИК Союза ССР 17/IX 1935 г.).

Между тем пренебрежительное отношение к нормам УПК, а зачастую и сплошное их игнорирование, свило себе прочное гнездо в работе наших судебно-прокурорских органов, и не предвидится конца, когда этот «процессуальный нигилизм» будет изжит в нашей судебно-прокурорской практике, уступив место сознанию необходимости точного соблюдения правил УПК, как главной предпосылки правильного разрешения уголовного дела.

«Правила УПК — пустая формальность, нарушение их не имеет значения для дела при правильности приговора по существу» — вот чем обычно оправдывают некоторые оперативные работники юстиции нарушения иногда самых элементарных требований уголовного процесса.

Непростительное заблуждение! Как будто процессуальные и материальные законы — две противостоящие друг другу отрасли права, как будто соблюдение норм процесса не вызывается, прежде всего, интересами открытия той материальной, действительной истины в каждом отдельном случае, установление и провозглашение которой в приговоре есть конечная цель суда!

Подобного разрыва между процессуальным и материальным правом нет и быть не может, а потому то, что в процессе представляется формой, нередко вызывает глубокие материально-правовые последствия.

Судебно-процессуальная форма по существу своему есть не что иное, как форма организации работы суда, указание на те методы этой работы, при посредстве которых суд должен решить уголовное дело, т. е. ответить на

вопрос, произошло ли искомое и какая правовая норма (материальная) должна быть применена к происшедшему.

Ответы на этот вопрос суд должен черпать только из установленных им в определенном порядке и определенными методами, а не всякими возможными вообще способами собирания доказательств, фактических обстоятельств дела и надлежащей их оценки.

Таким образом, процессуальная форма неразрывно связана с организацией и упорядочением работы суда, и от того, как будет организована и упорядочена эта работа, зависит и материальная правильность судебного приговора, т. е. соответствие его твердо установленным по делу фактам и примененной судом к этим фактам материальной норме.

Но указанным выше организационным моментом не исчерпывается значение судебно-процессуальной формы и определяющих ее норм.

Гарантируя суд от ошибок, определяя способы собирания и оценки доказательств, судебно-процессуальная форма содействует в то же время установлению живой связи суда с массами; развернутый и культурный судебный процесс, возможный лишь при условии соблюдения норм УПК, является фактором политического воспитания, фактором мобилизации народных масс вокруг социалистического строительства и на борьбу с мелкобуржуазными тенденциями прошлого.

И именно в настоящее время, в связи с стоящей перед нами основной политической задачей искоренения последних остатков старого эксплуататорского общества из экономики и сознания людей, получают исключительное значение суд и правильно организованный судебный процесс, как сила культурного воздействия и воспитания народных масс.

Но какую ценность, в смысле культурного воздействия на массы и повышения в них социалистического правосознания, могут иметь такие, например, показательные процессы, какие проведены были недавно в г. Батуме по делам служащих Батумской базы «Цекавшири» Аджарпищторга Кинккладзе и др., представляющие собою образчик своего рода соревнования судов в области нарушений правил уголовного процесса.

По первому из этих дел — зав. базой «Цекавшири» Мжаванадзе был осужден главсудом Аджарии за дачу взятки служащему местной конторы Госбанка Рабиновичу, в то время как дело по обвинению Рабиновича в получении взятки от Мжаванадзе находилось еще в стадии предварительного исследования. Таким образом Мжаванадзе оказался осужденным за дачу взятки, так сказать, авансом, без учета того, во что выльется обвинение Рабиновича, будет ли он признан виновным в получении взятки или нет.

Очень характерным по безответственному отношению суда к материалам следствия является дело № 32 главсуда Аджарии о гр. Кинккладзе. Кинккладзе был признан виновным в хищении

общественной собственности путем симуляции кражи из состоявшего в его заведывании культмага Аджаркоопкавшири и по закону 7/VIII 1932 г. осужден к 10 годам лишения свободы. Между тем, в деле не было определенных данных, изобличающих Кинкладзе в хищении имущества Культмага, и приговор суда являлся совершенно исключительным по произвольности выводов и противоречию его фактическим обстоятельствам дела.

По делу служащих Аджарпищеторга (дело главсуда Аджарии № 53, 1935 г.), обвинявшихся в хищении общественной собственности (несколько обвиняемых проходило по закону 7/VIII 1932 г.), местные судебно-прокурорские органы в погоне за массовыми привлечениями и массовыми репрессиями объединили в одном производстве обвинение 26 лиц, без всякой внутренней связи их между собою, по одним лишь внешним признакам нахождения всех обвиняемых на работу в системе Аджарпищеторга.

В результате — механическое усложнение производства, извратившее всю перспективу дела, недоследованность, ведение следствия в течении 8 месяцев, тогда как по делам, связанным с применением закона 7/VIII 1932 г., сроки не только расследования, но и судебного рассмотрения лимитированы законом.

А вот и бытовое дело главсуда Аджарии № 26 1935 г. по обвинению Диасамидзе в убийстве, рассмотренное судом в показательном порядке в Хулинском районе. Диасамидзе был признан виновным в убийстве и по ст. 145 УК Грузии был присужден к 5 годам лишения свободы. Приговор этот явился результатом своеобразно понятого судом права свободной оценки доказательств, ибо каких-либо доказательств виновности Диасамидзе не имелось в деле. Кассационная коллегия Верховного суда Грузии отменила приговоры по всем перечисленным делам (а дело Диасамидзе прекратила производством), но нельзя не пожалеть о массе затраченного на производство этих дел труда, о волоките, связанной с вторичным расследованием и рассмотрением их в суде первой инстанции, о значительных средствах, издержанных на экспертизу, а главное о том, что показательность этих процессов, имевшая целью мобилизовать вокруг них общественное внимание, дала в результате допущенных судом грубых нарушений противоположный эффект.

Вот, между прочим, как оценивает кассационная коллегия Верховного суда Грузии в постановлении своем 31/XII 1935 г. приговор по делу Кинкладзе: «Приговор этот как неправильный не может остаться в силе и подлежит отмене по следующим основаниям. Как видно из собранного по делу материала, первое, что подлежало выяснению с самого начала следствия, был вопрос о том, допущена ли со стороны Кинкладзе симуляция взлома магазина и вообще совершена ли кража в обоих магазинах. Необходимо отметить с определенностью ту небрежность, которую допустил в этом деле угрозыск, и что за неприятием с самого начала надлежащих мер дело значительно затемнено. Доказательством этого служит хотя бы тот факт, что местный осмотр произведен безобразно. В акте местного осмотра должны быть указаны все детали преступления, в действительности же органами

милиции несколько раз произведен местный осмотр по поводу означенного происшествия и ни в одном из них не дается цельной картины происшедшего случая. Как видно из всего материала, преступление должно быть совершено между 6 и 9 часами; в этот день, т. е. 12/VIII, культмаг торговли не производит; согласно заявлению Хахубия торгует магазин горпо до 5 часов. Хахубия заявляет, что он в 5 часов закрыл магазин и ушел. Этот момент не выяснен судом... Те факты, которые подтверждены судом, находятся в противоречии друг с другом. Приговор отмечает, что все операции проведены из культмага и затем из передних дверей горпо забран товар последнего. Какой симулянт, да еще один, может открыть изнутри закрытые снаружи двери. Такое утверждение противоречит собранному по делу данным и основано на простом одностороннем впечатлении, что является недопустимым... Таким образом, приговор полностью основан на подозрении и не вытекает из фактических обстоятельств дела».

А вот, какое определение 7/II 1936 г. вынесла кассационная коллегия Верховсуда Грузии на приговор главсуда Аджарии 20—30/XII 1935 г. по делу служащих Аджарпищеторга: «Настоящий приговор как незаконный и заключающий в себе целый ряд грубых нарушений, подлежит отмене, а самое дело направлено к производству дополнительного следствия. Первым и главным нарушением является грубое нарушение ст. 5 временных правил, что нужно приписать невинимателю отношению к делу со стороны следствия и суда. По делу привлечены ответственные сотрудники Аджарпищеторга, но работающие по разным отраслям, в одном производстве объединены обвинения по таким делам, которые не имеют решительно никакой связи с другим делом, например: дело о правонарушении в хлебной точке соединено с делом № 111 о злоупотреблениях в магазине, дела по обнаруженным в магазинах № 4 и 5 злоупотреблениям соединены вместе, в результате — усложнение производства... Законные требования защитников обвиняемых о разделении неправильно соединенных дел судом оставлены без уважения, и таким образом допущенная на предварительном следствии ошибка продолжена судом. Грубо нарушена ст. 265 УПК, обвиняемому Абакиеву предъявлено было обвинение по закону 7/VIII 1932 г. и, несмотря на то, что он лежал тяжело больной, в отношении его вынесен заочный приговор, присуждающий к 10 годам лишения свободы. Заочный приговор вынесен также Хорошевой и Сакварелидзе, обвиняемым по ст.ст. 114 и 117 УК, в отношении которых суд не имел даже сведений о получении ими вызывных повесток».

Нет надобности приводить дальнейшие выписки из определений кассационной коллегии Верховсуда Грузии 7/II 1936 г.; раз у нас признается допустимым вынесение заочного приговора даже лицам, обвиняемым по закону 7/VIII 1932 г., находящимся при этом в состоянии тяжелой болезни, то говорить о правилах УПК не приходится, тут налицо сплошное упрощенство при разрешении уголовных дел, с которым необходимо повести решительную борьбу.

Инициативу в этом отношении должна была

взять на себя кассационная коллегия Верховного суда Грузии, сделав из усмотренных ею в ряде производств грубых нарушений процесса соответствующие организационные выводы и напомнив составу суда, разбиравшему дела Батумской базы «Цекавшири» Кинкладзе, Диасмидзе, Аджарторга и др., разъяснение 37 пленума Верховного суда Союза ССР 27/V 1932 г. об ответственности судебных работников за свою работу.

Всем изложенным выше мы не хотим, конечно, сказать, что судебно-процессуальная форма единственная гарантия правильности приговора: тут исключительное значение имеет соответствие каждого приговора, требованиям

политики партии, политическая заостренность приговора, но это уже дело политической грамотности судьи, умения его ориентироваться в условиях переживаемого этапа социалистического строительства, способности диалектически, жизненно толковать и применять действующий закон, с учетом конкретных условий обстановки.

Пора нашим судебно-прокурорским органам покончить с недооценкой норм УПК и обеспечить этим нормам всю ту глубину влияния их на судебную работу, какое вытекает из самого существования процессуальной формы, как неразрывно связанной с организацией и упорядочением работы суда.

С. ГИНЗБУРГ

Право на площадь в РЖСКТ¹

(К проекту нового устава РЖСКТ)

Жилищно-строительная кооперация, насчитывающая уже 14—15 лет своего существования, давно сделалась весьма заметным и влиятельным фактором нового жилищного строительства. Достаточно указать, что РЖСКТ, являющийся сейчас единственной организационной формой кооперативного строительства (так называемые общегражданские РЖСКТ себя изжили, давно сведены к наименьшему знаменателю и находятся накануне полной ликвидации) — в одной Москве отстроено около 2 тыс. домов с жилой площадью около 2 млн. кв. м. По самым скромным подсчетам в этих домах живет 300—400 тыс. чел., т. е. население крупного областного центра. Кроме того, неслучайно членов РЖСКТ в одной Москве, например, имеется около 85 тыс. чел., а с транспортной жилищно-строительной кооперацией — их число достигает 100 тыс., что вместе с семьями составляет около 400—500 тыс. чел. Таким образом, всего в одной Москве так или иначе связаны с РЖСКТ 700—800 тыс. чел., для которых правовой режим жилищно-строительной кооперации имеет огромное практическое значение. Действующий устав РЖСКТ, изданный почти 8 лет назад, явно устарел.

Сейчас перерабатывается и находится на рассмотрении законодательных органов проект нового устава РЖСКТ. Поэтому широкое обсуждение всех вопросов, связанных с получением площади и с ее использованием в домах РЖСКТ, приобретает актуальнейшее значение и является как нельзя более своевременным.

Если выделить особо узловые вопросы жилищно-кооперативного права, то мы получим следующую, примерно, схему основных вопросов, непосредственно интересующих каждого члена РЖСКТ: организация РЖСКТ; членство в РЖСКТ, довзездовский пай, стаж, нормы площади, распределение площади, получение и пользование площадью, юридические лица в РЖСКТ и дела РЖСКТ в суде.

1. Организация РЖСКТ, минимум членов, регистрация устава. Действующими до сих пор правилами установлен явочный порядок регистрации уставов РЖСКТ. К этим правилам, изданным более 10 лет назад, жизнь сде-

лала целый ряд существенных поправок. Еще в 1927 г. достаточно было 10 чел. для образования РЖСКТ и организации «собственного» строительства. В наше время строительства крупных 6—8—10-этажных домов не приходится и говорить об РЖСКТ с количеством членов в 10 чел. Введенный позже (в 1928 г.) минимум членов РЖСКТ в 100 чел. для Москвы, например, является также совершенно недостаточным, не обеспечивающим ни нужных темпов, ни необходимого размаха городского жилищного строительства.

С другой стороны, доминирующая роль банков в финансировании жилищного строительства и необходимость строгого его планирования лишили всякого смысла и содержания явочный порядок регистрации уставов РЖСКТ. Расплодившиеся в огромном количестве мелкие РЖСКТ только мешали нормальной работе наших банковских организаций, оттягивая значительные средства на мелкое, чисто кустарное строительство, загружая строительные тресты нереальными объектами, а своих членов — несбыточными надеждами на скорое получение несуществующей в природе площади.

Явочный порядок регистрации уставов РЖСКТ, установленный в 1925 г., давно себя изжил, и фактически уже не применяется много лет. Новые правила должны от него совершенно отказаться в отношении городов во всяком случае так же, как и от действующего минимума членов РЖСКТ в 100 чел. Только мощные кооперативы, способные мобилизовать значительные средства, могут выступать в качестве равноправных участников крупного городского жилищного строительства, поставленного теперь в порядок дня. Это бесспорное положение должно получить полное отражение в новом уставе и новых правилах организации и регистрации РЖСКТ.

2. Членство в РЖСКТ. Круг лиц, могущих вступить в РЖСКТ по действующему уставу, должен быть расширен, с устранением явных пробелов, отчасти уже восполненных последующим законодательством (не предусмотрены, например, уставом персональные пенсионеры, члены артелей, старатели, колхозники).

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

Действующим уставом установлен минимальный возраст для вступления в РЖСКТ (18 лет). Это правильно в отношении невселенных членов РЖСКТ, от которых требуется активное участие в строительстве, в работе выборных органов РЖСКТ и т. д. Но в отношении уже вселенных членов РЖСКТ и их семей часто возникают большие затруднения, которые действующим уставом разрешаются довольно оригинально — полным о них умолчанием. Для иллюстрации приведу два примера.

Умер пайщик, оставив семью, состоящую: а) из малолетних и несовершеннолетних детей; б) из одних малолетних наследников. Согласно ст. 16 действующего устава эти наследники «в течение 6 месяцев» обязаны заявить товариществу, кто из них вступает в члены товарищества и т. д. В указанном выше случае, а это требование устава еще можно выполнить, а именно — «несовершеннолетние наследники в течение 6 месяцев заявят и т. д.». Но даже в этом случае их заявление упрется в ст. 7 устава, согласно которой «в члены товарищества могут быть принимаемы граждане, достигшие 18 лет». Наследнику как на это, скажем, 16 лет, и в категорию «достигших 18 лет» он попадает только через 2 года. А пока что, — кому перечислить пай и за кем закрепить площадь?

Во втором случае, когда остаются одни малолетние наследники, некому сделать это строго требуемое уставом «заявление». Если бы оно и было сделано малолетним, то во всяком случае нельзя было бы поручиться за его кооперативную чистоту и выдержанные уставные формы.

Поэтому многочисленны случаи перехода площади в РЖСКТ к малолетним наследникам, права которых необходимо оградить. Единственный выход из этого, не предусмотренного уставом положения, — в снижении возрастного ценза для приема в члены товарищества, как это было в свое время сделано для потребительской кооперации. В отношении малолетних остается только один путь — оформление пая и площади на имя опекуна, с установлением ряда уставных гарантий для опекаемых (ответственность опекуна за неправильное использование площади, обязанности передать всю площадь опекаемому при достижении им определенного возраста и т. д.).

Утрата членства в РЖСКТ. Здесь сомнения вызывает трактовка вопроса, которая действующими кооперативными правилами дается в случаях вступления члена РЖСКТ в другое товарищество, перехода на другую работу, передачи пая и площади.

Вступление в РЖСКТ имеет своей целью улучшение жилищных условий пайщиков. Однако вселение в РЖСКТ не всегда означает, что уже отсутствует нужда в таком улучшении жилищных условий. Член кооператива мог получить недостаточную площадь (его заявка была урезана или с самого начала была недостаточна). Ввиду отсутствия реальных перспектив на получение площади в своем кооперативе, он вынужден записаться в другой кооператив. Действующий устав (примечание к ст. 7) это запрещает, не указывая, однако, никаких санкций за это нарушение. Некоторые РЖСКТ стараются это умолчание устава использовать для своих собственных правленче-

ских надобностей, пытаясь давать ему приятное для себя и штрафное для пайщика толкование и угрожая любителю чужого кооперативного огорода всякого рода кооперативными скорпионами, вплоть до исключения из кооператива и изъятия площади.

Центрожилсоюз по этому вопросу дал разъяснение, что если вступление в другой РЖСКТ не связано с корыстными намерениями и спекулятивными целями, нет оснований применять к пайщику штрафные санкции, уставом кстати совершенно и не предусмотренные. Это правильное толкование вопроса следовало бы отразить в новом уставе.

Переход на другую работу не должен отражаться на правах члена РЖСКТ как вселенного, так и невселенного на кооперативную площадь. До недавнего времени этот вопрос разрешался совершенно иначе. Даже в отношении вселенных членов кооператива устав так называемого «закрытого» РЖСКТ предусматривал выселение пайщика в случае перемены им места работы. Поскольку такое правило прямо противоречило закону (ст. 17 декрета ЦИК и СНК Союза ССР 19/VIII 1924 г.), Прокуратура Союза ССР опротестовала этот устав, утвержденный Центрожилсоюзом в ноябре 1931 г. как незаконный, и Центрожилсоюз был вынужден сам его отменить. Таким образом, в отношении вселенных членов РЖСКТ теперь вопрос совершенно ясен, и их переход на другую работу никаких невыгодных для них последствий не влечет. Совершенно иначе трактуется вопрос в отношении невселенных пайщиков. Некоторые РЖСКТ, особенно организованные при предприятиях, склонны в этом случае делать иные выводы из факта перемены работы. Уход из организации, имеющей «свой кооператив» рассматривается как основание для умаления прав ушедшего, перечисляемого, если не официально, то официально в группу пайщиков «второго разряда», получающих площадь после «своих» — пайщиков «первого разряда». С этой жилищной дискриминацией и кооперативным патриотизмом следует покончить, так как действующее законодательство утверждает полное равенство членов РЖСКТ перед своим кооперативом, независимо от названия предприятия или учреждения, где они в данный момент работают, и устанавливает совершенно одинаковые для всех пайщиков принципы распределения площади.

Передача пая и стажа невселенным членом товарищества и передача пая и площади вселенным пайщиком как право, признанное законом, действующим уставом предусмотрено только в отношении членов семьи, совместно проживающих с пайщиком: тут признается право члена кооператива, которому соответствует обязанность РЖСКТ согласиться на такую передачу (примечание к ст. 17 устава). При отсутствии согласия товарищества это право защищается судебным иском.

Совершенно иначе ставится вопрос в отношении лиц, не являющихся совместно проживающими членами семьи: согласно ст. 14 действующего устава эта передача всецело зависит от согласия общего собрания. Последнее может согласиться на передачу, но может на нее и не согласиться (практически никогда не соглашается, ввиду наличия своих очередников, ждущих площади) — права иска против

отказавшего РЖСКТ у члена товарищества тут нет.

Такую постановку вопроса следует признать правильной, так как предоставление пайщику права передачи пая, стажа и площади посторонним лицам (не членам своей семьи) и возложение на РЖСКТ обязанности соглашаться на такую передачу — широко открыло бы двери спекулятивным сделкам и корыстной переуступке площади и пая в РЖСКТ. Единственный корректив, который здесь напрашивается, сводится к расширению понятия «семьи» пайщика, с включением в нее не только членов семьи, совместно проживающих, но и тех, кто живет отдельно, причем имеются в виду отдельно живущие сын, супруг, родители и т. д.

3. **Довъездовский пай.** Довъездовский пай должен обеспечить минимальное участие членов РЖСКТ своими средствами в строительстве. Законом 29/IX 1927 г. этот минимум установлен в размере 10% для РЖСКТ с преимущественным составом из рабочих и в 20% — для РЖСКТ с преобладающим составом служащих. Кооперативная практика в этом жизненном для каждого пайщика вопросе о размерах его материального участия в строительстве сначала пошла по линии крайней дифференциации ставок. Так, «Правилами диф. паенакопления» 1930 г., утвержденными Мособлжилсоюзом, установлены 10 разрядов плательщиков с колебанием ставок от 3% до 30% строительной стоимости предоставляемой пайщику площади для кооперативов рабочих и от 6% до 60% — для кооперативов служащих. Таким образом, вышший 10-й разряд по этой так называемой «дифсетке» в 10 раз превышает ставку I разряда, и для служащих этот 10-й разряд составлял 60% строительной стоимости. Если бы эта «дифсетка» сохранилась в настоящее время, то служащему, тарифицируемому по 10 разряду, пришлось бы внести в РЖСКТ при получении квартиры в 45 кв. метров примерно 13 500 руб., что, конечно, является паем, совершенно непосильным даже для наиболее высокооплачиваемых пайщиков.

В настоящее время принцип дифференциации в исчислении довъездовского пая совершенно отвергнут в отношении служащих, для которых вместо дифпая установлен простой пай в одинаковом для всех размере (20% строительной стоимости). Для рабочих оставлена незначительная дифференциация (от 10 до 15%), причем вышший разряд лишь в 1½ раза (а не в 10 раз, как было раньше) превышает первый разряд.

Очень много споров между пайщиками возникает из-за перерасчетов по довъездовскому паенакоплению. Основные моменты расчета здесь следующие: предварительно довъездовский пай до сих пор исчислялся, исходя из ориентировочной стоимости 1 кв. м площади в 250 руб. Этот пай (20% строительной стоимости для служащих, 10—15% — для рабочих) выплачивается пайщиком в течение 36 месяцев. Когда строительство заканчивается, банк, его финансирующий, проверяет и утверждает расходы по строительству. На разницу между утвержденным банком лимитом и первоначальным ориентировочным расчетом (250 руб. за 1 кв. м) кооператив начисляет добавочный довъездовский пай в процентном отношении

(20% или 10—15% разницы); этот добавочный пай член кооператива выплачивает в течение года.

Совершенно иначе погашается пайщиком разница между фактической стоимостью дома и утвержденным банком лимитом. Поскольку банк это превышение фактических расходов над установленным лимитом не принял, оно целиком должно быть оплачено самим пайщиком. Для покрытия этой разницы законом 1/XI 1932 г. был установлен в отношении строительства 1931 и 1932 г. 5-летний срок, считая со дня въезда пайщика на площадь.

Эти вопросы, очень важные для пайщика, от решения которых зависит самое получение им площади, в уставе никакого разрешения не получили. Разрешены они циркулярными распоряжениями отдельных союзов жилищной кооперации и Центросоюза, не всегда между собою согласованными. Основной вопрос о порядке покрытия разницы между фактической стоимостью строительства и установленным банком лимитом законом 1/XI 1932 г. разрешен только в отношении строительства 1931 г. и 1932 г. В отношении же последующих годов крайне необходимо законодательное разрешение вопроса, во избежание случайных и несогласованных между собой решений отдельных союзов жилищной кооперации.

4. **Стаж (чисто-хронологический, полезный).** От правильного исчисления стажа зависит правильное составление списка очередников и своевременное получение пайщиком площади. В этом, как и в целом ряде других, вопросе нет единой кооперативной линии, а устав хранит свое обычное молчание. Первый период существования жилищно-строительной кооперации прошел под знаком чистой хронологии, без всякого учета аккуратности пайщиков в своих взносах кооперативу. Член РЖСКТ вступил в кооператив, скажем, в 1926 г., внес 5 руб. или 10 руб. вступительного взноса и (и то не всегда) основной пай в 50 руб. или 100 руб. На этом успокоился и он сам и кооператив. Никаких взносов он больше не делал, в строительстве кооператива своими средствами не участвовал, а его стаж почему-то исчисляется чисто хронологически, как «стаж 1926 г.», что дает ему преимущество перед другим членом РЖСКТ, вступившим, может быть, на год позже, но аккуратно выплачившим свой довъездовский пай и реально помогающим своему кооперативу строить.

Между тем, своевременная выплата пая в дальнейшем приобрела решающее значение. Банк, добавляющий от себя 80% или 90% (к тем 20% или 10% строительной стоимости, которые вносят пайщики в качестве своего довъездовского паенакопления) и финансирующий строительство, начал требовать строгого соблюдения финансовой дисциплины и выполнения закона 29/IX 1927 г. об участии членов РЖСКТ своими собственными средствами в строительстве. По установленным банком правилам собственные средства пайщиков должны быть собраны РЖСКТ до получения банковской ссуды. По условиям выработанного банком типового договора финансирования жилищного строительства эти собственные средства кооператива по заключении договора финансирования вносятся в банк на счет кооператива, а затем выдаются ему обратно вместе

с теми средствами, которые отпускаются самим банком в виде ссуды, — по мере хода строительства и по соответствующим оправдательным документам на уже произведенные на строительстве расходы (зарплата, материалы, транспорт и т. д.). Таким образом обеспечивается строгая финансовая дисциплина и устанавливается действенный контроль со стороны банка над выполнением РЖСКТ своих обязательств по мобилизации средств пайщиков.

Но при таком положении вещей, при таких условиях финансирования, своевременный взнос пайщиком своего довозездовского пая приобретает для кооператива исключительное значение. Уплатив кооперативу свои 10 или 20%, пайщик тем самым дает ему возможность получить от банка остальные 90 или 80% ссуды. Ограничившись же уплатой лишь вступительного взноса и так называемого «основного» пая (50 или 100 руб.), он, в сущности говоря, делает лишь символический жест, от которого кооперативу ни тепло, ни холодно, так как на эти деньги кооператив строить не может, а от банка благодаря им ссуды не получит.

Ввиду этого чистая хронология вступления в РЖСКТ теряет всякий смысл, а решающее значение приобретает аккуратность выплаты пайщиком своего довозездовского пая. Вводится система так называемого «полезного стажа». Учитывается при этом количество произведенных пайщиком по данной ему рассрочке месячных платежей, а пропуски в платежах не учитываются вовсе. Пайщик вступил в кооператив в 1928 г. и в общеустановленные 36 месяцев рассрочки должен был выплатить весь свой пай. 6 месяцев он платил аккуратно, потом пропустил 3 месяца, потом снова стал платить, затем пропустил еще 2 месяца и т. д. Ему учитывают количество сделанных им месячных взносов и прибавляют весь срок, истекший после полной выплаты им пая, а пропущенные месяцы не считаются. Таким образом, его «полезный» (для кооператива и строительства) стаж может оказаться не с 1928 г., когда он вступил в кооператив, а скажем, с 1929 г., с 1930 г. и даже более позднего года.

Право на получение площади члена РЖСКТ всецело зависит от аккуратного выполнения им своих финансовых обязательств перед кооперативом и от той реальной возможности для кооператива строить, которая последнему обеспечивается лишь своевременно внесенным довозездовским паем. Это и побудило Центрожилсоюз в 1933 г. издать циркуляр, которым центр тяжести в разрешении вопроса о праве члена РЖСКТ на то или иное место в списке очередников переносится на момент полной выплаты им довозездовского пая. Стаж исчисляется не с момента вступления в кооператив (с учетом аккуратности в платежах), а с момента окончания выплаты довозездовского пая. Вводится понятие «полнопайного» члена кооператива как единственно законного претендента на площадь. Эта директива Центрожилсоюза до сих пор в Москве, например, практического применения не получила, несмотря на то, что ей скоро исполнится 3 года. Между тем, только полная выплата довозездовского пая дает члену товарищества право поставить вопрос о возникновении у кооператива обязанности зачислить его в список очередников и о предо-

ставлении ему места под жилищно-кооперативным солнцем.

5. Нормы площади. Понятие «нормы площади в РЖСКТ» имеет двойкий смысл в зависимости от того, идет ли речь о получении площади от кооператива или же — о защите уже полученной пайщиком площади. В последнем случае никакие нормы площади в РЖСКТ не применяются, и в кооперативных делах отсутствует самое понятие «излишков» (сверх нормы). Поэтому член РЖСКТ, законно получивший площадь, пользуется ею постоянно без применения каких бы то ни было предельных норм, и кооперативная практика знает случаи, когда в РЖСКТ на члена семьи приходится не по 8 кв. м, а по 18, 20 кв. м и более.

Совсем другой смысл имеет понятие «норма площади», когда речь идет о получении площади при ее распределении кооперативом. Ограниченные размеры кооперативного строительства и наличие большого количества очередников заставили жилищную кооперацию ввести предельные нормы при распределении площади. В Москве, например, установлена предельная норма в 8,25 кв. м на члена семьи (12 кв. м для одиночек). Дополнительная площадь установлена в обычном размере (общая — 10 кв. м, для научных работников — 20 кв. м).

Большое значение имеет для члена РЖСКТ вопрос об исчислении довозездовского пая в отношении дополнительной площади. В упомянутом выше циркуляре Центрожилсоюза 1933 г. (п. 4 ст. 5) предлагается взимать за эту площадь довозездовский пай в размере «полной строительной стоимости этой части площади». Это значит, что научный работник, скажем, вступающий в кооперацию для улучшения своих жилищных условий, за право иметь научный кабинет в 20 кв. м должен внести в свое РЖСКТ 800 руб. (по скромному исчислению) $\times 20 = 16000$ руб. Такой довозездовский пай за 1 комнату вряд ли кого-либо воодушевит на получение дополнительной площади в РЖСКТ и фактически означает полное лишение пайщика права на дополнительную площадь, на которое он имеет право даже в жактах и других домах старого жилого фонда.

В Москве вышеуказанная установка Центрожилсоюза не принята, и по директиве Мосгоржилстройсоюза дополнительная площадь оплачивается довозездовским паем наравне с остальной заявленной пайщиком площадью. Однако во избежание случайных решений вопроса и разноречия в практике отдельных кооперативных организаций, было бы очень важно дать общее, обязательное для всей кооперативной системы, решение.

6. Распределение площади. Это — решающий момент в жизни каждого РЖСКТ. Нужно прямо сказать, что порядок распределения площади, применяемый сейчас большинством РЖСКТ (в Москве, по крайней мере), оставляет желать многого. По уставу последнее слово в этом вопросе принадлежит общему собранию или заменяющему его собранию уполномоченных, которое решает — кому дать площадь и кому ее не давать. Если бы правления РЖСКТ соблюдали ст. 12 и п. «о» ст. 39 действующего устава, распределение площади было бы более организованным. По уставу и кооперативным правилам план распределения площади составляется правлением и утверж-

дается общим собранием (собранием уполномоченных). Поскольку список вселяемых должен получить санкцию общего собрания, в котором может и должен участвовать каждый член товарищества, казалось бы, что этим обеспечивается полная гласность в деле распределения площади и действенный контроль со стороны членской массы РЖСКТ. Однако практика очень многих РЖСКТ убеждает в том, что это требование устава, который является специальным законом для данного юридического лица, обязательным не только для массы членов товарищества, но даже и для его правления, последним не соблюдается и притом не соблюдается с заранее обдуманным, если можно так выразиться, намерением. Распределение площади производится втихомолку, в тиши правленческих канцелярий, на общем собрании (собрании уполномоченных) или не утверждается или «утверждается» в таких условиях, которые исключают для рядового члена кооператива всякую возможность внесения каких-либо изменений и оспаривания его прав и интересов.

Между тем, Центрожилсоюзом установлен порядок, который, если бы он применялся на практике, устранил бы все эти ненормальности и вкоре пресек бы попытки дельцов и комбинаторов из правлений РЖСКТ — устроить тепленькое местечко во вновь отстроенном доме кооператива самим себе, своим близким и родным, одним словом — всем приятелям самой разнообразной степени близости и родства. Согласно уже упоминавшемуся циркуляру Центрожилсоюза 1933 г. в деле распределения площади решающее значение приобретают 2 момента — установление для пайщика «очередного» номера (номер в списке «очередников») и выдача ордера на конкретную площадь. Первый момент, установление очереди, в списке подлежащих удовлетворению площадью членов товарищества Центрожилсоюз приурочивает ко дню полной выплаты довоздского пая. Когда член кооператива заканчивает выплату пая, он делается «полнопайным» и немедленно заносится в очередную список, получая очередной номер, определяющий момент его вселения. Когда строящийся дом готов на 65%, наступает второй момент — выдача пайщику «ордера» на конкретную площадь (с указанием размера площади, номера квартиры и т. д.). Оба эти момента намного предшествуют сдаче нового дома в эксплуатацию и его фактическому заселению.

Если бы правления РЖСКТ выполнили эти предписания Центрожилсоюза, то распределение площади происходило бы правильно. Пайщик, недовольный распределением площади, имел бы время и возможность сделать все, что дает ему устав и закон для оспаривания его прав: мог бы ожаловаться действиям правления в ревизионную комиссию, апеллировать к общему собранию, жаловаться в союз жилищной кооперации, наконец — обратиться в суд с иском.

Все дело в том, что требования устава и закона в этом вопросе заправилами РЖСКТ упорно обходятся, и все гарантии правильного распределения площади ими сознательно сводятся на-нет с почти нескрываемой целью — наделить площадью не имеющих на то права. Здесь не столько требуется вводить

новые правила, сколько — добиться строгого применения действующего закона, устава и директивных указаний кооперативных центров и привлечения к законной ответственности работников РЖСКТ за злоупотребление своим служебным положением и халатное отношение к своим обязанностям по соответствующим статьям УК.

7. Получение и пользование площадью. Основным документом при решении вопроса, кто из членов семьи имеет право на получение площади, является «анкета», заполняемая членом РЖСКТ при вступлении в кооператив. Ни устав, ни кооперативные правила не дают ответа на целый ряд недоуменных вопросов, очень часто возникающих на практике. С момента вступления в кооператив до получения площади обычно проходит несколько лет. В течение этого времени возможны всякого рода изменения в семье: тут и естественное ее расширение (брак, рождение, усыновление) и естественная убыль (развод, смерть, сейские разделы). Вправе ли пайщик требовать предоставления ему заявленной им в анкете площади, если число членов семьи в конечном итоге не уменьшилось? Каковы права отделившихся членов семьи, в частности, разведенной жены.

Ни устав, ни законодательство о жилищной кооперации не дают прямого ответа на этот вопрос. В отношении разведенной жены имеется некоторая ясность, ввиду наличия ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке, но даже и в этом случае возникают очень серьезные вопросы. Пай выплачен, скажем, мужом до вступления в брак, а жена, переезжая к нему, лишилась своей площади. Может ли она в случае развода требовать выделения части площади, предоставляемой бывшему мужу в РЖСКТ?

Еще меньше ясности в вопросе о правах других членов семьи, в частности, детей. Могут ли отделившиеся члены семьи претендовать на часть записанной в кооперативе площади, хотя бы в тех случаях, когда они были указаны в анкете? Тщетно мы стали бы искать ответа на этот вопрос в уставе или циркулярах Центрожилсоюза. Ответа нет ни прямого, ни косвенного, и вопрос решается от случая к случаю, часто самым противоречивым образом.

Не упрощается дело и тогда, когда речь идет о вселенных членах РЖСКТ и о наличии кооперативной площади. В отношении разведенной жены ст. 10 семейного кодекса часто приводит к выводу о необходимости выселения разведенной жены, на что советский суд пойти не может, во всяком случае, не исчерпав всех правовых возможностей защиты более слабой стороны. И здесь невольно зарождается мысль об искусственности всей правовой конструкции, связывающей права разведенной жены с наличием условий, предусмотренных ст. 10 семейного кодекса. Последняя говорит об имуществе, нажитом во время брака. Можно ли вообще считать, что площадь в РЖСКТ является имуществом, нажитым пайщиком?

Мы знаем, что пайщик лишь частично оплачивает при въезде предоставляемую ему площадь, иногда (что особенно верно в отношении вселившихся 5–6 лет назад) в раз-

мере 3—5% ее действительной строительной стоимости. Если, скажем, у пайщика, квартиры в 50 кв. м, то в этом случае им оплачена лишь $\frac{1}{30}$ или $\frac{1}{20}$ общей площади, в нашем примере — 2—3 кв. м. Остальные 47—48 кв. м целиком и полностью оплачены государством. На каком же, собственно говоря, основании пайщик в своем споре с бывшей женой или с отделившимися членами семьи претендует на всю площадь, как его «собственную», им нажитую, и требует их выселения с «его» площади, из «его» квартиры?!

В отношении муниципализированных, например, домов вопрос о праве на площадь разрешается категорически законом 1/VIII 1927 г., согласно которому члены семьи приобретают самостоятельное право на площадь с момента вселения, независимо от продолжительности проживания. Ничего подобного нет ни в уставе, ни в законе, ни в циркулярах кооперативных центров в отношении РЖСКТ.

Все это — пробелы, имеющие огромное значение для РЖСКТ. Этот пробел необходимо заполнить в новом уставе, установив, что кооперативная площадь является общим имуществом всей семьи, члены которой имеют на нее одинаковые права, независимо от того, на чье имя внесен пай и кому открыт лицевой счет.

Временные жильцы в домах РЖСКТ никаких прав на площадь не приобретают, несмотря ни на какую давность проживания и независимо от размера площади пайщика и состава его семьи. Самый факт существования института временных жильцов в РЖСКТ свидетельствует о халатности правлений РЖСКТ и об игнорировании ими устава и закона. В отличие от жактов, в РЖСКТ вселение временного жильца допускается только с письменного разрешения правления, которое дается в виде визы на заключенном пайщиком с временным жильцом договоре. Сдача площади без разрешения правления есть нарушение закона (ст. 23 декрета 19/VIII 1924 г.) и устава (ст. 14) и должно повлечь за собой выселение неправильно вселившегося временного жильца и возбуждение вопроса об изъятии площади, если не о выселении спекулирующего площадью члена РЖСКТ.

Контроль РЖСКТ в этом деле имеет целью недопущение спекулятивных сделок и превращения сдачи площади в источник незаконных доходов. Правление РЖСКТ, давая разрешение, связано целым рядом обязательных условий, ибо сдача площади допускается только в виде исключения и по уважительным причинам. Правление РЖСКТ может разрешить раз сдать площадь, скажем, на 6 месяцев, но не может разрешать сдавать площадь систематически.

Члены РЖСКТ в погоне за материальными выгодами совершенно обходят правила сдачи площади, превращая кооперативные квартиры в своего рода меблированные комнаты. Правление РЖСКТ все это видит, но своим правом прекращения этих недопустимых явлений, предоставленным ему и законом и уставом, не пользуется. По сути дела временные жильцы в РЖСКТ — явление недопустимое, ибо площадь предоставляется пайщику для его собственных нужд, а вовсе не для спекулятивной сдачи, причем для его удовлетво-

рения площадью приходится отказывать другому члену РЖСКТ. В результате получается, что частью площади пользуется несостоящий членом РЖСКТ временный жилец, а пайщики-очередники годами ждут, не дожидаясь площади.

Правильное разрешение вопроса требует полного запрещения постоянной сдачи площади в домах РЖСКТ. В случаях систематической сдачи следует поставить вопрос об изъятии сдаваемой площади и о передаче ее очередникам-пайщикам, ибо самым фактом постоянной сдачи площади член РЖСКТ подтверждает, что эта часть площади ему самому не нужна.

Обмен в РЖСКТ действующими положениями разрешается. Однако отказ правления в согласии на обмен в судебном порядке обжалован быть не может, что дает большой простор произволу и усмотрению правления. Между тем, нет, собственно говоря, никаких оснований ставить вопрос в иной плоскости, чем в домах жактов. Если меняющиеся — оба трудящиеся, могущие быть членами РЖСКТ, то почему правление должно возражать против обмена? У нас имеются, правда, карликовые РЖСКТ, насчитывающие своих членов десятками, живущие «своей семьей» и подозрительно относящиеся ко всякому новому лицу, «чужаку». Но таких РЖСКТ — ничтожное количество, их удельный вес в общей массе РЖСКТ ничтожен. Нужно предоставить РЖСКТ право обмена на таких же основаниях, что и в жактах, т. е. наполнить это право реальным содержанием, разрешив пайщику, которому правление отказало в обмене, обратиться в суд. Последний проверит правильность отказа и в случае, если найдет нужным, обяжет РЖСКТ согласиться на обмен.

Сохранение площади временно отсутствующим. В домах старого жилого фонда сохранение права на площадь обусловлено постоянным проживанием. Отсутствие в течение более 3 месяцев влечет за собой утрату права на площадь, если сохранение площади не обеспечено особым удостоверением («броней»), выдаваемым в определенных, в законе указанных, случаях.

В домах РЖСКТ это ограничение не действует. Согласно ст. 15-а ГК член РЖСКТ сохраняет свои права на весь срок принадлежности дома самому РЖСКТ. Временное отсутствие, как продолжительно оно ни было бы, на его правах не отражается, конечно, при условии своевременной оплаты всех очередных платежей. Поэтому НКЮ и НККХ РСФСР указали, что в домах РЖСКТ даже не требуется оформлять «броню», так как член РЖСКТ и так сохраняет свои права на время своего отсутствия.

Однако на практике часто возникает вопрос — до каких же пор пайщик сохраняет свои права на площадь во время своего отсутствия? Член РЖСКТ уезжает на 5—8 лет, может быть, вовсе не вернется, может ли он до бесконечности сохранять площадь? Ни устав, ни закон не дают указаний по этому вопросу. Между тем, ясность внести все-таки нужно, во избежание возможных злоупотреблений.

8. Юридические лица в РЖСКТ. Вопрос о формах участия госорганов в строительстве

РЖСКТ имеет для них большое практическое значение. Самостоятельное строительство, особенно в крупных городских центрах, требует затраты огромных средств. Для использования более мелких ассигнований, имеющихся в распоряжении госорганов, необходимо предоставить им возможность принимать участие в строительстве кооперации. До издания союзного закона 27/VII 1931 г. это участие было возможно только в порядке выдачи ссуд РЖСКТ (ст.ст. 26—27 декрета 15/XI 1927 г. и ст. 4 устава РЖСКТ). Однако эта форма не всегда была приемлема для госоргана, так как площадь, отстроенная кооперацией на выданную ей ссуду, входила в кооперативный фонд, и лица, вселенные на нее, приобретали все права членов РЖСКТ, в соответствии со ст. 156-а ГК. Госоргану, выдавшему ссуду, предоставлялось право лишь однократного заселения по своему усмотрению этой площади и при том не всей, а лишь 50%. В дальнейшем вселенные лица вступали в РЖСКТ и владели площадью на общих основаниях. В отдельных случаях организация, выдавшая ссуду, выговаривала себе право не однократного заселения отстроенной на ее средства площади, а заселения в течение определенного периода времени (5, 10 лет) в случае освобождения этой площади. Так как полное освобождение площади — вещь довольно редкая, то фактически площадь уходила из распоряжения госоргана и для него оказывалась потерянной.

Необходимость обеспечения госорганов собственным жилым фондом, который всегда находился бы в их распоряжении и сохранял бы свое производственное значение и назначение, и привела к изданию закона 27/VII 1931 г., согласно которому площадь поступает в маневренный фонд данного предприятия. Лица, живущие на этой площади, права на нее не приобретают, даже если они вступили в члены данного РЖСКТ: последнее обстоятельство дает им лишь право требовать площади от своего РЖСКТ в порядке стажа и накопления. Последующим постановлением НКРКИ СССР 27/VII 1931 г. предписывается организациям обобщественного сектора покупать площадь только на началах закона 27/VII 1931 г.

Таким образом, действующее законодательство знает 2 формы участия госорганов в РЖСКТ — покупка площади в качестве маневренного фонда и участие в строительстве с оставлением отстроенной площади в кооперативном фонде. Неясным представляются только пределы применения обоих законов, в частности — в каких точно случаях госорган может использовать свои средства для приобретения чисто маневренной площади и в каких — кооперативной. В отношении последней неясно — может ли госорган часть площади использовать для создания чисто маневренного фонда, в смысле закона 27/VII 1931 г.

Практика частого разбазаривания площади госорганами и закрепления ее навсегда за сотрудниками, получающими ее по трудовому договору, требует пристального внимания, так как надо положить конец этим явлениям, грозящим полным исчезновением жилищного фонда предприятий. Для денежного премирования, например, установлен твердый порядок, гарантирующий обоснованность премирования и

правильное его применение. Для раздачи же жилой площади никаких правил не установлено, и все зависит от случая и усмотрения отдельных лиц. Такое положение вещей совершенно нетерпимо и требует немедленного изменения. Ст. 4 действующего устава РЖСКТ явно устарела и ее необходимо переработать, причем в новой своей редакции она должна явиться синтезом закона 15/XI 1927 г. и постановления 27/VII 1931 г. и должна внести полную ясность в вопрос, когда отстроенная госорганом площадь остается его маневренным фондом и когда переходит в полное распоряжение вселенного работника, остающегося жить в ней и после расторжения трудового договора и притом независимо от причины расторжения последней.

9. Дела РЖСКТ в суде. Наибольшую роль среди судебных дел РЖСКТ играют дела о предоставлении площади. Постановлением 49-го пленума Верховного Суда Союза ССР в этот вопрос внесена полная ясность. Весь судебный спор между пайщиком и РЖСКТ разбивается на 2 стадии. В первой стадии разрешается спор о включении в список очередников, подлежащих вселению. Когда истец решением суда включен в этот список, вопрос следовало бы считать законченным, если бы наши правления РЖСКТ выполнили решения суда. Однако практика показывает, что, несмотря на наличие решения суда, РЖСКТ пайщиков, за которыми признано право на получение площади, не вселяют, благодаря чему создается необходимость начать второй процесс — о присуждении конкретной площади. Этот факт — необходимость вторично обращаться в суд — сам по себе свидетельствует о том, что в правлениях наших РЖСКТ что-то неблагополучно. В самом тексте исполнительного листа достаточно ясно прокламируется обязательность решения суда для всех организаций и должностных лиц, и совершенно непонятно, на каком, собственно, основании правления из РЖСКТ считают для себя необязательным судебное решение, которое они, однако, прекрасно умеют использовать, когда оно им выгодно.

Здесь невольно возникает вопрос о необходимости более широкого применения обеспечения иска в спорах пайщиков с РЖСКТ. Примечание к ст. 82 ГПК имеет в виду госорганы и на кооперативные организации не распространяется. Поэтому применяемая некоторыми судами практика отказа в обеспечении иска против РЖСКТ на основании примечания к ст. 82 ГПК совершенно неправильна. Наоборот, только обеспечение иска может заставить РЖСКТ начать более серьезно относиться к своим обязанностям, а пайщику — дать возможность реализовать решение суда, которое некоторые дельцы из правлений РЖСКТ упорно пытаются превратить в «клобок бумаги». Обеспечение иска тут возможно в 2 формах: если площадь уже готова — путем наложения ареста, до того — путем запрещения правлению РЖСКТ заселять ее до решения судом вопроса о кандидате на вселение. Отказывая в обеспечении иска, при наличии возможности дать реальное обеспечение, суд заранее обесценивает свое собственное решение, лишает его всякого содержания

и делает все дело беспредметным. Это только на-руку комбинаторам из РЖСКТ, которые, несмотря на многочисленные решения суда, обычно продолжают свою политику деления очередников на «приятных» и «неприятных», заселяют кооперативные дома по своему усмотрению, молчаливо принимают всякие предписания, определения и решения суда, действуя по старинному правилу: «Кот Васька слушает да ест». Не должно быть места воздержанию суда от использования предоставленного ему законом права — придать дейст-

венную силу своим решениям и лишить недобросовестного ответчика возможности уклониться от исполнения закона. РЖСКТ должны наконец понять, что законы писаны и для них, а их законам нужно напомнить слова товарища Сталина о вельможах, которые думают, что законы писаны только для дураков. Таких вельмож, к сожалению, в правлениях РЖСКТ развелось слишком много. Наша задача — призвать их к порядку и к строгому соблюдению требований революционной законности.

И. САМБУР

Ответственность железнодорожного транспорта за утрату, порчу и недостачу груза¹

В результате изучения железнодорожных дел, прошедших в Мосгорсуде в качестве как первой, так и второй инстанции, можно сказать, что по сравнению с предыдущими годами, работа железных дорог, в смысле исправного выполнения ими договора перевозки груза, значительно улучшилась. В особенности резкий сдвиг в этом направлении произошел в 1935 г. Если еще в 1933—1934 годах очень часто наблюдались, например, случаи засылки или утраты грузов целыми вагонами (уголь, картофель, нефть, мука), если невостребованные или бездокументные грузы покупались с «торгов» самой же дорогой и при том явно за бесценок, с прямыми нарушениями правил ликвидации означенных грузов и, если, наконец, уплачивая грузохозу вознаграждение за «пропавший груз», дорога потом — иногда после значительного времени — узнавала, что этот груз не пропал, а был получен либо самим же грузохозом, либо в порядке переадресовки выдан другой организацией, то в настоящее время все такие ненормальности в работе дорог по практике суда стали сравнительно редким явлением. Тем не менее, из рассматриваемых судом железнодорожных дел видно, что еще не все обстоит благополучно в коммерческой работе дорог как по самой перевозке грузов, так и по ликвидации неисправностей по ней. Все эти еще неизжитые ненормальности, зависящие не всегда от железных дорог, но нередко и от клиентуры, в главнейшем сводятся к следующему:

Значительная часть заявленных к дорогам претензий и исков относится к так называемым «весовым» недостачам. При разрешении таких дел необходимо выяснить, имеется ли в данном случае реальная недостача самого груза, или только одна разница в весе вследствие неправильного его определения (в зависимости ли от весов или от весовщика). При составлении коммерческих актов необходимо правильно, подробно и исчерпывающе указывать в них все те фактические данные, добытые тщательным осмотром вагона, пломб, груза, упаковки его и т. д., которые могут служить обоснованием вывода о наличии или отсутствии здесь реальной недостачи груза.

Между тем коммерческие акты зачастую составляются по трафарету, небрежно, неразборчиво с пропусками ответов на имеющиеся в акте вопросы и без указания в них тех, иной раз очень ценных конкретных особенностей, которые могли бы быть подкреплением соответствующего вывода по поводу недостачи. Несоблюдением этого пользуется некоторая клиентура и заявляет к дорогам претензии и иски, когда она сама заведомо знает, что «недостающий» груз ей не был отгружен отправителем. Ясно, что такие коммерческие акты не содействуют разъяснению недостачи и правительному урегулированию вопроса о ней, а только порождают значительные и по сумме и по количеству претензии и иски клиентуры к дорогам. В результате этого транспорту приходится оплачивать такого рода требования клиентуры во всех тех случаях, когда из-за отмеченного недостатка коммерческих актов и за отсутствием в деле всяких иных доказательств суд лишен возможности установить по делу, что удостоверяемая актом недостача в действительности нереальна.

Несмотря на ясное указание устава железных дорог (ст. 31), в каких случаях, в зависимости от состояния тары груза или ее отсутствия, дорога должна либо отказать в приеме груза, либо принять его, но сделать о неисправности тары отметку в накладной и квитанции, очень часто дороги этого не делают. Между тем, когда такие грузы прибывают по назначению поврежденными или с недостачей — клиентура, ссылаясь на отсутствие отметок в железнодорожных документах, считает дорогу виновной и ответственной за этот ущерб и требует соответствующей компенсации.

Нередки также случаи, когда агенты дороги допускают проставление веса отправителем в графе «вес дороги», но не в графе «вес отправителя», без фактической перевески груза, что также является часто источником споров и претензий.

Практика показала, что отмена дубликата накладной и замена его квитанцией недостаточно гарантирует интересы дороги, так как наблюдались случаи, когда дороге предъявлялись квитанции со включением в последнюю, после выдачи ее дорогом, таких сведений, которых не имеется в накладной (например о наложенном платеже, изменении станции на-

¹ В порядке постановки вопроса. Редакция.

значения и др.). Восстановление дубликата накладной устраняло бы возможность внесения в него таких изменений, так как он составляется одновременно с накладной под копиру и заключает в себе все реквизиты договора перевозки.

Обращают на себя особое внимание случаи предъявления к дорогам исков и при том на крупные суммы за утрату груза. Дорога на суде признавала их, и суд присуждал истцу отыскиваемое вознаграждение. А затем, в результате розыска дорогой груза, обнаруживалось, что груз, за который ею были уплачены деньги, не утрачен, а был еще до оплаты выдан либо самому грузохозяину, получившему, таким образом, от дороги и груз и деньги, либо другой организации вследствие переадресовки груза. Впоследствии уже сама дорога обращалась в суд с иском об обратном взыскании этих денег. Ряд таких исков был предъявлен Московской окружной дорогой, сначала признавшей иски за утрату груза, а потом потребовавшей возврата уплаченных ею денег.

Попутно о переадресовках груза. Имели место случаи, когда грузы переадресовывались и выдавались другой организации, а отправитель и первоначальный получатель ничего об этом не знали и требовали уплаты денег; не знала этого и дорога-ответчица, которой предъявлялся иск. И лишь во время процесса, когда суд, видя это, откладывал разбор дела и давал тем дороге возможность выяснить судьбу груза, — оказывалось, что груз на самом деле был выдан по переадресовке, но распоряжение об этом и выдача груза не были сообщены по назначению.

Из сказанного ясно видно, что коммерческая работа дорог по выдаче грузов плохо налажена, раз дороги не всегда могут сразу выяснить, что груз не пропал, а кому-то выдан. То же надо сказать и о розыске грузов. Клиентура часто очень плохо ведет учет получаемых ею грузов, поскольку она иногда требует вознаграждения за полученный ею груз. Это безобразное явление необходимо устранить принятием соответствующих мер как по линии железных дорог, так и клиентуры, тем более, что оно содействует всякого рода злоупотреблениям, направляемым на хищение социалистической собственности.

Наблюдались случаи, когда груз был отгружен не полностью, а с недостачей при самом отправлении его, хотя в накладной значился вес полного груза. Естественно, что по прибытии на станцию назначения этого груза в нем была недостача веса, равная недогрузу. Однако с дороги все же требовали вознаграждение за недостачу. По установлении этих обстоятельств суд в иске, понятно, отказывал.

К перевозке и при том на дальние расстояния дорогами нередко принимались скоропортящиеся грузы, как мандарины и т. п.

При сдаче этих грузов дороге предъявлялись сертификаты, удостоверявшие, что эти грузы способны выдержать данную перевозку, без повреждения их в пути следования. Однако прибывали они испорченными. На суде при разрешении исков о вознаграждении за порчу груза выяснилось, что порча произошла не по вине дороги, а потому, что эти грузы не в состоянии были выдержать данной пере-

возки. Таким образом, выяснилось, что сертификаты на эти грузы выдавались неправильно. Поэтому следовало бы поставить вопрос о более тщательном выяснении, при выдаче сертификата на такие грузы, способности последних выдержать ту или иную перевозку.

Хотя с введением действующего устава железных дорог и отменено ручательство отправителя за определяемый им вес груза, но, однако, в железнодорожных документах все же и в настоящее время встречаются отметки о таком ручательстве. Во избежание возможных, в связи с этими отметками, недоразумений и споров между дорогами и клиентурой следует принять меры к недопущению в дальнейшем таких отметок, наличие которых к тому же указывает на то, что агенты станции еще недостаточно ознакомлены с новым уставом железных дорог.

Союззаготкож как монополист по кожсырью является отправителем и получателем этого груза. Согласно приказу НКПС, этот груз обязательно должен быть с бирками. Однако значительный процент груза прибывает с неясными бирками, а иногда и без них. Хотя груз прибывает в правильном количестве мест и в том же вагоне, в котором он был погружен и за тем же весом, что и в документах, Союззаготкож иногда не признает его своим грузом и отказывается от его получения.

Согласно п. 6 указанного приказа НКПС во всех случаях предъявления к перевозке кожсырья, необходимо требовать от грузоотправителей приложения к накладным особых спецификаций со внесением в накладную соответствующих отметок. В действительности, ни дорога, ни отправители этого зачастую не выполняют и, таким образом, грузополучатель при получении груза прозерить его по счету отказывается и места без бирок не принимает, хотя казалось бы, что данный груз не мог быть подменен другим и, следовательно, относится к бесспорной отправке.

В результате дорога вынуждена такой груз ликвидировать, как невостребованный. Как показала практика, обычно такой груз попадает к тому же Союззаготкож как монополисту и при том по весьма низкой цене, определяемой его же специалистами. Впоследствии, Союззаготкож же предъявляет к дороге иск за утрату груза, требуя разницу между стоимостью груза по счету и полученной от дороги суммой от ликвидации груза. Работники Союззаготкож получают кажется даже за это премию, как за внеплановые заготовки.

Принимая во внимание: 1) что такого рода недопустимые для государственных организаций действия Союззаготкож незаконно обогащают его и в то же время причиняют ущерб дороге, 2) что такие случаи не единичны и 3) что представители Союззаготкож соглашались на доплату дороге разницы между ценой, по которой они приобрели от дороги груз и действительной стоимостью этих кож по оценке их у себя на складе, такому явно ненормальному явлению на транспорте должен быть положен конец.

С своей стороны полагаю, что если вместо существующего теперь порядка отправки этого груза заготовительными пунктами непосредственно заводам, установить так, чтобы он направлялся бы заготпунктами на свою мест-

ную базу, последняя, ввиду обилия у нее груза могла бы повагонно отправлять его по назначению за своими пломбами, как отправителя. При этом условии вопрос об утрате, недостатке или замене груза отпал бы.

Как показала практика, громадное количество отправок с зерновым хлебным грузом прибывает с недостатком веса. Так как этот груз грузится средствами самого отправителя — Заготзерна на своих складах и прибывает на станцию назначения в исправном вагоне и за исправными пломбами, то в силу ст. 68 устава ж. д. в исках Заготзерна за эти недостатки суд отказывает, поскольку истец Заготзерно ничем по делу не доказывает, что недостача веса явилась результатом утраты груза железной дорогой.

Домогаясь удовлетворения исковых требований, Заготзерно ссылается при этом на то, что дорога не выполняет § 12 правил перевозки зерновых грузов по железным дорогам, по которым в случае обнаружения излишков груза, при недостатке веса груза, прибывшего в исправных вагонах с исправными пломбами при отсутствии признаков утечки зерна, дорогой производится расследование совместно с Заготзерном на станциях назначения и отправления, с обязательной при этом проверкой правильности весов и взвешивания на этих станциях. Эти правила отнюдь не отменяют собою применения к данному случаю постановления ст. 68 Устава о железных дорогах о том, что при отправительской погрузке, в исправном вагоне и исправных пломбах прибытие груза с недостатком веса возлагает на клиента обязанность доказать, что эта недостача веса есть результат именно утраты самого груза и что утрата произошла на дороге.

Так как, с одной стороны, зерновые хлебные продукты имеют весьма важное государственное значение и являются особо ценным грузом, а с другой, — этот груз, благодаря своей сыпучести, представляется несравненно более удобным и легким для хищения его в любом размере и разными способами, чем какой-либо иной груз, то можно полагать, что указанным § 12 имелось в виду обеспечить точный учет этого груза всюду и при любых операциях с ним и, кроме того, установить обязательное расследование причин расхождения действительного веса груза в натуре с весом его по документам, независимо от того, где именно произошла причина этого расхождения — на железной дороге или вне ее. Следовательно, хотя согласно уставу железных дорог (ст. 68) в данном случае дорога и освобождается от ответственности за недостачу веса, но ввиду общегосударственных интересов дорога призывается к оказанию Заготзерну посильно своей помощи в разъяснении причины этой разницы веса груза.

Вопрос о недостатке веса груза находится в прямой непосредственной связи с вопросом о весовом хозяйстве дорог вообще. Судебная практика показывает, что весовое дело на дорогах остается еще не вполне налаженным, поскольку дорогами постоянно делаются ссылки на неправильность весов. Поэтому в виду важности весового хозяйства дорогам необходимо уделить этому делу должное внимание и, в частности, установить, где в этом есть по-

требность, новые весовые приборы и проверить все существующие, а затем чаще проверять и те и другие. Так как для правильного определения веса груза, помимо верных весов, необходимо еще умелое и добросовестное производство самого взвешивания на них, то для этого необходимо установить и инструктаж и наблюдение за работой весовщиков.

Встречаются случаи, когда представителями и транспорта и клиентуры иногда выступают лица, мало или совершенно незнакомые с железнодорожным хозяйством, в частности, с перевозками грузов и относящимися сюда законоположениями. Эти лица нередко либо пропускают сроки на совершение тех или иных процессуальных действий, либо дают голосовые объяснения, иногда не имеющие существенного значения и т. д. В лучшем смысле их участие в деле бывает зачастую бесполезным, а в иных случаях даже вредным. Руководителям транспорта и клиентуры следует учесть это и поручать ведение судебных дел только лицам, вполне подготовленным к тому.

Представлялось бы целесообразным дела о мелких суммах (например до 100 руб.) совершенно не доводить, в случае спора сторон, до суда, поскольку помимо расхода государства на эти дела (предъявление иска, явка в суд, рассмотрение, а иногда и неоднократное отложение дела судом и т. д.) они отвлекают и стороны и суд заниматься более крупными делами, чтобы лучше их подготовить для правильного разрешения.

Пора клиентуре и коммерческим службам дорог и по претензиям на более крупные суммы доводить судебные споры до минимума.

Приказом Наркома путей сообщения 22/VI 1935 г. предложено всем органам транспорта прекратить сутяжничество, являющееся результатом отсутствия дисциплинированности при разрешении дел о задолженности и прекратить задержку ответов на рекламации.

25/II 1936 г. состоялось постановление Совета народных комиссаров Союза ССР, направленное также к прекращению сутяжничества.

Хотя в этом постановлении правительства Союза речь идет о борьбе с переборами и недоборами платы за перевозку грузов на железнодорожном и водном транспорте и об урегулировании этих вопросов непосредственно транспортными организациями и клиентурой, однако, это постановление в части прекращения сутяжничества полностью применимо и к претензиям о недостатках, утрате и порче грузов. Надо только устранить те причины, которые способствуют сутяжничеству. Устанавливается судебная ответственность работников предприятий и организаций всех ведомств за невозврат переборов и недоплаты недоборов по собственной инициативе.

В означенном постановлении СНК СССР также указано, что контроль и проверка правильности транспортных документов возлагается непосредственно на грузоотправителей и грузополучателей, запретив им передоверять эту проверку каким бы то ни было другим лицам и организациям. Транспортно-претензионное бюро и конторы в наркоматах, главных управлениях, объединениях, трестах и сбытовых конторах ликвидировать.

Запретить хозорганам исчислять размер оплаты и премировать своих сотрудников в зависимости от суммы предъявленных или удовлетворенных претензий к железным дорогам и пароходствам, а не числа проверенных документов или выявленных ошибок.

НКПС и НКВоду предложено в 2-месячный срок разработать: а) практические меры по улучшению и упрощению системы таксировки и оформления транспортных документов, б) систему материального поощрения работника железнодорожного и водного транспорта за устранение фактов перебора и недоборов и систему материальной их ответственности за допущение переборов и недоборов.

Таким образом, основное теперь заключается не в выявлении допущенных уже ошибок, а в недопущении этих ошибок. Это положение одинаково распространяется на все виды коммерческой работы дорог и клиентуры.

В заключение надо сказать, что основная борьба с сутяжничеством остается за судом и прокуратурой, которые должны каждый раз выявлять причины возникновения судебного иска, своевременно сигнализировать хозорганам и транспорту о выявленных ненормальностях в работе для принятия мер к их устранению.

Н. ЛАГОВИЕР

Прокурорский надзор по алиментным делам

Если в настоящее время, как неоднократно указывалось, назрела необходимость активизации прокурорского надзора по гражданским делам, то в особенности потребность в этом ощущается на таком участке, как алиментные дела, затрагивающие жизненные интересы многих тысяч женщин и детей.

И сейчас мы имеем ряд фактов, когда благодаря прокурорским протестам отменяются и исправляются неправильные решения по алиментным делам, когда в результате прокурорского вмешательства ускоряется прохождение этих дел, ускоряется взыскание алиментов, привлекаются к ответственности волокитчики, злостные неплательщики и т. д. Эти факты наглядно подчеркивают, как много положительного тут может дать надзор прокуратуры. Однако фактов этих пока не так много. Сигналы печати, и многочисленные постановления главных, краевых и областных судов, и данные самих местных прокуроров свидетельствуют о том, что в ряде районов прокурорский надзор по алиментным делам отсутствует, либо носит случайный характер. Активизация прокурорского надзора на данном участке поэтому — задача, еще только ожидающая своего удовлетворительного разрешения. В Курской области за III полугодие 1935 г. прокурором опротестовано лишь 79 решений нарсудов по алиментным делам, несмотря на то, что суды допустили целый ряд грубых нарушений.

В Западной области из изученных облсудом 330 дел по протестам прокурора было рассмотрено только 2 дела.

По Куйбышевскому краю из 230 дел только по одному делу был принесен протест прокуратурой.

В Ленинграде из рассмотренных 4.570 дел с участием прокуратуры прошло только 2 дела.

В Северокавказском крае прокурор участвовал только по одному из рассматриваемых 500 дел.

8/II 1936 г. президиум Восточносибирского краевого суда отметил «отсутствие участия прокурора в рассмотрении алиментных дел при наличии ряда грубых нарушений, допускаемых со стороны нарсудов». То же отме-

чает постановление президиума Северокавказского краевого суда 28/II 1936 г.

Есть ли возможность активизировать роль прокуратуры на данном участке, и в каком направлении и какими методами может и должен быть активизирован прокурорский надзор по алиментным делам?

Конечно, было бы неправильно ставить задачей такое количественное расширение прокурорского надзора, чтобы последний осуществлялся по всем без исключения алиментным делам, проходящим через судебные органы.

Помимо алиментных дел, есть и другие, также весьма важные участки гражданского процесса, которые требуют серьезного внимания прокуратуры. Но если стопроцентный сплошной надзор исключается, это не значит, что следует мириться с тем состоянием его, которое мы имеем сейчас. «Сплошной» надзор по алиментным делам невозможен, но и рамки имеющихся возможностей достаточно широки для того, чтобы количественно и качественно усилить помощь прокуратуры суду на данном участке.

Основные задачи и объекты этой работы должны быть четко усвоены каждым районным прокурором. Острие надзора должно быть направлено против тех извращений, нарушений закона, проявлений бездушно-бюрократического отношения к защите прав и интересов матери и ребенка, которые еще так нередки в практике как судебных, так и других органов по алиментным делам.

Надзор райпрокурора, с одной стороны, должен содействовать своевременному выявлению и устранению такого рода извращений, и вместе с тем для большей своей эффективности он должен опираться на знания основных недостатков и ошибок, допускаемых отдельными нарсудами, за которыми наблюдает данный прокурор. Борьба должна вестись как с теми бюрократическими извращениями, которые непосредственно бьют по интересам женщин и детей, так и с теми нарушениями, которые, в конечном счете, ведут к тем же результатам. В частности, значительно распространенным злом в разрешении алиментных дел является отсутствие элементарной инициативы суда в собирании достаточно полных

сведений о заработке ответчика, сверхурочных, премиальных и т. д., что, естественно, влияет на размеры присуждаемых алиментов. Размеры эти в ряде случаев таковы, что ни в какой мере не могут обеспечить даже минимальных потребностей ребенка и совершенно не соответствуют материальным возможностям ответчика. Так, например, в Ярском нарсуде Удмуртской АССР алименты присуждались в одном стандартном размере — в размере 5 руб. Сюда же относится и отсутствие в ряде случаев инициативы судов в принятии мер к обеспечению гражданского иска в порядке ст. 87 ГПК. Мы здесь делаем ударение на непосредственной инициативе суда, потому что зачастую истицы по алиментным делам по незнанию закона сами соответствующим ходатайством не возбуждают. Обязанность районного прокурора — не проходить мимо подобного рода фактов, а реагировать на них как путем опротестования нарушающих законные права женщин и детей решений, так и путем сигнализации в вышестоящие суды.

При проверке по существу правильности решений по алиментным делам необходимо особое внимание обращать на выполнение указаний Верховсуда Союза ССР об обязательности «учитывать каждый раз индивидуальные особенности каждого случая, не допуская перегибов как в сторону увеличения размеров алиментов, так и в сторону уменьшения их размеров, когда алименты теряют практическое значение.

В полной мере сказанное относится и к борьбе как самих судов, так и прокуроров с медленностью прохождения алиментных дел в судах, — медленностью, в ряде случаев перерастающей в возмутительшую волокиту.

Если взять статотчеты главных, краевых и областных судов за отдельные месяцы и за I и II полугодия 1935 г., то нетрудно убедиться в том, что значительное число алиментных дел проходит в сроки свыше одного месяца, т. е. в сроки, намного превышающие те, которые установлены директивой Верховсуда. Назначение дел к слушанию без всякой предварительной подготовки, небрежность, невнимательность, бюрократизм, неприятие, когда это возможно и когда это необходимо, мер к явке ответчика, многократные, иногда совершенно неправильные откладывания дел — таковы обычно причины медленности и волокиты.

Вот несколько конкретных примеров.

В феврале 1936 г. при обследовании движения алиментных дел в нарсуде 1 участка Ленинского р-на Омской обл. оказалось, что дело по иску Кузьминой Марии к Кузьмину, которое поступило в суд 8/XII 1935 г., 14/XII было назначено к слушанию, но отложено за неявкой сторон, несмотря на то, что истица и ответчик просили разобрать дело заочно, причем ответчик в своем объяснении иск признал и дал согласие платить по 50 руб. в месяц. 31/XII дело второй раз назначалось к слушанию и опять было отложено за неявкой сторон. После этого это дело к слушанию не назначалось, лежало без движения до февраля, хотя истица подала заявление об ускорении дела.

Если даже считать, что, несмотря на просьбы сторон о заочном слушании дела, необходимо было суду заслушать стороны, то, принимая

во внимание, что обе стороны проживали в г. Омске, трудно найти оправдание для той волокиты, которая была проявлена в разрешении данного дела!

Не менее характерно другое дело того же нарсуда по иску Осмотровой к Осмотрову на воспитание ребенка. Это дело поступило 17/V 1935 г., назначалось к слушанию 6 раз, откладывалось за невручением повестки ответчику и отсутствием справки о зарплате. Между тем в действительности эта справка была получена 13/VII и повестка на 17/VII также была ответчику вручена, но дело все-таки было отложено и после этого еще назначалось 3 раза. Очевидно, суд просто не ознакомился с материалами дела (1).

Вопиющая волокита имела место и по алиментному делу нарсуда Троицкого р-на Западной Сибири по иску гр. Жидковой к Соболеву о взыскании алиментов на воспитание 2 детей.

Достаточно сказать, что это дело находилось в суде 9 мес. и 28 дней (1). Исковое заявление было подано 1/V 1934 г. Через 10 дней нарсудья наложил резолюцию: «Петровскому сельсовету вручить заявление истицы и пояснить ей, что нужно приложить справки о возрасте детей и справку о зарплате мужа».

16/VI требуемые справки от истицы поступили. Однако только через 2 мес. 28 дней нарсудья наложил резолюцию: «Завести алиментное дело». В резолюции ничего не было сказано о назначении дела к слушанию, о попытке и вручении повесток сторонам; благодаря такой резолюции дело продолжало лежать.

15/III 1935 г., т. е. через 9 мес. 15 дней истица подает в нарсуд специальное заявление, в котором просит ускорить дело. Однако и после этого дело еще продолжительное время находилось без движения. Когда, наконец, оно было заслушано, то суд вынес недоброкачественное решение, не выяснил материального и семейного положения сторон, дело было заслушано без вызова ответчика.

Мы могли бы привести ряд других не менее ярких иллюстраций подобной волокиты. Характерно, что в большинстве случаев эти факты проходили мимо внимания прокурора. А между тем задача прокуратуры и заключается в том, чтобы помочь выкорчевать из судебной практики подобные факты, которые нетерпимы даже как редкие исключения.

Не менее серьезное внимание должно быть уделено борьбе со всякого рода упрощенчеством в разрешении алиментных дел. Упрощенчество это выражается в разнообразных формах. В частности, большой процент алиментных дел разрешается судами с вызовом ответчика и неувведомлением его о дне слушания дела.

В Хилковском р-не Восточной Сибири нарсуд вынес решение взыскать с гр. Крюкова на содержание ребенка ежемесячно по 80 руб. Это дело было рассмотрено без вызова и участия ответчика. В деле совершенно нет сведений о материальном, семейном и имущественном положении сторон, а из резолютивной части решения не видно, в пользу кого, на какой срок взыскивается, даже нет сведений, когда родился ребенок.

Равным образом и другое дело того же суда о взыскании 70 руб. ежемесячно на содержа-

ние ребенка рассмотрено было без вызова и участия ответчика.

Возможно, что судьи, поступая подобным образом, имеют весьма хорошие намерения — ускорить разрешение дел, пойти навстречу истце и т. д., но результаты получаются прямо противоположные. Такие решения кассколлегии не могут оставлять в силе, и в конечном счете получается только затяжка, не говоря уже о том, что это неизбежно ведет к неправильным решениям по существу.

Надо заметить, что если многие нарсудьи поняли свою ответственность за нарушения требований УПК (например, за нарушение ст.ст. 206, 235, 265 УПК), то пока еще определенно слабо привилась необходимость такого же безоговорочного выполнения требований гражданского процесса. Нарушения требований ГК и ГПК считаются как бы менее существенными и более терпимыми.

Задача прокурорского надзора — рассеять эти заблуждения, повести более энергичную борьбу за выполнение требований ГК и ГПК, в частности — при разрешении алиментных дел.

Упрощенчество в практике разрешения алиментных дел иногда выражается и в том, что суды не вникают в сущность дела, во взаимоотношения сторон и без всякой проверки доказательств, механически удовлетворяют иски в тех размерах, в которых они предъявляются. При этом суды исходят из пожелания пойти навстречу истце. Но результаты и в этих случаях получаются отрицательные. С одной стороны, иногда истца имеет право и возможность на получение большего, по сравнению с тем, что она требует в своем исковом заявлении. Механическое удовлетворение исковых требований в этих случаях означает по существу снижение эффективности судебной защиты интересов женщин и детей. В то же время такой некритический подход чреват иногда опасностью защиты лиц, которые никакого права на такую защиту не имеют, или присуждения с лиц, которые фактически никакого отношения к претензиям истцы не имеют и иметь по обстоятельствам дела не могут.

Не менее важным является и исполнение решений по алиментным делам. Неслучайно на упорядочение работы органов прокурорского надзора в деле взыскания алиментов было обращено внимание Прокуратурой Союза ССР еще в 1934 г. (циркуляр № 750 31/IV 1934 г.). Чисто формальные соображения о том, что непосредственный контроль за действиями судебных исполнителей и исполнением решений по гражданским делам осуществляет нарсудья, не могут ни в коей мере служить оправданием пассивности прокуроров на данном участке. Положение вещей таково, что в ряде случаев требует прокурорского вмешательства. Речь идет не только о случаях прямых злоупотреблений или явно преступной халатности и бездействия со стороны отдельных судебных исполнителей или отдельных должностных лиц при взыскании алиментов и не только о случаях злого уклонения от платежа алиментов. Необходимость решительных действий прокуратуры при подобного рода случаях не требует никаких комментариев. Речь идет о реагировании прокурора и в тех случаях, когда ему тем или иным путем

становятся известными факты медленности взыскания, неупорядоченности этого дела, — факты, не составляющие прямых преступлений, но тем не менее бьющие по интересам женщин и детей. Известно, что такие факты имеют значительное распространение. В некоторых районах недавно были выявлены случаи, когда судебные исполнители не регистрировали даже поступавших к ним исполнительных листов, мотивируя это тем, что этих исполнительных листов очень много. В циркуляре прокурора РСФСР № 17 за 1935 г. отмечены были случаи пропажи исполнительных листов как по вине судебных исполнителей, так и по вине учреждений, причем это отмечалось как массовое явление; не секрет, что многие судебные исполнители еще весьма далеки от тех требований Верховного Суда Союза ССР, согласно которым он «должен явиться активным проводником судебного решения в жизнь, помогая истцам находить скрывающихся неплательщиков алиментов, выявить их имущество и т. д.».

Несомненно сложной представляется вопрос о том, как практически организовать надзор по алиментным делам так, чтобы он давал наиболее эффективные результаты.

Для этого прежде всего необходимо самое внимательное и чуткое отношение к поступающим жалобам, весьма часто дающим правильные сигналы о нарушениях закона по алиментным делам. Прокуратура РСФСР неоднократно отмечала волокиту с перепиской по алиментным делам и формально-бюрократическое отношение к жалобам.

Само собой разумеется, где имеет место такое отношение к жалобам со стороны прокуроров, там не может быть и речи об удовлетворительном надзоре за правильностью разрешения алиментных дел.

Исключительно большое значение для активизации надзора со стадии исполнения решений по алиментным делам имеет организация повседневной помощи в этом деле общественного актива, групп содействия прокуратуре и т. д. Эта помощь может и должна выражаться, с одной стороны, в сигнализации прокурора о случаях злоупотреблений и волокиты, а с другой — в непосредственном участии общественного актива прокуратуры в проверке выполнения решений нарсудов как судебными исполнителями, так и учреждениями и предприятиями.

Надзор должен осуществляться в рамках, предусмотренных ГПК. Но всего этого однако недостаточно для активизации прокурорского надзора по алиментным делам. Кроме указанных методов, по крайней мере в отношении наименее благополучных по качеству разрешения алиментных дел участков нарсудов, необходимо, хотя бы в виде временной меры: 1) систематическое ознакомление с находящимися в производстве суда алиментными делами для отбора дел, по которым целесообразно выступление в суде прокурора, 2) систематическое изучение разрешенных и необжалованных алиментных дел для опротестования неправильных решений.

Раз в квартал выборочное изучение судебной практики по алиментным делам должно стать обязательным как в районных, так и в краевых и областных прокуратурах в отношении тех участков нарсудов, за которыми не установ-

лен систематический надзор в указанных выше формах. Периодическое изучение судебной практики по алиментным делам должно быть включено в планы работы районных и краевых прокуроров.

Если участие прокуратуры по алиментным делам в суде первой инстанции возможно в единичных случаях, то в кассационно-надзорной инстанции необходимо обеспечить систематическое участие прокуратуры.

Это важно не только для исправления отдельных неправильных решений, но и для поднятия качества всей работы нарсудов по алиментным делам.

Е.

Еще о перестройке

Как и следовало ожидать, помещенная в № 3 «Соц. законности» статья о перестройке работы Московской коллегии защитников вызвала целый ряд откликов, говорящих о своевременности затронутых в статье вопросов и о необходимости немедленно изжить все те болезни, которыми так сильно страдает Московская коллегия защитников.

Начало этому движению о перестройке, казалось, должен был положить президиум коллегии, как орган, возглавляющий эту организацию. Но, не тут-то было. Президиум Московской коллегии не только не возглавил борьбу за перестройку работы защитников, не только не призвал широкие массы ЧКЗ к обсуждению вопросов, затронутых в статье, но всеми силами стремился затушевать эти вопросы, не придавая им того значения и не уделяя им того внимания, которые эти вопросы по своей остроте требуют.

Через голову президиума и против его воли отдельные коллективы живо обсуждали статью, считая ее своевременной и правильно отражающей положение вещей.

4/IV первое такое открытое совещание состоялось в самом крупном Московском коллективе — в Фрунзенском.

Собрание это было посвящено вопросу о внедрении стахановских методов в работу коллегии. Докладчик, один из руководителей коллектива, т. Казаков построил свой доклад на анализе выступления товарища Сталина на совещании стахановцев.

Прочитав целый ряд мест из этого исторического выступления нашего вождя, докладчик, однако, ничего не сказал конкретно, как должны применяться стахановские методы работы в коллегии, как надо их внедрять в условиях, отличающихся такой спецификой, какая характеризует работу защиты.

Вместо этого докладчик стал убеждать аудиторию, что если некоторые партийцы в коллегии не могут уделять достаточно времени вопросам производства, то это объясняется тем, что им приходится уделять много времени общественной работе, например, развитию среди ЧКЗ физкультурного движения.

Докладчик обошел все вопросы, затронутые в журнале «Соц. законность», полагая, очевидно, что организационная форма работы ЧКЗ и вопросы оплаты труда ни в какой связи с внедрением стахановских методов в работу

Мы не останавливаемся здесь на содержании выступлений и протестов прокуратуры по алиментным делам, поскольку те и другие при всей специфичности этих дел должны основываться (к сожалению, это не всегда бывает) на тщательном ознакомлении с материалами дела, знании закона и чутком подходе к живому человеку.

Таковы в основных чертах возможности, перспективы и методы прокурорского надзора по алиментным делам. Нам представляется несомненным, что в таких рамках усилить и развить прокурорский надзор можно и должно.

Коллегии не стоят. Этой связи не понял докладчик, но это поняли рядовые ЧКЗ, давшие в своих выступлениях правильный анализ создавшегося в коллегии положения.

Интересным в этом смысле было выступление ЧКЗ Бобровской, приведшей целый ряд фактов, говорящих о полном отсутствии какого бы то ни было руководства со стороны президиума. Все руководство заключается в том, что президиум взимает с ЧКЗ 14% на свои нужды. Тов. Бобровская бросила упрек, и совершенно правильный, т. Казакову в том, что он за год работы в коллективе не выступил ни в одном процессе, не изучил условий работы ЧКЗ, между тем трудно представить себе в 1936 году директора фабрики, который основательно не знал бы своего производства.

Руководство таких «руководителей» ложится тяжелым бременем на коллектив, — коллективу оно ничего не дает, а обходится очень дорого.

В таком же духе были выступления и других ЧКЗ. Упреки, брошенные на этом собрании выступавшими президиуму коллегии, очень тяжелые. Они говорят о том, что президиуму коллегии оторвался от масс ЧКЗ, не связан с ними, не знает их; в свою очередь, члены коллегии не знают и не чувствуют своего президиума, если не считать этих пресловутых 14% отчислений. На совещании говорилось о том, что президиум против воли коллектива, не спросив у его членов, направляет в тот или иной коллектив работников, иногда на руководящую работу, не проверив ни качества этих людей, ни степени их подготовленности к работе, не говоря уже о руководящей работе.

И, естественно, что эти навязанные коллективам люди не имеют авторитета и наталкиваются порой на открытое враждебное отношение к себе.

Присутствовавший на этом собрании член президиума коллегии т. Дьяконов признал правильным все упреки, не пытаясь даже оправдать их теми или иными «объективными причинами».

Это собрание одного из крупнейших московских коллективов показало, что за все те нездоровые явления, которые имеют место в коллегии защитников, ответственность в значительной степени лежит на нынешнем руководстве коллегии, не сумевшем даже сделать правильный вывод из первого сигнала о кол-

легии, который был дан в статье т. Казначеева в январском номере нашего журнала.

Вместо этого в коллегии стали муссировать слухи о том, что не следует обращать внимания на эту статью, ибо ее писал сторонник «частного кабинета», как называют в коллегии ЧКЗ работающих индивидуально.

Не говоря уже о том, что в статье т. Казначеева ни одного слова не было сказано о частном кабинете, совершенно непонятно, почему тяга к частному кабинету является преступлением, особенно если учесть, что в ныне существующих коллективах члены коллектива получают даже не 40—50% своего заработка, как мы предполагали, а 22—30%, а 70% — это накладные расходы, удерживаемые с ЧКЗ.

Коллегия защитников, и не только в Моск-

ве, но и по всему Союзу, должна быть построена на здоровых началах. Коллективы должны быть построены таким образом, чтобы каждый член его знал, что все то, что он зарабатывает за минимальным отчислением на необходимые общекolleктивные расходы и содержание президиума, будет ему выдано на руки.

То, что существует сегодня, дальше не может быть терпимо. Не может быть терпимым такое положение, когда рост производительности труда, по ныне существующей в коллегии системе, влечет за собой снижение зарплат.

Такому положению должен быть положен конец, и чем скорее это будет сделано, тем лучше.

В. РАСКОЛЬНИКОВ

Надо работать по-новому¹

Речь товарища Сталина 4/V 1935 г. и выдвинутый им лозунг, что сейчас «кадры решают все» и что «в этом теперь главное», имеет огромной важности значение и для органов юстиции.

На различных этапах нашей пролетарской революции вожьд мирового пролетариата товарищ Сталин неоднократно ставил вопрос о кадрах, требовал внимательного отношения к новым людям, которые являются активными участниками социалистического строительства. Работники суда и прокуратуры, ежедневно, ежечасно сталкивающиеся с живыми людьми, должны были сделать для себя практические выводы из указаний нашего вожьды товарища Сталина и перестроить свою работу. Еще инструкция 8/V 1933 г. ставила перед работниками этих органов задачу бережного и внимательного отношения к человеку, к трудящимся. Инструкция обязывала нас научиться ценить каждого работника, могущего принести пользу делу строительства нового социалистического общества. Инструкция требовала от нас такой перестройки нашей работы, чтобы этой перестройкой обеспечить более меткое и организованное нанесение ударов нашим классовым врагом. Эти удары мы наносим решительно, в этом нас упрекнуть нельзя, но нам могут бросить упрек, и упрек основательный, в том, что мы иногда неправильно подходим к трудящемуся человеку. Имеют место случаи неосновательного и массового привлечения к уголовной ответственности людей; мы забываем о том, что эти люди могут быть полезными в деле социалистического строительства.

Несмотря на эти ясные и четкие указания, отдельные работники органов юстиции не перестроились и продолжают работать по-старинке. Имеют место случаи бюрократическо-формального отношения к ведению процесса. Мы еще не добились такого положения, чтобы каждый приговор и судебное решение были бы убедительными для широких масс трудящихся. Имеют место случаи, когда наши суды, в своей практической деятельности руководст-

вуюсь отдельными статьями УПК, которые не отвечают нашим условиям, выносят обвинительные приговоры, а трудящийся, если он даже осужден невинно, или мера наказания, установленная ему судом, не соответствует содеянному, не имеет права обжаловать этот приговор или определение суда, ибо это запрещено законом ст. 347 УПК.

Перечисленные в ст. 347 УПК статьи Уголовного кодекса имеют довольно суровую меру наказания. И вот если по этим статьям суд вынесет неверный приговор, приговорит трудящегося к 3 мес. и-т. работ, то трудящийся не может обжаловать этот приговор, так как он является окончательным и не подлежит обжалованию.

Нам думается, что эта статья УПК устарела и не отвечает новым веяниям жизни. Мы не можем допустить, чтобы трудящийся нашего пролетарского государства не мог обжаловать неверный приговор суда. Раз трудящийся обжалует приговор или решение суда, значит, он его считает неверным, значит, вынесенный приговор не убедителен и не отвечает содеянному. Мы должны помнить, что каждый обвинительный приговор, хотя бы самый мягкий, означает судимость, а это влечет за собой целый ряд последствий не только для осужденного, но и для членов его семьи. Если трудящийся протестует против неверного обвинительного приговора, мы не должны отклонять эти протесты, а наоборот их принимать, внимательно изучать этот протест и дать ему соответствующее направление. Мы должны так построить свою судебную работу, чтобы каждый трудящийся мог нас контролировать, и только тогда мы будем гарантированы, что меньше будем делать ошибок.

Мы должны помнить о том, что наш рабочий уже не тот, кем он был раньше. Рабочий нового, социалистического общества, хорошо разбирается во всех жизненных вопросах, рабочий стал высококультурным и вправе предъявлять нам требования о внимательном к нему отношении, он вправе требовать от нас, чтобы мы правильно разрешали вопросы, затрагивающие не только его интересы, но и

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

его братьев по классу. Мы должны внимательно прислушиваться не только к голосу рабочего, протестующего против неверного приговора, касающегося только его, но и к голосу (протесту) каждого трудящегося, протестующего против всех неправильностей, допущенных нами в процессе практической работы.

Что означает протест трудящегося? Он свидетельствует о высокой сознательности нашего трудящегося, он свидетельствует о том, что этот трудящийся не может спокойно переносить допущенных нами ошибок, он протестует против этого и своим протестом требует исправления допущенных нами ошибок.

Протест трудящегося означает, что он является активным строителем социалистического общества и активным борцом за торжество нашей социалистической законности.

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что ст. 349 УПК устарела и требует замены. Как известно, основным содержанием ст. 349 УПК является, что жалобы на приговоры суда могут быть принесены только сторонами, т. е. прокурором, гражданским истцом, обвиняемым, защитником и потерпевшим, в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение — и только лишь относительно нарушения его прав и интересов. Таким образом каждый осужденный может жаловаться по поводу нарушения его прав, но он лишен права жаловаться на нарушение прав других осужденных. Гражданский истец может жаловаться только на нарушения, непосредственно его касающиеся, он также лишен права при-

носить протесты (жалобы) на нарушения интересов и прав других лиц.

Если стороны, участвующие в процессе, согласно ст. 349 УПК ограничены определенными рамками, то лицам, не участвующим в процессе, совершенно не предоставлено прав на принесение протестов.

Это положение мы считаем неверным по следующим соображениям: предположим, присутствующий на судебном процессе, скажем, рабочий или колхозник убеждается, что приговор или решение судом вынесено неправильно. Он хочет добиться устранения неправильности и пишет об этом протест. Поскольку он не является стороной в деле, его протест принят не будет. Может ли удовлетворить нашего рабочего такое положение? Нет, не может, а поэтому мы предлагаем следующее:

1) Ст. 347 УПК как устаревшую изменить, заменив ее новой статьей, в которой указать, что любой приговор или решение суда может быть обжаловано.

2) Ст. 349 УПК также должна быть заменена новой статьей, в которой указать, что жалобы (протесты) на приговоры суда могут быть, принесены не только сторонами, участвующими в деле, но и каждым трудящимся, и не только по поводу формального нарушения, но и существа дела.

Только широкий контроль трудящихся масс поможет нам улучшить работу и изжить те недочеты, которые мы допускаем в процессе своей практической работы.

Работники органов суда и прокуратуры должны высказаться по затронутым нами вопросам.

С. НОВИК

О некоторых установках Мосгорсуда

Общезвестно, что работа кассколлегии является чрезвычайно важной в системе нашего пролетарского суда.

Кассколлегия является органом, который призван исправлять, корректировать допущенные ошибки судом первой инстанции и вместе с тем своими определениями правильно ориентировать суды, как и в каких случаях изменять судебную репрессию.

Кассколлегия Мосгорсуда не только не исправляет ошибок нарсудов, но зачастую сама допускает ряд серьезных ошибок. Для иллюстрации приведу следующие характерные примеры:

Приговором нарсуда 5 уч. Кировского р-на обвиняемый Ситнов по п. «г» ст. 162 (хищение 16 кг цемента со строительства набережных) был приговорен к 1 году и.т. работ по месту работы с удержанием 15% с заработка.

Указанный приговор по протесту прокуратуры определением КК МГС 17/XII 1935 г. был отменен за мягкостью. В своем определении кассколлегия Мосгорсуда констатирует:

«Рассмотрев материалы дела, КК МГС находит, что приговор нарсуда подлежит отмене, как вынесенный не в соответствии с материалами дела и без учета личности обвиняемого. По делу установлено, что обвиняемый Ситнов

похитил со строительства набережных 16 кг цемента, и суд при наличии того, что факт хищения установлен, и при учете личности обвиняемого (ранее 3 раза судился за кражи и грабежи) выносит меру наказания в виде и.т. работ по месту работы, что не соответствует, потому определяет:

Приговор нарсуда отменить и передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе».

Следовательно, КК МГС признал приговор мягким и обязал нарсуд при вторичном разборе вынести приговор с учетом личности обвиняемого и более жесткий.

При вторичном рассмотрении этого дела нарсуд 1 участка Кировского р-на признал Ситнова виновным по п. «г» ст. 162 УК и приговорил его к 1 году и.т. работ по указанию бюро и.т. работ НКВД.

7/1 1936 г. по кассжалобе Ситнова КК МГС под председательством т. Шахмана (который участвовал в вынесении определения КК МГС 17/XII 1935 г. по этому делу) констатирует:

«Рассмотрев жалобу кассатора, КК МГС находит, что приговор нарсуда подлежит отмене, дело прекращению, так как из материалов дела усматривается, что обвиняемый похитил полведра цемента для производства мелкого ре-

монта (?), что стоимость похищенного незначительна, в силу чего и руководствуясь примечанием к 6 ст. УК.

КК МГС определяет, приговор нарсуда отменить и дело производством прекратить» (?).

Не говоря уже о том, что последнее определение было вынесено в противоречие с обстоятельствами дела, ибо Ситнов является воров-рецидивистом, 3 раза судился за кражи, неоднократно привлекался за хулиганство, домоуправлением характеризуется, как отъявленный хулиган, совершил хищение с ударного строения набережных, — наличие двух диаметрально противоположных определений по одному и тому же делу при неизменившихся обстоятельствах дела дезориентирует работу суда.

Вот другой аналогичный пример.

За злостное уклонение от алиментов обвиняемый Гезин по 158 ст. УК нарсудом 8 участка Кировского р-на был приговорен к 6 месяцам и.т. работ через бюро и.т. работ НКВД.

8/II 1936 г. кассколлегия МГС, рассмотрев дело по кассационной жалобе Гезина, приговор нарсуда по мягкости отменила и вынесла следующее определение:

«Рассмотрев жалобу кассатора, КК МГС находит, что приговор нарсуда подлежит отмене по следующему:

Из материалов дела усматривается, что обвиняемый является злостным неплательщиком алиментов, трое детей находятся без всяких средств к существованию в течение долгого времени, задолженность выражается в сумме 830 руб., как видно из дела обвиняемый уже в 1935 г. за неплатеж алиментов судился и все же не платил таковые, поэтому КК считает, что примененная мера наказания в виде и.т. работ является мягкой и не соответствует содержанию, — в силу изложенного КК МГС определяет приговор нарсуда отменить по мягкости и дело передать на новое рассмотрение».

При вторичном рассмотрении этого дела нарсуд 9 участка Кировского р-на, учитывая особую злостность Гезина, что он уклоняется от уплаты алиментов, начиная с 1932 г., приговорил обвиняемого Гезина по ст. 158 УК к 6 мес. лишения свободы.

22/III 1936 г. КК МГС, рассмотрев указанное дело по кассжалобе Гезина, выносит определение: «Приговор нарсуда по существу вынесен правильно, но так как обвиняемый после последнего определения горсуда приступил к погашению своей задолженности... и т. д.

КК считает нецелесообразным его изоляции... определяет:

Приговор нарсуда оставить в силе, лишение свободы заменить 6 месяцами и.т. работ по месту работы с удержанием из заработка 10%».

И, несмотря на то, что КК МГС считает, что Гезин «исправился», так как погасил задолженность, все-таки Гезин не исправился и задолженности не погасил. Об этом говорят следующие факты: истица представила письмо обвиняемого Гезина, адресованное ей, в котором обвиняемый Гезин пишет:

«Судом ничего не будешь иметь и на месте никогда я не буду, ты только меня будешь вечно разыскивать».

Вот и «исправился».

Кроме этого судебным исполнителем была представлена докладная записка, из которой видно, что обвиняемый Гезин не сам погасил задолженность, а в принудительном порядке, больше того — с целью укрыться от уплаты алиментов, Гезин бросил свою работу по специальности и перешел на черновую работу с тем, чтобы снизить отчисление по уплате алиментов.

Этот пример, как и предыдущий, характеризует формальный, противоречивый и поверхностный подход КК МГС к рассмотрению дел, не говоря уже о том, что подобные «установки» КК дезориентируют работу судов.

Такая практика работы КК МГС свидетельствует, что в КК МГС живы еще бюрократические традиции, о которых так красочно говорил т. Л. М. Каганович на XVII партсъезде и вспомнил щедринских героев «Пестрых писем». «Один завязнет, другой развяжет». Тов. Каганович требовал решительно покончить с таким «руководством»¹.

В практике КК МГС нередки случаи, когда она вслед за нарсудом «штампует» незаконные приговоры нарсудов. Так например: 10/XII 1935 г. нарсудом 7 участка Кировского р-на обвиняемый Козлов Ф. С. по ч. 1 ст. 82 УК был приговорен к 5 годам лишения свободы (?).

О том, что Козлов был осужден незаконно по ч. 1 ст. 82 УК к 5 годам лишения свободы, при условии, когда санкция ч. 1 ст. 82 УК предусматривает не свыше 3 лет лишения свободы, он жаловался в КК МГС (хотя о том, что суд вынес приговор не в соответствии с санкцией ст. 82 он не указывал). КК рассматривала дело по его жалобе и, несмотря на то, что осуждение Козлова к 5 годам лишения свободы является грубым нарушением соц. законности, КК МГС, рассматривая дело по кассжалобе Козлова, приговор оставила в силе, «как вынесенный в соответствии с материалами дела» (...).

(Приговор был прокуратурой опротестован в президиум МГС).

Другой случай: приговором нарсуда Кировского р-на 2—3/XII 1935 г. обвиняемый Богдашев и другие (19 чел.) по ст. 107 были приговорены к различным срокам лишения свободы.

Обвиняемый Линева, содержатель притона спекулянтов, приговорен по ст.ст. 17—107 и 16—155 к 7 годам лишения свободы.

КК МГС приговор в отношении некоторых утвердила, а в отношении Линева, действия переквалифицировала по п. «а» ч. 1 ст. 192 и определила меру наказания 1 г. и.т. работ. Между тем как санкция п. «а» ч. 1 ст. 192 предусматривает не свыше 6 месяцев и.т. работ.

Такие грубые ошибки, допускаемые со стороны КК МГС, не единичны. Приведенные примеры говорят о том, что орган, призванный карать и воспитывать нарушителей закона, своим безответственным и юридически безграмотным отношением к рассмотрению дел еще не усвоил исторические указания вождя нашей партии товарища Сталина о том, что советский закон нерушим.

¹ Доклад т. Кагановича на XVII партсъезде по орг. вопросу, ст. 34. Партиздат, 1934 г.

Работникам КК МГС «узок горизонт» предоставленных им законом прав и поэтому они устанавливают «свой закон» и «свою карательную санкцию».

Нередки случаи, когда КК МГС неосновательно отклоняет протесты прокуратуры. Вот характерный пример.

В феврале 1936 г. нарсуд 1 участка под председательством нарсудьи т. Жукова, разбирая дело по иску дворника жатка Молчанова Г. А., иск удовлетворил в сумме 61 руб. и кроме того вынес частное определение о привлечении председателя жатка Сидорова к уголовной ответственности по ст. 111 УК за задержку зарплаты (Сидоров выполняет должность председателя жатка в порядке общественной нагрузки).

Прокуратура района считала, что уголовное преследование против Сидорова возбуждено неосновательно, так как имеющиеся в деле материалы указывают, что председателем жатка Сидорова являлась дочь истца Молчанова М. Г. и по ее вине образовалась задолженность дворнику. С приходом же Сидорова, несмотря на напряженность бюджета жатка, задолженность постепенно начала погашаться. Естественно, что такое дело лишено судебной перспективы, и Прокуратура

Союза опротестовала определение нарсуда в КК МГС, но КК МГС, вместо того, чтобы указать суду на неосновательность возбуждения уголовного преследования против председателя жатка Сидорова, протест прокуратуры отклонила, определив:

«1) нарсуд возбудил уголовное преследование против Сидоровой по ст. 111 УК за систематическую невыплату зарплаты дворнику Молчанову;

2) в том случае, если после произведенной проверки прокуратурой не будет установлено состава преступления в действиях Сидорова, то надлежит поступить в соответствии п. 5, ст. 4 УПК, а не приносить протест на определение суда, а поэтому определяет протест прокуратуры отклонить».

Приведенные факты далеко не исчерпывают тех многочисленных ошибок, которые допускают работники КК МГС и осложняют работу суда.

Президиуму горсуда пора принять меры к прекращению подобной кассационной практики, повысить ответственность судей за свою работу, сделать пролетарский суд Красной столицы достойным своего высокого звания «столичного суда».

Г.

Борьба с преступлениями против раскрепощения женщин-националок

Одной из наиболее трудных и сложных областей работы судебно-прокурорских работников национальных республик является борьба с преступлениями, составляющими пережитки родового быта.

Последние годы исключительно интенсивного экономического развития национальных республик, роста благосостояния всех трудящихся, населяющих обширные территории этих цветущих республик, еще не так давно являвшихся ареной постыдного гнета и безудержной эксплуатации, осуществлявшейся как своей, так и чужой байско-феодалной и помещичье-капиталистической сворой эксплуататоров в деревне, вызвали бурный и невиданный рост национальной культуры во всех без исключения национальных республиках и областях Советского союза. И точно так же, как социалистическая переделка сельского хозяйства протекала в обстановке ожесточенной классовой борьбы, внедрение нового быта, социалистических нравов и отношений к человеку, в особенности к женщине, вызвали отчаянное сопротивление классово враждебных и отсталых элементов. Никогда еще в истории не было такого подъема революционной активности женщин Востока во всех областях хозяйственной и политической жизни страны. Блестящей демонстрацией этого подъема были энергичные участницы многочисленных совещаний лучших людей национальных республик с руководителями партии и правительства. Десятки тысяч женщин-активисток национальных республик и областей своей деятельностью вызывают не только озлобленное сопротивление классово враждебных элементов, нередко совершающих те или иные террористические акты против жен-

щин-активисток, но и враждебное или издевательское к себе отношение со стороны близких к ним, но культурно-отсталых, несознательных лиц.

«Съезды трудящейся женской молодежи национальных республик и областей, — говорится в постановлении ЦК ВЛКСМ («Правда» 8/II 1936 г.), — правильно указали, что многие руководители комсомольских организаций национальных республик и областей не ведут энергичной борьбы с еще сохранившимися феодально-родовыми пережитками в отношении к женщине, проходят мимо нарушения советского законодательства о правах женщин и, что особенно нетерпимо, когда некоторые комсомолы сами проявляют к женщине недопустимое отношение (запрещают своим женам участвовать в общественной работе, не дают учиться)...».

Совершенно очевидно, что органам суда и прокуратуры национальных республик и областей необходимо в первую очередь бороться со всеми нарушениями советского закона о правах женщин, решительными мерами уничтожать все препятствия на пути культурного подъема и действительного раскрепощения женщин-националок.

Однако многие работники юстиции национальных республик и областей явно недооценивали, а местами недооценивают до сих пор серьезно политическое значение правильной организации борьбы с преступлениями против раскрепощения женщин-националок.

Потребовались издание ряда специальных писем из центра, выезды на места, чтобы активизировать эту работу в республиках.

Еще в конце ноября 1935 г. «Комсомольская правда», подводя первые итоги съездов трудящейся женской молодежи национальных республик и областей, отметила слабую работу органов юстиции этих республик и областей.

«На 5 национальных женских съездах (а всего их было 16), — писала «Комсомольская правда» в номере от 23/XI 1935 г., — обнаружилось 50 вопиющих, но миновавших кары правосудия преступлений против свободы, права, здоровья и достоинства женщины.

Нет нужды приводить все эти факты. Они показывают, что подчас работники низовых органов юстиции не видят классовой сущности бытовых преступлений в национальных районах».

Проверка показала, что приведенные в печати факты грубого нарушения судебно-прокурорскими работниками директив об охране прав женщин-националок подтвердились; ошибки эти исправлялись, и виновные в их допущении понесли соответствующее наказание. Но все же чрезвычайно медленно перестраиваются наши работники на местах для того, чтобы обеспечить действенную борьбу за новый быт, за свободную женщину Востока.

На X съезде комсомола вновь прозвучали справедливые голоса недовольства работой в этой области. Секретарь Башкирского обкома ВЛКСМ т. Тимиргалина заявила на съезде, что «местные органы прокуратуры до сих пор недостаточно серьезно подходят к бытовым преступлениям, нарушениям советских законов о правах женщин. Я приводила факты беззубого, политического подхода органов прокуратуры к таким делам».

И действительно, хотя некоторое улучшение в работе и имеет место, однако, этого далеко недостаточно. Обычные ссылки на слабость кадров, мягкость законов, карающих за преступления против раскрепощения женщин и т. п., конечно, не лишены известного основания. Но практика работы ряда прокуратур, энергично принявшихся за ликвидацию преступлений, составляющих пережитки родового быта, показывает, что при тех же самых кадрах, тех же законах и других условиях, можно добиться значительно больших успехов, чем это имеет место в других прокуратурах.

Как видно из публикуемого в настоящем номере журнала циркуляра прокурора СССР 5/IV 1936 г. прокуратура Дагестанской АССР добилась в 1935 г. заметных успехов в деле борьбы с преступлениями против раскрепощения женщин-горянок. Мы считаем поэтому целесообразным в интересах передачи опыта привести здесь выдержки из подробного и весьма обстоятельного доклада прокурора ДАССР — Склиаровского, показывающего методы работы, достойные подражания.

Вопросам борьбы за раскрепощение женщин-горянок, говорится в докладе прокурора Дагестанской республики, уделяется большое внимание, и эта работа как по линии оперативной, так и организационной поставлена на одно из первых мест в общем плане работы прокуратуры.

Фактически работа по охране прав и свободы женщин-горянок началась с весны 1935 г., когда специально на места были посланы два помощника прокурора республики, которым было дано задание не только проверять все

дела, относящиеся к нарушениям прав и свободы женщин-горянок, но также провести тщательное изучение этой категории дел на местах, а также изучить обстановку возникновения этих дел. Материалы, полученные в итоге этой проверки, легли в основание специального доклада Прокуратуры ДАССР на президиуме ДагЦИК 27/VII 1935 г. о мероприятиях по усилению защиты прав трудящихся женщин-горянок.

Несмотря на то, что за время с 1/VII 1934 г. по 1/VII 1935 г. только по 9 горным районам было осуждено 108 чел. за убийство, изнасилование, похищение, калым и пр., причем за убийство женщин-горянок было осуждено 32 чел., из них 26 к 10 годам лишения свободы, все же было установлено, что значительное количество преступлений до суда не дошли и даже не были у следственных органов и остались нераскрытыми вследствие бездеятельности и примиренческого отношения местных сельских и районных органов, а также вследствие явной недостаточности политико-массовой работы.

Во многих местах даже сами представители сельских органов совершали преступления. Так например, в Докузнаринском районе был привлечен к уголовной ответственности за получение калыма 3000 руб. и продажу своей сестры секретарь Коракюринского сельсовета Ризванов. В Курахском районе командированным туда прокурором было раскрыто 6 случаев двоеженства, причем некоторые из привлеченных лиц оказались представителями аульского актива.

В июле 1935 г. в Хасав-Юртовском районе был осужден за двоеженство парторг Уланбеков.

Получив эти тревожные данные, прокуратура Республики не только сигнализировала о них Дагобкому и ДагЦИК, но и сама перестроила свою работу и предложила райпрокурорам обратить исключительное внимание на эти дела и улучшить качество и рассмотрение дел.

В Прокуратуре Республики были взяты на учет все дела о нарушениях прав и свободы женщин-горянок, ряд дел был рассмотрен в показательном порядке, и вокруг них была мобилизована вся общественность. В печати было помещено несколько статей общего характера, посвященных вопросам борьбы с нарушением прав женщин; в газеты систематически направлялись материалы, освещающие конкретные дела.

При проверках и обследованиях камер райпрокуроров тщательным образом проверялись эти дела и работа прокурора и следователя в этой области.

Серьезная критика, которой подверглась деятельность органов юстиции на Вседагестанском съезде девушек-горянок, послужила толчком к еще большей активизации работы прокуратуры. На учет были взяты все выступления делегатов съезда, в которых говорилось о преступлениях отдельных лиц и слабой работе прокуроров. Все эти дела проверялись, а преступники были осуждены на разные сроки лишения свободы.

В декабре 1935 г. в целях проверки выполнения циркулярных указаний Прокуратура Республики направила в 10 районов трех по-

мощников прокурора Республики. В этих 10 районах за последние 6 месяцев 1935 г. за разные преступления, связанные с нарушением прав женщин-горянок, было осуждено 63 чел. (из них за убийство — 8 чел., похищение и изнасилование 23 чел., калым — 14 чел., выдача замуж несовершеннолетних — 8 чел. и пр.).

Примиренческое отношение многих судебных работников к этим преступлениям имело своим результатом большое количество приговоров с условными мерами наказания или же с исправительными работами. Прокуратура ДАССР за одно только II полугодие 1935 г. принесла, 24 протеста на приговоры судов (в большинстве случаев на мягкость репрессии). Все эти протесты главсудом были удовлетворены.

Проверка показала рост преступлений против общественниц-горянок. Выявлен был ряд случаев убийства мужьями своих жен на почве противодействия их общественно-политической деятельности.

Это обстоятельство заставило прокуратуру еще более насторожиться. Благодаря установленному порядку оперативного учета и контроля в отношении всех дел о преступлениях против раскрепощения женщин-националок, дела эти в основном заканчиваются расследованием в двухдекадный срок.

По материалам большинства просмотренных прокуратурой ДАССР дел доказано, что, как правило, убийству женщины-горянки предшествуют преследования, избиения, зверская эксплуатация и пр.

Однако, некоторые сельские власти, считая эти издевательства над женщиной в порядке вещей, не реагируют на эти случаи и даже, когда горянка обращается с жалобой на притеснения мужа или родных, находят возможным игнорировать эти жалобы, мотивируя тем, что в семейные дела грех вмешиваться. От органов государственной власти стараются скрыть даже серьезные преступления, вплоть до убийства, чему в значительной мере содействуют сочувствующие этим преступлениям родственники и соседи.

Учитывая трудность и специфические условия расследования дел о преступлениях против раскрепощения женщин-горянок, Прокуратура, ДАССР решила организовать институт общественных следователей из среды женщин-горянок, исключительно по делам о преступлениях против женщин.

В специальном письме периферии по этому вопросу прокуратура ДАССР и обком ВЛКСМ предложили провести выборы женщин общественных следователей в наиболее крупных, аулах. Женщины-общественные следователи получают право самостоятельного возбуждения дела и ведения следствия под руководством прокурора.

Мнение прокурора ДАССР о том, что участие самой женщины-горянки в проведении следствия безусловно должно содействовать его большей эффективности и большей раскрываемости преступлений, а также и поднятию авторитета самой горянки среди местного населения, надо признать правильным и оправдывающим осуществление этого довольно смелого мероприятия. Однако не подлежит никакому сомнению, во-первых, то, что успех этого дела целиком зависит от постоянного и конкрет-

ного руководства деятельностью общественных следователей со стороны прокуратуры, во-вторых, что личность общественных следователей, работа которых будет протекать в труднейших условиях, должна решительно охраняться от всех и всяческих посятельств классово враждебных и хулиганствующих элементов, которые будут стремиться сорвать это новое, направленное против них мероприятие.

Во всяком случае, сейчас уже прошло достаточно времени, чтобы прокуратура ДАССР могла подытожить первые результаты работы общественных следователей и рассказать об этом на страницах печати.

Подробно остановившись на положительном опыте работы прокуратуры ДАССР, мы также, как и сама эта прокуратура, отнюдь не делаем вывода о том, что работа там уже налажена и все идет хорошо. В циркуляре Прокуратуры СССР 5/IV с. г. подробно указывается на все еще имеющиеся серьезные недостатки в работе органов суда и прокуратуры в деле борьбы с преступлениями против раскрепощения женщин-националок. Нам представляется, что учет опыта работы прокуратуры ДАССР обязывает прокуратуры других союзных и автономных республик и областей многое позаимствовать из практики работы в ДАССР, а также осветить в ближайшем будущем положительные стороны своей работы в этой области, указав трудности, с которыми им приходится встречаться сейчас.

В частности, интересно и весьма важно с точки зрения правильной организации борьбы немедленно выявлять все новые формы преступлений против прав и интересов женщин-националок, которые имеют место в различных районах. Нам не впервые приходится иметь дело с классово враждебными и преступными элементами, быстро приспосабливающимися к обстоятельствам и пытающимися ускользнуть от ответственности.

Здесь также мы имеем дело с новыми маневрами преступных элементов, раскрытие которых не всегда во-время удается.

Так например, поступившие с мест материалы показали, что многоженство приняло в настоящее время другие формы; теперь уже редко можно встретить, когда бы многоженство, как преступление, явилось бы, так сказать, в чистом виде — т. е. наличие нескольких жен в семье. Современная форма многоженства по преимуществу состоит в том, что мужчина прибегает к частой смене жен с продолжительностью пребывания в супружестве от 5 до 10 дней.

Так например, Лукманов Габиулла (Башкирская АССР), 1902 г. рождения, по собственному признанию в 1918 году женился на некоей М. Г., прожил с ней два года, в 1920 г. развелся и женился на М. Х., в 1922 г. развелся с ней, затем женился на Х. М., в 1925 г. развелся с Х. М. и в этом же году женился на М. Г., а в 1927 г. вновь развелся, затем возвращал к себе два раза бывших жен М. Х. и М. Г., с которыми жил по несколько дней и вновь их выгонял. В 1932 г. женился на М. З., но в январе 1934 г. отвез ее в гости к братьям и там ее бросил. В 1934 г. женился на Х. Ф., систематически ее избивал, а через 2½ мес. с ней развелся. В том же году женился на З. А., но через 4 месяца с ней так-

же развелся за то, что она не дает возможности ходить к бывшей жене М. З. В марте 1935 г. сошелся вновь с М. З., но через 15 дней с ней развелся и в том же месяце женился на Х. Л., а через 15 дней вновь ее выгнал и в апреле 1935 г. вновь сошелся с М. З. Таким образом, Лукманов женился 11 раз в 1935 г. Лукманов был осужден показательным процессом к 5 г. лишения свободы. Прокурор ДАССР сообщает о том, что одним из наиболее распространенных способов обманым путем легализовать выдачу замуж несовершеннолетних является мошенническое

получение неправильных справок о возрасте. Для этого врачу направляется для определения возраста не то лицо, которое выдается замуж, а другая девушка более старшего возраста и по получении справки ею пользуются для оформления брака малолетней.

Подобные ухищрения преступных элементов должны вскрываться и опыт борьбы с ними должен передаваться во все национальные республики и области для того, чтобы лучше организовать борьбу со всеми и всякими преступлениями против прав и интересов женщин-националок.

И. САПИР

Германский фашист о судебном-надзорной практике Прокуратуры и Верховсуда СССР¹

Д-р Рейнгардт Маурах причислил себя к специалистам в области советского права и советской уголовной политики и стал довольно часто писать о них. В 1928 г. д-р Маурах выпустил в свет книгу «Советское уголовное право», а в 1932 г. написал обзор нашей исправительно-трудовой политики. В обоих случаях он занялся повторением белогвардейских измышлений по поводу нашей уголовной политики и мест заключения.

Журнал «Zeitschrift für Osteuropäisches Recht», одним из редакторов которого состоит д-р Маурах, дает на своих страницах обзоры отдельных вопросов из области советского права.

Советские научные работники систематически пользовались этим журналом, так как он довольно быстро и сравнительно полно освещал все новеллы в уголовном законодательстве стран Восточной Европы. В 1934 г. журнал этот подвергся фашистской унификации. «Фельдфебели от науки» сильно изменили к худшему его содержание. Ряд сотрудников обреченно и вынужденно оставили журнал (если оказались в эмиграции, другие — в концлагерях). Д-р Маурах уцелел в обстановке фашистского средневековья, так как сумел приспособиться к фашистскому режиму.

Клевета на советскую уголовную политику становится его профессией. Не в первый раз он клеветает на СССР, делая при этом вид, что он — строгий догматик и большой знаток советской действительности.

Следующая клевета содержится в его обзоре судебном-надзорной практики прокуратуры и Верховсуда СССР за 1935 г. По содержанию обзор этот не исчерпывает темы. Объясняется это тем, что д-р Маурах ищет в нашей судебном-надзорной практике только то, что кажется ему необходимым для выполнения заказа своих фашистских хозяев.

Следующие постановления привлекли тендециозное внимание д-ра Маураха:

¹ «Zeitschrift für Osteuropäisches Recht», 1935.
² «Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtswissenschaft», № 1/k 33.

1) постановление суд.-надзорной коллегии Верховсуда СССР от 20/V 1935 г. по протесту Прокуратуры СССР о порядке применения ст. 58¹ УК (СЗ, 1935 г. № 7, ст. 31);

2) постановление президиума Верховсуда РСФСР от 14/II 1935 г. об ответственности за совершение религиозного обряда над детьми без согласия родителей («СЮ» № 13 1935 г., стр. 29);

3) постановление суд.-надзорной коллегии Верховсуда СССР от 20/VI 1935 г. о наказуемости по ст.ст. 16—153 УК понуждения женщины к половому сношению путем заведомо лживого обещания вступить с нею в брак (СЗ 1935 г. № 8, ст. 45);

4) постановление президиума Верховсуда РСФСР о наказуемости по ст.ст. 16 и 59² УК подделки торгсиновских книжек («СЮ» № 12 1935 г., стр. 24—25).

Мы получали не раз доказательства того, что добросовестность не является свойством фашистского правоведа. На примере д-ра Маураха правило это вновь подтвердилось: каждое из взятых Маурахом под обстрел постановлений извращено по существу, а комментарии к ним являются коллекцией клеветнических выпадов против советского законодательства и советского суда.

Остановимся на каждом постановлении в отдельности.

1. Постановление суд.-надзорной коллегии Верховсуда СССР от 20/V 1935 г. было вынесено по протесту Прокуратуры СССР в отмену постановления президиума Верховсуда РСФСР, нашедшего, что объективно контрреволюционные действия должны караться комбинированным путем по ст. 58¹ УК и статьям, прямо предусматривающим соответствующее действие обвиняемых.

В своем докладе на тему: «Речь товарища Сталина 4/V 1935 г. и задачи органов юстиции» прокурор СССР т. А. Я. Вышинский упоминает об этом постановлении, указывает, что подобное смешение понятий является неправильным, и заявляет: «Нужно помнить, что вопрос о правильной квалификации тех или иных преступлений является одним из важнейших условий правильного осуществления нашей су-

дебной политики, имеющей дело с живыми людьми, обязанной считаться с живыми интересами трудящихся, с интересами и всего пролетарского государства»¹.

Д-р Маурах не удовлетворен ни протестом Прокуратуры СССР, ни постановлением суд.-надзорной коллегии Верховного суда СССР. Д-р Маурах имеет смелость заявить, что до тех пор, пока сохраняет силу Комментарий первый к ст. 58¹ УК РСФСР Карницкого и Рогинского (1935 г., стр. 79), разъяснение это не может принести радикальных результатов, так как Комментарий утверждает, что в нашей практике такие случаи смещения составов имеют место.

Ссылка Маураха на подобные указания Комментария является грубым вымыслом. В действительности тт. Карницкий и Рогинский указывают на факт перерастания отдельных преступлений в контрреволюционные преступления, когда их совершители должны рассматриваться как враги народа.

В изложении д-ра Маураха самое постановление суд.-надзорной коллегии Верховного суда СССР сформулировано так: «Квалификация неpolitических преступлений в качестве политических по единственному основанию, что эти деяния причиняют государству материальный ущерб, неправильна».

Д-р Маурах прекрасно знает разницу между объективным политическим вредом и материальным ущербом, но эта разница его не устраивает, и Маурах клеветает даже в подзаголовке.

Д-р Маурах хочет умалить постановление суд.-надзорной коллегии Верховного суда СССР в его значении и утверждает, что постановление это лишь ограничивается запрещением двойной квалификации деяний. Далее д-р Маурах меланхолично указывает, что «нельзя с этим постановлением связывать слишком больших надежд». Д-ру Маурачу хотелось бы, чтобы понятие контрреволюционного действия было сужено. Поэтому он продолжает: «констатировать сужение понятия контрреволюционного действия нельзя по следующим трем причинам: 1) продолжает действовать ст. 58² УК; 2) эвентуальный умысел продолжает вызывать последствия по применению соответствующих статей УК, карающих за контрреволюционную деятельность; 3) дополнительное законодательство последних лет расходится с первой главой Особенной части УК, в особенности закон 7/VIII 1932 г. об охране социалистической собственности».

Д-р Маурах по поводу закона 7/VIII 1932 г. полагает, что закон оставляет неразрешенным целый ряд проблем и находится в противоречии с первой главой Особенной части УК. Д-р Маурах в своем обзоре ссылается на материалы, опубликованные в № 8 журнала «Соц. законность» за 1935 г. В том же номере в статье «Знаменательная годовщина» д-р Маурах несомненно прочел следующее: «основная задача революционной законности, — говорит товарищ Сталин, — в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом». Доктор Маурах несомненно знаком и со ст. 1

УК РСФСР, указывающей, что уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка.

Из этого, если бы д-р Маурах был добросовестным ученым, он должен был бы сделать вывод о правильности указания в той же статье «Знаменательная годовщина»: «Основная задача декрета 7/VIII заключалась в органическом сочетании двух основных требований — беспощадного разгрома и подавления сопротивления классовых врагов и их агентуры и мобилизации общественного внимания к задаче охраны общественной собственности, укрепления нового социалистического правосознания и новой пролетарской дисциплины. В этом смысле декрет 7/VIII олицетворяет собой основные принципы всей советской уголовной политики».

Нас не удивляют злобные выпады Маурахов по отношению к закону 7/VIII 1932 г., являющемуся основой нашего социалистического права. Но мы вправе требовать, чтобы злобные выпады не прикрывались ситом псевдонаучного анализа и клеветой.

2. Перейдем ко второму постановлению. И тут д-р Маурах верен себе. Хотя постановление имеет в виду совершение над детьми религиозного обряда, вопреки воле родителей, д-р Маурах находит возможным в изложении обстоятельств дела об этом умолчать. Он позволяет себе давать советы советскому суду. Он рекомендует применять в этих случаях ст. 122 УК, которая, как это прекрасно известно д-ру Маурачу, карает не за совершение религиозного обряда над малолетними или несовершеннолетними, а за преподавание им религиозных верований вообще или с нарушением установленных для того правил. Так как одного юридического «догматизма» д-ру Маурачу недостаточно, он прибегает к наглой лжи, заявляя о якобы имеющемся в СССР обострении борьбы на церковно-политическом фронте.

Поскольку ст. 123 УК предусматривает обманные действия, поскольку д-р Маурах, умалчивая о ссылке на ст. 16 УК, продолжает свою лживую и враждебную критику указанием на то, что в данном случае никаких обманных действий не совершается. В подтверждение своей мысли д-р Маурах ссылается на свидетелей: тт. Карницкого и Рогинского, которые в Комментарий первом к ст. 123 УК отмечают, что, хотя сама религия является обманом, однако отправление религиозных обрядов ненаказуемо.

После этой артиллерийской подготовки д-р Маурах высказывает опасение, что отныне каждая религиозная обрядность в отношении несовершеннолетнего легко может быть отнесена по этому постановлению к ст. 123 УК. Надо успокоить д-ра Маураха напоминанием о том, что постановление носит ограничительный характер и что в нем прямо указывается на наказуемость совершения религиозного обряда над детьми только в тех случаях, когда это имеет место, вопреки воле родителей.

3. Третье постановление о наказуемости по ст. ст. 16 и 153 УК понуждения женщины к половому сношению путем заведомо лживого обещания вступить с ней в брак д-р Маурах рассматривает, замаскировавшись чистым догматиком.

¹ «Проблемы уголовной политики», кн. 2, 1935 г., стр. 25.

Внимание Маураха, пишет он, привлекли конструкция и объем понятия изнасилования. По его мнению, применять ст. 153 УК можно только в тех случаях, когда установлен обман, приведший к беспомощному состоянию потерпевшей. В подтверждение своей точки зрения д-р Маурах снова ссылается на тт. Карницкого и Рогинского (стр. 213), где указывается на наказуемость полового сношения с душевнобольной только в том случае, если подсудимый знал о наличии душевной болезни у потерпевшей и путем обмана использовал эту душевную болезнь в целях полового сношения.

Крайне легко установить, что ссылка на комментарии тт. Карницкого и Рогинского никакого отношения к рассматриваемому случаю не имеет. В данном деле речь идет об усиленных уговорах женщины согласиться на половое сношение и обещании ей фактического брака, в то время как обвиняемый вовсе не имел в виду в действительности вступить с ней в фактический брак (подтверждается свидетелями со слов обвиняемого), а лишь этим способом имел в виду погнудить женщину к половому сношению. Д-р Маурах почему-то кажется, что в данном случае не было ни обмана, ни беспомощного состояния потерпевшей. Д-р Маурах имеет смелость заявить, вопреки источнику, на который он сам ссылается, что обвиняемый не давал никаких обещаний, которые могли бы в сознании потерпевшей создать определенное и твердое убеждение о будущем браке; между тем из обстоятельств дела видно, что обвиняемый такое обещание дал, как он сам утверждает.

4. В последнем из прореферированных д-ром Маурахом постановлений о наказуемости по ст. 59^а УК подделки торгсиновских книжек д-р Маурах нашел новый повод оклеветать применение ст. 16 УК. Сначала д-р Маурах пустился в разглашествование о том, что подделка торгсиновских книжек может караться по ст.ст. 72 и 170 УК, а использование этих книжек

может караться по ч. 2 ст. 169 УК. Д-ра Маураха вполне удовлетворяет предлагаемая им квалификация подделки торгсиновских книжек, и он думает, что для применения аналогии здесь не было по существу дела никаких оснований. Но этого ему недостаточно. Д-р Маурах притворяется, что он все понял, и указывает: «Здесь имеется уголовно-политическое основание, так как было недостаточно предусмотренного ст.ст. 169 и 170 УК наказания; поэтому и искали другого пути». Д-р Маурах готов даже «посочувствовать», и он пишет: «Нельзя оспаривать уголовно-политической целесообразности для применения строжайших мер, но здесь довлеет не аналогия применения состава преступления, а желание повысить наказание». В этих утверждениях д-ра Маураха содержится чудовищная по своей нелепости клевета.

Весь расчет д-ра Маураха зиждется на умолчании о подлинных обстоятельствах дела. Между тем существо вопроса заключалось в следующем: Ленинградский облсуд квалифицировал подделку торгсиновских книжек по ст. 59^а УК, а УКК Верховсуда РСФСР переквалифицировала содеянное преступление по закону 7/VIII 1932 г., оставив в силе меру наказания. Разногласия возникли только по вопросу о квалификации, причем карательная санкция по закону 7/VIII 1932 г., являющемуся основой нашего социалистического уголовного права, более сурова, чем по ст. 59^а УК. Президиум Верховсуда РСФСР признал правильной квалификацию по ст.ст. 16 и 59^а УК.

Все построенное д-ром Маурахом здание рухнет, как в других случаях, под тяжестью приведенных фактических обстоятельств.

Можно констатировать, что д-р Маурах выполнил очередной заказ своих фашистских хозяев. В мусорном ящике истории человечества для д-ра Маураха и его «научных писаний» уже заранее уготовано место.

СНН

Вместо фельетона

Когда наш герой заявил о своем желании стать членом коллегии защитников, никто не думал, что за какие-нибудь несколько месяцев он станет одной из популярнейших фигур в столичной адвокатуре.

Скрытые, не проявившиеся до тех пор, таланты его не были известны окружающим. Но, что не дано видеть непосвященным, не укрылось от зорких глаз президиума Московской коллегии защитников.

Так как герой наш долго был техническим работником одного из хозяйственных учреждений и по совместительству занимал должность управдома в одном из многочисленных домов, а самое главное никогда не имел даже самого отдаленного отношения к судебной работе, президиум МОКЗ решил, что он является, так сказать, прирожденным руководителем адвокатского коллектива и быстро сумеет занять достойное место в славной плеяде руководителей МОКЗ.

Не изменяя своим традициям, президиум МОКЗ немедленно назначил нашего героя заместителем заведующего одного из крупнейших коллективов города Москвы, в котором работало более сорока чкз, преимущественно высокой квалификации, среди коих были и виднейшие советские адвокаты.

Не теряя ни минуты, наш герой включился в работу по освоению руководства коллективом защитников. Ровно в десять часов он являлся в коллектив, садился за маленький столик и беспрерывно что-то писал. Голос его раздавался только раз в день, когда он вопрошал курьершу Марусю о том, «готов ли обед».

Долго для членов коллектива было загадкой, над чем трудится их новый руководитель и каким выдающимся трудам суждено выйти из-под его пера. Юдны утверждали, что он разрабатывает особую форму отчета по массовой работе, состоящую из нескольких сотен разделов, другие полагали, что, в связи с

происходящей чисткой он пишет характеристики тех чкз, которых он даже не знает в лицо, но никто не знал тогда, что львиную долю времени руководителя занимали муки творчества по составлению типового договора соцсоревнования, который впоследствии принес ему заслуженную славу.

В часы напряженного труда за столиком наш герой присматривался к людям, которыми он был призван руководить, и анализировал причины дефектов в их работе.

Он «понял», что чкз крайне не дисциплинированный народ: они не сидят положенное для советских служащих количество присутственных часов в коллективе, а позволяют себе находиться в это время в судах, что адвокаты, даже и самые квалифицированные из них, составляя кассационные жалобы, не всегда дают их на просмотр и визу своему руководителю и не консультируют с ним, тогда как в жакете, где он был оправдомом, дело было поставлено так, что ни дворник, ни истопник никогда не разрешали самостоятельно, без санкции оправдома, вопросы, возникающие в процессе их повседневной работы.

Шли месяцы, руководство коллективом было освоено, а судьба мешала нашему герою проявить свои таланты. Наступил апрель 1936 г., зав. коллективом уехал в отпуск, наш герой стал вр. исп. обязанности заведующего. Широкие горизонты открылись перед ним, и он, испытывая прилив творческих сил, именно в этом месяце показал себя во весь рост.

Подошла пора обмена членских билетов Осоавиахима. Обычно этот процесс ни в одном из учреждений не вызывает бурь, тревог и волнений. Это не могло удовлетворить нашего героя: разрешая вопрос об организации обмена этих билетов, он решил активизировать борьбу за дисциплину чкз. Был выдвинут проект не выдавать никому зарплату до тех пор, пока билеты не будут обменены. Этому мероприятию не суждено было осуществиться. Ведь известно, что все рационализаторские мероприятия наталкиваются на сопротивление рутинеров!

Первая неудача не сломила героя. Как активист-общественник он предложил всем чкз включиться в соцсоревнование, и тут-то появился на свет разработанный им типовой договор соцсоревнования защитников, на составление которого он потратил так много хорошо оплачиваемого труда.

Договор этот охватил все стороны профессиональной и общественно-политической деятельности советского адвоката. Как полагается, договор был разделен на разделы и пункты.

Целый раздел обязывал соревнующихся защитников сдать нормы на ворошиловского стрелка и на все существующие значки, начиная с ГТО первой ступени. Целый раздел также был посвящен обязанностям соревнующихся по выполнению общественно-массовой работы, к каковой договор относил и обязательное посещение заседаний соцбытсектора президиума, где обычно разрешаются вопросы о пенсиях, пособиях, путевках и т. п. Из этого раздела договора следовало, что посещения соцбытсектора, оказывается, преследуют цель «поднятия профессиональной квалификации» адвоката.

По общественно-массовой работе и по сда-

че норм на всякого рода значки на соревнующихся налагались обязательства в таком масштабе, что мечтать о сколько-нибудь удовлетворительном проведении основной профессиональной работы вряд ли было возможно.

Может быть поэтому, а может быть в соответствии с взглядом автора договора на задачи советской адвокатуры профработе защитника договор уделяет три пункта.

Раздел об основной профессиональной работе исчерпывается предъявлением к соревнующимся защитникам буквально следующих скромных требований: 1) тщательно и аккуратно заполнять регистрационные карточки, 2) все кассационные жалобы и другие бумаги давать на просмотр и визу заведующему коллективом и 3) с ним же консультировать по судебным делам.

В этих «гигантских» пределах автор договора мыслит возможные достижения соревнующихся советских адвокатов, охваченных энтузиазмом стахановского движения!

На роль главного судьи достижений соревнующихся договор рекомендует конечно того же заведующего коллективом.

Если учесть компетенцию во всех вопросах адвокатской работы автора договора и вспомнить, что в должности заведующего тем же коллективом не так давно был некий т. Ежов, ныне с большим успехом проявляющий свои способности в роли заведующего дровяным складом Москвотопы, то вряд ли останется место для сомнений в том, что на основе столь замечательного договора, при деловом содействии столь авторитетных товарищей, не повысится квалификация советских защитников.

Мы не собираемся полемизировать с автором договора ни по вопросу об освоении военно-оборонных знаний, ни по вопросу о приобщении адвокатуры к общественно-массовой работе, ибо в пользу того и другого не сомневаемся, но вопреки убеждению автора договора думаем, что как весь договор в целом, так и раздел его, посвященный профессиональной работе защитника, являются выдающимся образчиком бюрократического головоутиательства, неграмотности и непревзойденного непонимания задач советской адвокатуры.

Мы думаем, что соцсоревнование, по рецепту автора договора, дискредитирует самую идею социалистического соревнования.

Было бы несправедливо к нашему герою не привести здесь еще один яркий проект его творчества, которому может быть и суждено будет осуществиться: заботясь о стопроцентной явке на первомайскую демонстрацию, наш герой рекомендует закрыть на майские дни дом отдыха коллегии защитников, дабы никто не выехал из Москвы в эти дни.

Было бы также несправедливо скрыть от мира имя нашего героя, который давно завоевал право на почтенное место в галерее бюрократов, популяризируемых иногда в печати.

В пункте 1-м его анкеты написано: «Андрей Кузьмич Казаков», место подвигов его — Фрунзенский коллектив защитников в г. Москве.

История плодотворной деятельности Казакова является неплохой иллюстрацией к тому, как президиум МОКЗ разрешает проблему кадров руководящего состава коллегии защитников.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

13/VIII 1934 г. уголовно-судебная коллегия Мосгорсуда приговорила за хищение серебра и золота на 1-й ювелирной серебряной фабрике Метизширпромоуза зав. 1-м цехом Тоскина Н. М. и зав. 2-м цехом Тоскина Б. М. по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы; зам. председателя артели Новикова В. Е. — за хищение серебряного слитка — по закону 7/VIII 1932 г. с применением ст. 51 УК, — к 5 годам лишения свободы; бывшего председателя ревкомиссии Миронова и председателя артели Свирина — по ст. 111 УК — к 1 году и.т. работ и бухгалтера артели Зуйкова — по ст. 111 УК — к 1 году и.т. работ.

25/X 1934 г. Судебная коллегия Верховсуда РСФСР определила приговор суда оставить в отношении всех обвиняемых, за исключением Тоскина Б. М., в силе; обвинение Тоскина Б. М. квалифицировать по ст. 111 УК, соответственно снизив ему меру социальной защиты.

16/I по протесту Прокуратуры Союза ССР президиум Верховсуда РСФСР постановил: определение кассколлегии в отношении Тоскина Николая, Свирина и Морозова отменить и дело в отношении их передать для вторичной проверки кассколлегии в соответствии с протестом Прокуратуры Союза ССР и с участием представителя Прокуратуры Союза ССР.

31/I судебная коллегия Верховсуда РСФСР, вопреки постановлению президиума Верховсуда, без участия представителя Прокуратуры Союза рассматривала дело и отклонила протест прокуратуры.

На это определение в сентябре 1935 г. Прокуратура Союза ССР подала протест в президиум Верховсуда РСФСР, который 25/IX 1935 г. протест Прокуратуры Союза ССР отклонил.

Прокуратура Союза ССР, соглашаясь с приговором суда в отношении обвиняемых: Новикова В. Е. и Зуйкова, опротестовала в остальной части приговор Мосгорсуда и определение судебной коллегии Верховсуда РСФСР по следующим основаниям:

Ни на предварительном, ни на судебном следствии не было доказано хищения серебра со стороны Тоскина Н. М., так как проведенные бухгалтерская и ювелирная экспертизы страдают рядом существенных недочетов.

В основу выводов экспертизы, констатирующей недостачу 60 кг серебра, легли: 1) акт передачи серебряного цеха от старого заведующего Тоскину Н., 2) акт снятия остатков после ареста Тоскина 24/XI 1933 г. и 3) движение серебра по данным бухгалтерии.

Между тем: а) Тоскину Н. следователь не дал (несмотря на его просьбу) возможности участвовать при снятии остатков;

б) акт передачи цеха Тоскину (30/XI 1932 г.) не отражал действительного достоинства переданного Тоскину серебра;

в) из-за плохой постановки учета (именно за это осужден по ст. 111 УК бухгалтер Зуй-

ков) эксперты не имели точного бухгалтерского учета технологических процессов (отходы, угар), а также всех расходных документов.

Это подтверждается таким фактом, как выявление уже по окончании экспертизы, во время судебного следствия трех новых расходных документов, по которым экспертиза снизила недостачу на 6 кг серебра;

г) данные экспертизы о недостаче 60 кг серебра расходятся с данными Мосторга, от которого артель получила серебро и который выдал справку, что на 1/VIII задолженность артели равна 23 кг 198 г;

д) суд точно так же прошел мимо ответа на вопрос суда со стороны эксперта — пробира Федорова, заявившего: «действительно ли на угар во время переплавки обрезков и отходов не был учтен экспертизой, тогда как этот угар в действительности есть». На это заявление, указывающее на поверхность работы экспертизы и опирающееся ее работу, суд не обратил никакого внимания.

Все вышеперечисленные мотивы были изложены в протестах Прокуратуры Союза ССР на определения судебной коллегии Верховсуда РСФСР 25/X 1934 г. и 31/I 1935 г.

Верхсуд РСФСР, не опровергая по существу ни одного положения, выдвинутого Прокуратурой, мотивировал отклонение протеста тем, что 1) у гр. Тоскиных на квартире были обнаружены серебряные и золотые вещи, 2) что МУРом был задержан В. Я. Новиков с украденным в артели слитком серебра весом в 2640 г, 3) показаниями свидетеля рабочего Олянова о том, что угар был учтен и 4) фактом переплавки для Тоскина монетного серебра Новиковым С. Г.

Эта мотивировка является неосновательной по следующим причинам.

Обнаруженные на квартире Тоскиных золотые изделия, как это было установлено на предварительном и судебном следствии, принадлежали фабрике и находились, как это практиковалось и ранее, у Бориса Тоскина, так как вещи он сдавал рано утром, не заходя на работу, в Мосторг. На эти вещи уже была выписана накладная на сдачу их тресту «Самоцвет»; серебряные же вещи являлись личным имуществом Тоскиных, возвращенным по их заявлению (которое легко можно было проверить) органами ОГПУ.

Факт поимки с похищенным серебром Новикова В. Я., бывшего зам. председателя артели, только реабилитирует Тоскина Николая, свидетельствуя о том, что серебро похищал не он, и что недостача серебра может быть объяснена хищениями Новикова В. Я.

Совершенно непонятно, почему судебная коллегия верит показаниям свидетеля рабочего Олянова, а не материалам дела и показаниям эксперта — пробира Федорова.

Факт переплавки для Тоскина монетного серебра Новиковым сам по себе не может уличить Тоскина в хищении серебра, ввиду прав-

доподобности объяснений Тоскина о том, что он имел намерения покрыть слитком серебра возможные недостачи серебра в цехе.

Имея в виду, что для выводов о виновности Тоскина в хищениях нет достаточных оснований, что факт недостачи серебра нуждается в более тщательном расследовании, приговор суда, определение судебной коллегии Верховсуда РСФСР 31/І 1935 г. и постановление президиума Верховсуда РСФСР 25/ІХ 1935 г. подлежали отмене как в отношении Тоскина Н., так и в отношении Свирина и Миронова (вина которых может быть определена лишь при условии установления факта недостачи серебра).

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор Мосгорсуда и все определения Верховсуда РСФСР в отношении Тоскина Н., Свирина и Миронова отменить и дело вернуть в Мосгорсуд для нового рассмотрения со стадии предварительного следствия.

Линсуд Южных ж. д. 31/ХІІ 1935 г. приговорил по п. «а» ч. 1 ст. 56—30 УК УССР к лишению свободы машиниста Масалкина Эразма Антоновича на 2½ г. и его помощника Сухорукова Михаила Петровича на 1½ г.

Транспортная коллегия Верховсуда СССР 20/І приговор линсуда отменила и дело в уголовном порядке прекратила.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии Верховсуда по следующим основаниям:

Транспортная коллегия признала, что Масалкин и Сухоруков, ведя поезд, следили за сигналами, в подтверждение чего в определении имеется ссылка на показания ряда лиц. Однако в действительности эти лица вовсе не показывали того, что им приписывается определением. Так, в определении говорится: «поездная (паровозная) и кондукторская бригады утверждают, что поезд проследовал семафор блокпоста 20 км при зеленом сигнале». В действительности же никто из этих лиц таких показаний не давал. Свидетели — главный кондуктор Капиниченко и ст. кондуктор Гудим — показали, что они не видели, какой был сигнал семафора блокпоста 20 км. Машинист Масалкин объяснил, что он также не видел сигнала семафора блокпоста 20 км, а проследовал блокпост, так как Сухоруков ему заявил, что семафор открыт. Сухоруков же на суде не утверждал, что семафор блокпоста 20 км был открыт и объяснил, что видел зеленый сигнал семафора, но не знает, был ли это семафор блокпоста 20 км или предыдущего блокпоста Минеральные воды, что расположения блокпостов он не знал и Масалкин о 20 км его не предупреждал.

В определении транспортной коллегии указано, что после сигналов остановки, подаваемых Соколовой и др. на ст. Воряная, их заметил Сухоруков и Масалкин, и последний тут же принял меры к остановке.

Между тем, как видно из объяснений самих Масалкина и Сухорукова, никаких сигналов остановки, подаваемых на ст. Водяной, они не заметили.

То обстоятельство, что к делу не приобщен акт 28/ХІ о срыве пломбы блокаппарата на блокпосту 20 км, значения для дела не имеет,

ибо, как видно из показаний ДСП Тихонова и эксперта Литковича, составившего этот акт, срыв пломбы произвел ДСП Тихонов для восстановления действия автоблокировки после проследования поезда № 95 на занятый перегон. Это ДСП Тихонов и обязан был сделать согласно правилам технической эксплуатации. Исправное же состояние автоблокировки 28/ХІ подтверждается имеющимися в деле актом осмотра блокаппарата специальной комиссией и заключением эксперта.

Данными дела достаточно установлена вина машиниста Масалкина и пом. машиниста Сухорукова в том, что, следуя с пассажирским поездом, они не наблюдали за свободностью пути, проехали закрытый семафор блокпоста 20 км, проследовали далее на перегон, вследствие чего у закрытого входного семафора ст. Люботин поезд наехал на стоявший товарный поезд и в результате были повреждены паровоз и три вагона; а также в том, что следовали с пассажирским поездом при наличии на паровозе неисправных приборов, из-за чего происходило парение, при потухших электрофонарях и освещении передней части паровоза только одной керосиновой лампой.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

Линсуд Октябрьской ж. д. 7/ІХ 1935 г. приговорил Донца Дмитрия Яковлевича по п. «д» ст. 162 УК за совершенное им хищение из буфета Балтийского вокзала ст. Ленинград пасс. патефона стоимостью в 2000 руб., 15 пластинок к нему и разных документов к 4 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев дело по кассалобое осужденного, приговор оставила в силе, но, учитывая молодой возраст осужденного, то, что похищение единичное и незначительное и что Донец является работником транспорта, преступление его переквалифицировала на п. «г» ст. 162, снизив ему срок лишения свободы до 2 лет.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям.

После вынесения приговора линсудом Октябрьской ж. д. присутствовавшая на суде гр. Тегердева узнала осужденного, носящего фамилию Донец, указав, что последний не Донец, а Афиногенов, ранее осужденный нарсулом Ораниенбаумского р-на к 5 годам лишения свободы за хищение имущества из военного-морского порта.

На этом основании была произведена проверка, и в результате установлено, что осужденный действительно не Донец, а Афиногенов, ранее неоднократно судившийся, разыскиваемый І Ленингр. сельскохозяйственной ИТРК и Ораниенбаумским румом, совершивший, будучи в бегах, еще целый ряд краж. Этот факт подтвержден также дактилокартой.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: ввиду того, что осужденный Донец ранее судился под фамилией Афиногенова и что он следственными органами

ми разыскивается под этой фамилией за совершенные им другие преступления, — определение транспортной коллегии Верховного суда и приговор лисуды отменить и дело вернуть в тот же лисуд для рассмотрения по совокупности с другими преступлениями, совершенными Афиногеновым (он же Донец).

30/I 1935 г. нарсуд Дзержинского района г. Москвы приговорил по ст. 109 УК Игнатова М. М., зав. магазином № 17 ДРРОП к 3 годам лишения свободы и Просвинова Я. Т. — к 2 годам лишения свободы.

Кассколлегии Мосгорсуда этот приговор утвердила.

Суд признал Игнатова и Просвинова виновными в том, что они, получив в августе 1934 г. 1010 кг мяса для выдачи прикрепленным по спецталонам, часть этого мяса разбазарили. В результате 7 человек, прикрепленных к магазину, мяса не получили. Для того, чтобы не вызывать нареканий со стороны неудовлетворенных мясом потребителей, Игнатов и Просвинов оторвали у них талоны на мясо, обещая выдать мясо в следующем месяце, сделав об этом соответствующие отметки на спецталонах. Однако этого своего обещания они не выполнили.

Кроме того, суд признал Игнатова виновным еще в том, что он недостаточно контролировал лотошника Калачева. Благодаря этому Калачев обвешивал потребителей. Участвуя в составлении зав. палаткой Хрустальевым акта на списание продуктов, Игнатов расписался на этом акте фамилией Прокошин.

Просвинов был признан судом виновным еще в том, что допустил продажу клюквы по повышенной цене (вместо 1 р. 75 к. по 2 руб. за килограмм).

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда в отношении Игнатова и Просвинова по следующим основаниям:

Разбазаривание мяса Игнатовым и Просвиновым ничем по делу не доказано. Из дела видно, что в магазине, где работали Игнатов и Просвинов, не было обнаружено ни недостатка мяса, ни недостатка спецталонных на мясо. Недостаток мясом 7 чел., прикрепленных к магазину, Игнатов и Просвинов объяснили тем, что отпуск мяса магазину, хотя и был произведен по количеству прикрепленных, но без учета полагающейся нормы естественной убыли. Именно благодаря этому и нехватило мяса на всех прикрепленных. Эти объяснения Игнатова и Просвинова проверены не были. Между тем, они имели существенное значение для дела.

Обвинение Просвинова в повышении цен на клюкву также основано на недостаточно проверенных материалах. Акт о продаже клюквы по повышенной цене был составлен в отсутствие Просвинова. По объяснению Просвинова продажа клюквы по повышенной цене имела место по вине продавщицы, так как распоряжения о продаже клюквы по 2 руб. за килограмм вместо 1 р. 75 к. он не дал. Продавщица Житкова, в присутствии которой был составлен акт о продаже клюквы по повышенной цене, не только не была привлечена к ответственности по настоящему делу, но даже не была допрошена об обстоятельствах, при

которых имела место продажа клюквы по повышенной цене.

Что касается участия Игнатова в составлении фиктивного акта на списание продуктов и отсутствия с его стороны контроля за работой лотошника Калачева, то Игнатов за эти действия не должен нести ответственности в уголовном порядке. Из дела видно, что лотошник Калачев допустил к торговле двух подростков, один из которых при отпуске картофеля обвесил потребителя на 650 г. Игнатов никакого отношения к этому случаю не имел. В акте, составленном зав. палаткой Хрустальевым на списание продуктов на 40 рублей, Игнатов действительно расписался фамилией Прокошин. Однако это было сделано им без корыстной цели, так как самый акт на списание продуктов оказался правильным, и Хрустальев, привлеченный к уголовной ответственности вместе с Игнатовым, был по суду оправдан.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

7/I 1936 г. линейный суд Южной ж. д. приговорил стрелочника ст. Кулянский Ходак Сергея Никифоровича по п. «а» ст. 56—30 УК к 2 годам лишения свободы.

16/II транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР отменила указанный приговор и дело прекратила, считая, что Ходак в данном конкретном случае не подлежит уголовной ответственности, а должен быть наказан в административном порядке.

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Стрелочник ст. Кулянский Ходак получил совершенно четкое распоряжение стрелку № 3 перевести на 2-й свободный путь для приема 879 товарного поезда. Ходак по своей халатности перевел стрелку на 3-й занятый пассажирским поездом путь. *

В результате были повреждены: 2 паровоза, 2 платформы и 1 классный вагон.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть ей на второе рассмотрение.

19/IV 1934 г. Винницкий облсуд приговорил зав. лавкой Центроспирта Боборыкина Ивана Павловича по ст. 97 и ч. 2 ст. 104 УК УССР к 8 годам лишения свободы.

Кассколлегии Верховного суда УССР этот приговор утвердила.

Суд признал Боборыкина виновным в том, что он, будучи зав. лавкой Центроспирта, растратил 8166 руб. и, в целях сокрытия этого преступления, симулировал кражу выручки из лавки.

7/VIII 1934 г. по протесту председателя Верховного суда УССР дело Боборыкина было рассмотрено пленумом Верховного суда.

Учитывая, что осужденный Боборыкин был предан суду по закону 7/VIII 1932 г., что суд без достаточных к тому оснований переквалифицировал действия Боборыкина на ст. 97 и

ч. 2 ст. 104 УК и что в отношении Боборыкина, как служившего в Красной армии и ранее несудившегося, возможно применить ст. 46 УК, пленум Верховсуда постановил действия Боборыкина квалифицировать по закону 7/VIII 1932 г., оставив в силе избранную ему судом 1-й инстанции меру наказания в 8 лет лишения свободы.

Не усматривая оснований к опротестованию приговора суда по существу дела Боборыкина, Прокуратура Союза СССР признала, что постановление пленума Верховсуда УССР 7/VIII 1934 г. по этому делу вынесено с нарушением ст. 28 Основ уголовного судопроизводства СССР, так как согласно разъяснению XXXIII пленума Верховсуда Союза от 10/V 1931 г. пленумы верховсудов союзных республик в надзорном порядке не вправе непосредственно увеличивать назначенную судом 1-й инстанции меру наказания.

В данном же случае переквалификация действий осужденного Боборыкина со ст. 97 и ч. 2 ст. 104 УК на закон 7/VIII 1932 г. по сути дела являлась усилением наказания, назначенного Боборыкину судом 1-й инстанции.

По этим основаниям Прокуратура Союза СССР опротестовала постановление пленума Верховсуда УССР.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила постановление Верховсуда УССР 15/VIII 1934 г. отменить и оставить в силе приговор суда 1-й инстанции и определение кассколлегии Верховсуда УССР, утвердившей этот приговор.

**

Приговором нарсуда г. Орска 2/X 1934 г. гр-н Киценко был осужден заочно к 5 годам лишения свободы по ст. 128 и 109 УК, за то, что, будучи зав. нефтескладом, допустил по халатности смешение 15 762 кг бензина 2-го сорта с 21 501 кг керосина; допустил отпуск потребителям керосина, смешанного с лигроном, в результате чего имели место случаи взрыва примусов у потребителей; не упорядочил учет и хранение нефтепродуктов и при-своил 1000 руб.

Приговор, не будучи обжалован ввиду неполучения осужденным копии приговора, вступил в законную силу без его проверки в касс-инстанции.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

Приговор вынесен заочно без достаточных оснований, в нарушение ст. 265 УПК.

На первом судебном заседании по делу Киценко присутствовал. Дело было затем слушанием отложено, на следующие заседания суда Киценко не являлся.

Однако из дела не видно, чтобы повестки Киценко посылались по указанному им адресу. Киценко временно выезжал летом 1934 г. в г. Самару, об этом он сообщил официальным заявлением на имя суда, с просьбой отложить слушание дела до его возвращения.

По приговору суда, Киценко вменяется в вину растрата 1000 руб. Это обвинение по обвинительному заключению Киценко не предъявлялось, появилось оно впервые в судебном приговоре и было квалифицировано судом по

ст. 109 УК, в то время как по обвинительному заключению все остальные обвинения, предъявленные Киценко, были квалифицированы по ст. 128 УК, предусматривающей менее тяжелую меру социальной защиты. Описанными действиями суда была нарушена ст. 313 УПК.

Копия приговора, в нарушение ст. 346 УПК, осужденному не была вручена, чем он был лишен возможности обжаловать приговор в кассационном порядке.

Коллегия по уголовным делам Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор нарсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд со стадии предварительного следствия.

**

20/II 1935 г. нарсуд района имени Орджоникидзе приговорил Осипова М. А., зав. ювелирным магазином Мосторга, по совокупности ст.ст. 126 и 185 УК к 4 годам лишения свободы.

Кассколлегия Верховсуда ССР Грузии приговор утвердила.

Суд признал Осипова виновным в том, что он систематически продавал ювелирные изделия по повышенным ценам. В частности, суд установил, что Осипов повысил цены на поступившие из Москвы изделия с 435 руб. до 495 руб., для чего исправил имеющиеся на этих изделиях ярлыки. Кроме того, Осипов производил продажу ювелирных изделий помимо кассы и благодаря этому также имел возможность повышать цены.

Так, получив за проданные вещи с какого-то крестьянина 100 руб., Осипов сдал в кассу 90 руб. и, лишь когда это было обнаружено, исправил чек на 100 руб.

Таким образом, Осипов допустил повышение цен на ювелирные изделия на 70 руб. Других фактов повышения цен Осиповым в приговоре не содержится.

В то же время суд указал в своем приговоре, что изобличение Осипова в повышении цен имело место в результате ненормальных взаимоотношений Осипова с управляющим Мосторгом Погосовым, возникших вследствие того, что Осипов отказал ему продать через магазин часы без удержания комиссионного вознаграждения. Погосов был этим недоволен и, как пишет в приговоре суд, установил за Осиповым «специальное наблюдение». Таким образом, сам же суд высказал неуверенность в правильности обвинений, выдвинутых против Осипова, и предположение, что эти обвинения были искусственно созданы Погосовым.

Суд вынес также определение о привлечении Погосова к уголовной ответственности за злоупотребления по службе.

По жалобе Осипова его дело было затребовано Прокуратурой Союза ССР в порядке надзора, причем оказалось, что протокол судебного заседания составлен настолько небрежно и непонятно, что не представилось возможным проверить, насколько приговор суда соответствует материалам, добытым на судебном следствии.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда в отношении Осипова.

Президиум Верховного Суда СССР Грузии, рассмотрев протест Прокуратуры Союза СССР, постановил приговор народного суда и определение кассационной коллегии отменить и передать дело на новое рассмотрение.

**

Народный суд Выхсунского района 8/IX 1934 года признал виновным в преступлении, предусмотренном ст. 120 УК и законом 7/VIII 1932 г., уполномоченного по закупке материалов Татторга Мерфогеля Германа и приговорил его к 10 годам лишения свободы.

Тем же приговором начальник 3 склада Выхсунского завода Карев Н. В. по ст. 111 УК был осужден к шести месяцам и. т. работ по месту работы с удержанием 10% из получаемой зарплаты.

Определением судебно-кассационной коллегии Горьковского краевого суда 22/IX 1934 г. приговор народного суда был оставлен в силе.

Прокуратура Союза СССР опротестовала вынесенный народным судом Выхсунского района приговор по следующим основаниям:

Мерфогелю инкриминировано было представление Татторгу в качестве оправдательных документов по полученным им в 1932—1933 гг. авансам четырнадцати подложных счетов на 14681 руб., израсходованных им якобы на оплату погрузки приобретенного на Выхсунском заводе для Татторга железа.

Как на предварительном, так и на судебном следствии Мерфогель категорически утверждал, что расписки эти были ему выданы старшими грузчиками, производившими погрузку железа, Смирновым и Куликовым и что уплата по этим распискам денег заверена была подписью на них начальника 3 склада Выхсунского завода Каревым и соответствующим штампом склада.

Карев и на предварительном и на судебном следствии показал, что счетов он не заверял и что подписи его подложны. Карев высказал предположение, что штамп проставлен был на счетах самим Мерфогелем, воспользовавшимся его временным отсутствием со склада.

По утверждению как Карева, так и других служащих 3 склада Выхсунского завода, грузчиков по фамилии Смирнов и Куликов в 1932—1933 гг. при складе не было и что погрузка железа для Татторга производилась за счет склада.

На предварительном следствии произведена была каллиграфическая экспертиза заподозренных в подложности 14 счетов.

Экспертиза пришла к следующим выводам.

На 7 счетах от имени Куликова заверяющая их подпись «Карев» сделана самим Каревым.

На 7 счетах от имени Смирнова подпись последнего сделана Мерфогелем, а относительно того, как сделана заверяющая их подпись Карева, самим ли Каревым или кем-либо другим, экспертиза дать заключение отказалась.

Несмотря на неполноту произведенной на предварительном следствии экспертизы, народный суд не только отклонил ходатайство защитника Мерфогеля о производстве новой каллиграфической экспертизы, но и не проверил в судебном заседании оспариваемой обвиняемыми экспертизы.

Не выслушав объяснения эксперта на судебном заседании, в то время как обвиняемые категорически возражали против правильности экспертизы, народный суд допустил тем самым грубейшее нарушение норм процесса. В протоколе судебного заседания нет никаких указаний на то, чтобы суд подверг заподозренные в подложности счета всестороннему исследованию или даже обозрению. При таком положении суд не мог сослаться на заключение эксперта, как на доказательство подлога.

Неполнота и неясность экспертизы отразились и на тех выводах, к которым пришел народный суд, относительно виновности каждого из обвиняемых.

Ссылаясь на экспертизу как на доказательство совершенного Мерфогелем подлога счетов, народный суд в то же время при обсуждении вопроса о соучастии в этом преступлении Карева отверг выводы экспертизы о том, что часть подложных расписок заверена была Каревым, так как признал в его действиях наличие только халатности, выразившееся в оставлении без надзора штампа склада, чем дана была возможность Мерфогелю подложно заверить от имени Карева счета.

Неполнота и неясность экспертизы, послужившей основанием к осуждению Мерфогеля по закону 7/VIII, признавалась повидимому и Горьковским краевым судом.

Как видно из приложенной к делу переписки Горьковского краевого суда, все производство по настоящему делу направлялось в управление РКМ Горьковского края для производства повторной экспертизы, но было последним 4/X 1934 г. за № 24 возвращено в крайсуд с указанием, что повторное исследование может быть произведено только консилиумом экспертов или же НТО Главного управления РК милиции.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза СССР, определила приговор народного суда и определение кассационной Горьковского крайсуда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, подвергнув счета исследованию НТО Главного управления милиции НКВД СССР.

16/X 1935 г. Верховный Суд БССР приговорил старшего ассистента 2-й хирургической клиники Белорусского медицинского института д-ра Сегалю Григория Исааковича к двум годам лишения свободы по ст.ст. 196 и 210 УК БССР.

Сегалю была вменена в вину ампутация у большого Климовича вместо подлежащего ампутации оmozоленного 4-го пальца правой ноги — 3-го здорового пальца той же ноги и переделка уже после этой операции истории болезни Климовича с целью сокрытия врачебной ошибки.

И то и другое деяние имели место, но в оценке их уголовно-правового значения, а также социальной опасности д-ра Сегалю Верховный суд допустил ошибку, не учтя ряда существенных моментов.

По первому деянию — т. е. преступной халатности, допущенной при оперировании д-ром Сегалем, Верховный суд не отметил и не оценил в приговоре установленного и на предваритель-

ном и на судебном следствии факта общей неправильной постановки работы во 2-й хирургической клинике, явившейся одной из причин данной хирургической ошибки.

Осмотр больного профессором Соколовским в коридоре, на ходу, назначение операции без точного фиксирования ее содержания в истории болезни, замена ранее назначенного оператора другим перед самой операцией без разъяснения ему сущности последней, все эти моменты не могли не способствовать ошибке д-ра Сегалья.

Смягчающим вину обстоятельством является также и тот установленный экспертной комиссией дирекции клинического городка факт, что у Климовича деформированы и согнуты под углом пальцы обеих стоп. Этот момент в совокупности с первым также способствовал ошибке оператора.

По второму пункту обвинения Верхсуд неправильно признал, что написание новой истории болезни подпадает под ст. 210 УК БССР. Поскольку вышеуказанный акт экспертизы подтвердил факт деформации пальцев обеих стоп больного Климовича, нельзя считать заведомо ложным указание во вновь составленной истории болезни на деформацию и искривление 3-го пальца правой ноги. Поэтому недопустимый факт составления новой истории болезни должно считать тем, что ч. 1 ст. 195 УК БССР называет «службовую правынасьцю», караемой по ст. 213 УК или преследуемой в дисциплинарном порядке.

Кроме того Верхсуд совершенно не учел личности д-ра Сегалья. Как устанавливают представленные им документы и показания свидетелей на суде, д-р Сегаль является настоящим советским врачом-общественником, получившим высшее образование при советской власти, до этого дела член партии и парторг клиники, прекрасный хирург, отзывчиво относившийся к больным.

Поэтому, если и не считать неправильную операцию Климовича «трагической ошибкой» (указание экспертов), а уголовно-наказуемой халатностью, то, учитывая особенность данного случая, отсутствие тяжких последствий (так как отнятие одного пальца на ноге нельзя считать тяжким увечьем) и личность д-ра Сегалья, Прокуратура Союза ССР пришла к заключению, что степень его социальной опасности не требует его изоляции от общества.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Верхсуда по делу Сегалья.

Президиум Верхсуда БССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил снизить меру наказания Сегалью до одного года и.т. работ по месту работы.

Выездная сессия Средневожского крайсуда приговорила гр. Бондаренко Ивана Семеновича по закону 7/VIII 1932 года к 10 годам лишения свободы, с конфискацией части имущества и поражением в правах на 5 лет.

Определением судебной коллегии Верхсуда РСФСР приговор был оставлен в силе с исключением из приговора поражения в правах и конфискация имущества.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор по следующим основаниям:

Бондаренко вменили в вину якобы совершенное им покушение на хищение почтового мешка из Каширинской почтовой конторы, где он работал заведующим канцелярией.

Это обвинение было основано исключительно на показаниях работника той же конторы Павлова, который после пропажи этого мешка из незапертого стола, куда он его якобы положил, обнаружил его на второй день в чулане при почте, заваленном утильбумагой. По соглашению с начальником конторы Павлов вынул оттуда письма и 2274 руб., набил мешок бумагой, опечатал печатью конторы, затем в течение дня следил из соседнего чулана, кто придет забрать этот мешок и якобы поймал здесь Бондаренко, пришедшего за мешком.

Между тем сам Павлов подтвердил, что Бондаренко, обнаружив мешок и зайдя к нему в соседний чулан, заявил: вот, дескать, какое со мной приключение произошло; после этого Бондаренко отнес мешок начальнику конторы, что подтверждают и начальник конторы Самохвалов и Павлов.

При отсутствии других свидетелей поведения Бондаренко, кроме Павлова, явно заинтересованного в прикрытии своей халатности в обращении с ценным мешком (а по словам Бондаренко, имеющим также с ним личные счеты из-за невыдачи лишней продкарточки), у суда не было оснований делать вывод о виновности Бондаренко, а тем более применять к нему закон 7/VIII 1932 г.

Для усиления обвинения суд ссылается на кулацкий характер хозяйства отца Бондаренко, несмотря на то, что в деле имеются данные, опровергающие этот момент и указывающие, что отец Бондаренко не раскулачивался и не лишился избирательных прав, а сам Бондаренко, выделившийся из хозяйства отца еще в 1924 г., с 1927 г. работает по найму.

Указание суда на то, что Бондаренко «одевался и обувался почище почтовых работников, хотя они и больше получали зарплаты», не может являться доказательством того, что Бондаренко виноват в ранее происходивших в конторе хищениях.

На недостаточность материалов для обвинения Бондаренко обратил внимание во время следствия и прокурор г. Оренбурга, направивший дело на доследование. Но и доследование, выяснившее, какие сапоги носили работники почты, нашедшие мешок в чулане, и как глубокий был слой утиля в чулане, — не дало новых улик против Бондаренко.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил отменить приговор крайсуда и определение кассколлегии Верхсуда и дело за недостаточностью собранных улик дальнейшим производством прекратить.

Народный суд 79-го участка Коломенского района Московской области 1—3/VIII 1935 г. приговорил работников совхоза «Пирочи» Лосева В. В. и Ватолкин-Васина М. И. за систематическое хищение общественной (социалистической) собственности, причинившее совхозу убыток в 17 116 р. 98 к. по закону 7/VIII 1932 года к 10 годам лишения свободы каждого.

Тем же приговором осужден был по ст. 100 УК к двум годам лишения свободы зам. стар-

шего бухгалтера совхоза «Перочи» Стерлядкин.

Осужденному Стерлядкину инкриминировано было то, что он, работая с августа 1934 г. в указанной должности, «систематически проводил по бухгалтерской отчетности фиктивные счета Лосева Владимира и Ватолкина, тем самым способствовал им расхищать коопхозные средства, записав на приход по кладовой 960 кг ржаной муки, в то время как такое количество муки в кладовую не поступало; в декабре 1934 г. без документов кладовой он записал на приход 400 кг ржаной муки, в этом же месяце оприходовал по складу без наличия приемных накладных кладовщика 498 кг керосину». Кроме того Стерлядкину вменено в вину, что он «заведомо зная, что счета Лосева Владимира и Ватолкина фиктивные, не ставил об этом в известность дирекцию».

Приговор народного суда был утвержден КК Московского областного суда.

Прокуратура Союза опротестовала вынесенный народным судом в отношении осужденного Стерлядкина приговор по следующим основаниям:

Судебным следствием установлены только три случая неправомерного проведения счетов Стерлядкиным — оприходование не поступивших в кладовую 960 и 400 кг муки и 498 кг керосину.

Стерлядкин как на предварительном, так и на судебном следствии объяснил, что оприходование это произведено было им с ведома старшего бухгалтера совхоза «Перочи» как излишки, выявленные при инвентаризации на 1/1 1935 г. и что указанной бухгалтерской проводкой он не преследовал цели укрытия хищений Лосева и Ватолкина, о которых ему не было известно.

Произведенная на предварительном и на судебном следствии по этому вопросу экспертиза пришла к выводу, что установленные случаи неправильных бухгалтерских проводок со стороны Стерлядкина нельзя рассматривать как систему и что в материалах дела нет достаточных данных для утверждения о корыстной заинтересованности Стерлядкина в этих бухгалтерских проводках.

Народный суд наличие корыстной заинтересованности Стерлядкина устанавливает на основании того, что последний бывал на квартире у осужденного Лосева и брал у него деньги взаймы. Стерлядкин этих фактов не отрицает, утверждая, что в период нужды, вызванной задержкой в выдаче зарплаты, занял у Лосева 30 руб. под расписку.

Факты эти сами по себе не могут служить основанием к выводу о корыстной заинтересованности Стерлядкина, а взятие им незначительной суммы взаймы у Лосева под расписку скорее утверждает обратное.

При таких условиях неправильная, произведенная без надлежащей проверки, проводка муки и керосина должна быть расценена не как злоупотребление Стерлядкина своим служебным положением, а как халатное отношение к служебным обязанностям по ст. 111 УК.

Второе инкриминированное Стерлядкину преступление — принятие им заведомо фиктивных отчетов от Лосева и Ватолкина и неведение об этом до сведения дирекции — находится в

прямом противоречии с находящимися в деле материалами.

Согласно существовавшему в бухгалтерии совхоза «Перочи» распределению обязанностей между работниками бухгалтерии проверка представляемых сотрудниками совхоза отчетов не относилась к обязанностям Стерлядкина. Лишь во время отсутствия старшего бухгалтера им были приняты два отчета Ватолкина. Обнаружив в этих отчетах фиктивные счета, Стерлядкин сейчас же поставил об этом в известность докладными записками директора совхоза и парторга.

Само дело о подлоге документов Ватолкиным было направлено в Прокуратуру дирекцией совхоза на основании информации, сделанной Стерлядкиным.

При таких условиях обвинение Стерлядкина в укрывательстве заведомо фиктивных отчетов решительно ни на чем не обосновано.

Президиум Московского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил преступление Стерлядкина перекалвалифицировать на ст. 111 УК и меру наказания избрать ему 1 год и-т. работ на общих основаниях. Стерлядкина из-под стражи освободить, засчитав ему предварительное заключение согласно ст. 29 УК.

Голдабенко А. И., инженерно-технический инспектор по надзору за паровыми котлами Моршанского участка, в связи с аварией баллона, пущенного в эксплуатацию без разрешения технической инспекции на Богоявленском крахмало-терочном заводе, был осужден к 6 мес. и-т. работ по месту работы с удержанием 15%, за то, что он в течение 3 лет не был на этом заводе и никакого наблюдения за аппаратурой не вел по этому заводу.

На Богоявленском крахмало-терочном заводе в связи с аварией баллона было установлено, что администрацией этого завода был пущен в эксплуатацию воздушный баллон атмосферного давления без разрешения котлонадзора технического инспектора Моршанского участка (инженера Голдабенко).

На основании существующих законоположений о пуске этого рода установок администрация предприятий обязана в установленном порядке поставить в известность технического инспектора по котлонадзору и испросить его разрешение на пуск, а на обязанности технического инспектора по испытанию разрешить вопрос о пуске.

Этого администрация Богоявленского крахмало-терочного завода, несмотря на предупреждения инженера треста Луценко, не сделала и техническому инспектору инженеру Голдабенко об этой установке известно не было. Он о нахождении на том заводе баллона не знал, вследствие чего завод в сфере его надзора не был и не мог быть.

Завод работал периодически осенью два-три месяца.

Все эти обстоятельства судом первой и второй инстанции не были учтены. Кроме того, судом не учтено то обстоятельство, что в сфере надзора Голдабенко было свыше 100 предприятий, зарегистрированных, в установленном порядке и разбросанных на большом расстоянии друг от друга. Это обстоятельство

не давало ему возможности еще искать, а нет ли какого-либо предприятия в его районе, в котором работает аппаратура атмосферного давления без регистрации. Если аппаратура высокого атмосферного давления в том или ином предприятии работает без разрешения технадзора — отвечает администрация, а не технический инспектор по котлонадзору.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил определение кассколлегии Верховного суда 31/V 1935 г. в части Голдабенко отменить и дело передать в коллегии Верховсуда по уголовным делам для нового рассмотрения.

Коллегия по уголовным делам Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор за отсутствием состава преступления в отношении Голдабенко отменить и дело производством прекратить.

10/XII 1934 г. нарсуд Туапсинского района приговорил Осикова Г. П., заведующего производственным отделом Туапсинского отделения Торгсина, по ст. 109 УК и по закону 25/VII 1934 г. к 10 годам лишения свободы и Тарасова И. С., заведующего складом Торгсина, по ст. 109 УК — к 5 годам лишения свободы.

Кассколлегии крайсуда исключила из приговора квалификацию действий осужденного Осикова по закону от 25/VII 1935 г., а осужденному Тарасову снизила меру наказания до двух лет лишения свободы.

Суд признал Осикова виновным в том, что он допустил повышение цен на колбасу, присвоил один мешок муки и плащ и вследствие приемы товаров без качественной проверки и ненадлежащего хранения товаров допустил порчу их, в результате чего Торгсину был причинен убыток в размере 485 руб. золотом.

Прокуратура Союза ССР, считая, что материалами дела виновность Осикова установлена только в присвоении муки и плаща, опротестовала приговор по следующим основаниям:

Из дела видно, что колбаса отпускалась в отсутствие Осикова, а повышение цены на нее произошло ввиду путаницы в сортах, причем к этому Осиков никакого отношения не имел.

Что касается приема товаров без проверки их качества и ненадлежащего хранения товаров, в результате чего Торгсину был причинен убыток в размере 485 руб. золотом, то виновность Осикова в этих действиях также не установлена.

Из дела видно, что по обвинению в совершении этого же преступления был привлечен к уголовной ответственности директор Туапсинского отделения Торгсина Товбин, дело о котором впоследствии было прекращено.

Вместе с тем, суд в своем частном определении признал, что краевая контора Торгсина не уделяла необходимого внимания своему Туапсинскому отделению и допускала систематическую присылку товаров ненадлежащего ассортимента и качества.

Таким образом, причинение убытков Торгсину произошло и по вине краевой конторы.

Назначение Осикову по ст. 109 УК максимального наказания не вытекает из обстоятельств дела и не соответствует тяжести совершенного им преступления.

Президиум Азово-Черноморского крайсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил снизить Осикову меру наказания до 3 лет лишения свободы.

Днепропетровский областной суд 13—14/XII 1932 г. приговорил продавщиц хлебных лавок г. Днепропетровска: 1) Филиппову Марию, 2) Коган Рахиль, 3) Анапольскую Сарру, 4) Штейншнейдер Любовь, 5) Дейч Марию, 6) Ивову Евдокию, 7) Гуревич Розалию, 8) Пренко Евдокию, 9) Ривкину Веру и 10) Жарко Анастасию за систематическое хищение хлеба из хлебных магазинов по закону 7/VIII: Филиппову и Коган к высшей мере наказания — расстрелу, Анапольскую и Штейншнейдер и Дейч к 10 годам лишения свободы, Ивову, Гуревич — к 8 годам, Ривкину и Жарко — к 5 годам лишения свободы каждую.

Определением кассационной коллегии Верховного суда УССР 29/XII 1932 г. высшая мера наказания — расстрел Филипповой и Коган заменен был 10 годами лишения свободы каждой.

Приговор Днепропетровского областного суда в отношении всех поименованных осужденных опротестован был в пленум Верховного суда УССР прокурором Украинской ССР, который считал, что назначенное осужденным наказание, ввиду их несудимости в прошлом, принадлежности к классу трудящихся и незначительности причиненного их действиями ущерба государству, должно быть значительно смягчено.

Постановлением 15/VIII 1934 г. пленум Верховного суда УССР переквалифицировал деяние Дейч, Ивовой, Гуревич, Пренко и Жарко на ст. 97 УК УССР и несудимые определенные им сроки лишения свободы — первым двум до 3 лет, а остальным до 2 лет лишения свободы каждой. В отношении Филипповой, Коган, Анапольской Штейншнейдер и Ривкиной приговор был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала квалификацию совершенных Филипповой, Коган, Анапольской, Штейншнейдер и Ривкиной преступлений по закону 7/VIII по следующим основаниям:

Все они являются трудящимися, в прошлом несудимыми. Хищение хлеба в значительной части носило характер самоснабжения. Все поименованные осужденные имеют малолетних детей.

Материалами дела не установлен размер хищения, совершенного каждой из осужденных, поэтому у именуема Верховного суда УССР не было никаких оснований, переквалифицируя деяние некоторых из осужденных на ст. 97 УК УССР, оставлять в отношении остальных квалификацию их действий по закону от 7/VIII.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила: преступление Филипповой, Коган, Анапольской, Штейншнейдер и Ривкиной переквалифицировать на ст. 97 УК УССР и, учитывая незначительность размера самоснабжения, определенное этим осужденным наказание — 10 лет лишения свободы каждой — снизить до 3 лет лишения свободы и освободить их из-под стражи.

Народный суд г. Тирасполя 17/XII 1934 г. приговорил гр. Чалика И. С. по ч. 2 ст. 58 и ст. 127 УК к 5 годам лишения свободы.

Определением кассационной коллегии главного суда МАССР от 25/I 1935 г. преступление Чалика было переквалифицировано на ч. 1 ст. 58 и ст. 127 УК с оставлением наказания, определенного нарсудом.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор народного суда и кассационное определение по следующим основаниям.

Основанием к возбуждению уголовного преследования против Чалика послужило два сообщения Тираспольского горфо: 1) от 13/VII 1934 г. о том, что гр. Чалик занимается спекуляцией обуви на колхозном рынке г. Тирасполя и что 11/VII 1934 г. был об этом составлен протокол, и у Чалика отобрана была пара новых хромовых туфель и 2) от 9/VII 1934 г. о том, что за Чаликом числится недоимка по подоходному налогу и культсбору за 1930 г. в сумме 2325 р. 50 к. и за 1934 г. в сумме 960 руб., от уплаты которой он злостно уклоняется. В этом же сообщении указывалось, что сотрудник горфо Давидович 19/VI 1934 г. описал у Чалика за недоимку пару сапог хромовых казенного образца.

Во время производства расследования по этому поводу в Тираспольскую гормилицию поступил дополнительный материал, из которого устанавливалось, что 27/VII 1934 г. Чалик пытался на-ходу сесть в поезд без билета, но был задержан, и у него обнаружены были 42 руб. и целый ряд адресов лиц, проживающих в г. Ленинграде.

Как при опросе его в гормилиции, так и на судебном следствии Чалик утверждал, что спекуляцией он не занимался, что в 1930 г. по ап-пели он работал продавцом в ларьках, а после увольнения его вынужден был вынести на продажу принадлежащие ему туфли, с которыми и был задержан. Кроме того, Чалик объяснил, что налогов он не платит, так как не имеет средств, и что он считает обложение его неправильным.

Утверждение Чалика о том, что он работал продавцом в ларьках, подтверждается находящимися в деле справками;

Единичный случай задержания Чалика на рынке с одной парой обуви не может служить доказательством того, что он занимался спекуляцией.

Утверждения финансовых агентов г. Тирасполя о том, что Чалик систематически торговал на рынке обувью, не подтвержденные соответствующими актами (в материалах дела отсутствует даже акт от 11/VII 1934 г., на который ссылается горфо в своем сообщении) и свидетельскими показаниями, вызывают сомнения при наличии находящихся в деле материалов, свидетельствующих о неприязненных отношениях их к Чалику, вызванных распространяемыми последним слухами о взяточничестве финансовых агентов.

Судом не установлено также, имел ли Чалик возможность уплатить числящуюся за ним недоимку по налогу.

Пленум главсуда МАССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор нарсуда и определение уголовной кас-

сационной коллегии главсуда отменить и дело на основании ч. 1 ст. 302 УПК прекратить, освободив немедленно Чалика из-под стражи.

13/II 1935 г. на ст. Красноводск сторожем охраны грузов т. Исаковым Якубом был задержан богажный раздатчик Ташкентского резерва гр-н Мельниченко с мешком сахара-рафинада в тот момент, когда он переносил сахар с помощью багажного раздатчика Климова из багажного вагона 3020 в служебное отделение того же вагона. В момент задержания Климов сбежал, а Мельниченко предложил Исакову взятку в 15 руб., чтобы он об этом никому не говорил.

По сообщению т. Исакова по телефону в О/П НКВД ст. Красноводск Мельниченко был задержан, и на него было заведено уголовное дело.

При задержании Мельниченко сказал, что «сахар» им куплен на берегу моря в Турменской лодке по 3 р. 50 к. за килограмм.

Далее он стал сваливать вину на других, на экспедитора Гусейнова, на багажного раздатчика Старцева и показал, что он сахар купил у Гусейнова вместе с Старцевым через весовщика Жульдженко.

К судебной ответственности были привлечены Мельниченко, Жульдженко и Гусейнов, и приговором линсуда 12/V 1935 г. осуждены по п. «д» ст. 173 УК ТССР к лишению свободы Жульдженко на 2 года условно, Мельниченко на 2 года и Гусейнов на 3 года. Приговор линсуда определенным транспортной коллегии Верховного суда Союза 10/VII 1935 г. № 43/144 был оставлен в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор линсуда и определение транспортной коллегии в отношении Гусейнова по следующим основаниям:

Как на предварительном следствии, так и на суде Гусейнов свою вину отрицал. Гусейнов показал, что 18/II 1935 г. в конце рабочего дня он сдал массу грузов весовщику Жульдженко, в том числе 3 мешка сахара рафинада, при оформлении которого, когда Жульдженко осталось только подписать заявку, он отказался, заявив, что: «мне сейчас некогда возиться с твоими заявками, оставляй все, оформи завтра».

Поэтому три мешка сахара-рафинада были оставлены у Жульдженко в присутствии грузчиков Кучербаева, Расумбаева и др.

Свидетель Расумбаев, Кучербаев и Шукуров, которые присутствовали при сдаче сахара, единогласно подтвердили, что, несмотря на настойчивые требования Гусейнова о принятии сахара и об оформлении документов, Жульдженко категорически от подписи отказался. Старцев, который присутствовал при разговоре о купле и продаже сахара, показывает, что именно Жульдженко от своего имени предлагал Мельниченко купить сахар.

Таким образом, приговор линсуда в части Гусейнова, предусматривающий его виновность в хищении одного мешка сахара на том основании, что Гусейнов якобы использовал неправильную постановку складочных операций в порту и не оформил сдачи сахара на сборную железнодорожную площадку, является

предположением суда, лишенным всяких доказательств.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила, принимая во внимание, что все показания по делу, на основании которых Гусейнов признан виновным и осужден, противоречивы и не устанавливают вины Гусейнова, приговор лисуда и определение транспортной коллегии Верховного Суда СССР в отношении Гусейнова Мирзы Баба отменить и дело о нем прекратить, из-под стражи Гусейнова освободить.

Линейный суд Донецкой дороги 1/1 1936 г. приговорил Бакурова к 3 годам лишения свободы и Бурлакова — к 1 году и-т. работ по месту работы с запрещением работать на железнодорожном транспорте в течение 1 года.

Транспортная коллегия Верховного Суда Союза приговор утвердила.

По приговору преступление Бакурова заключается в том, что он, будучи смотрителем здания ст. Роданово, получил от бригадира рабочих Бурлакова два раза взятку в размере 320 руб.

За это Бакуров разрешил якобы Бурлакову составить преувеличенные наряды на выполненную работу на 2528 руб.

По материалам дела обвинение Бакурова в получении взятки построено на показаниях другого обвиняемого Бурлакова, который совершал приписки в нарядах и в целях ослабления личной вины мог оговорить Бакурова.

Свидетель расценщика Третьякова подтвердила, что Бакуров дал ей указание записывать работу со слов бригадира Бурлакова и что эта бригада зарабатывала в 1½ раза больше других бригад, потому что Бакуров произвольно увеличивал расценки.

Это показание Третьяковой не заслуживает доверия.

Между Бурлаковым, Третьяковой и прорабом Фирсюк мог бытьговор.

Наряды на выполненную работу подписывал Бурлаков, Фирсюк, а Бакуров визировал для оплаты.

Если признать, что эти наряды составлены заведомо неправильно, то становится совершенно непонятным, почему прораб Фирсюк, принимавший работу бригадира Бурлакова и подписавший наряды, не был привлечен по настоящему делу.

Бакуров в кассационной жалобе указывает, что ряд выполненных работ бригадой Бурлакова на 1258 руб. пропущен в нарядах по ошибке прораба Фирсюк и учетчицы Третьяковой. Этот эпизод суд не проверил.

По этим основаниям Прокуратура Союза СССР опротестовала приговор лисуда Донецкой дороги от 1/1 1936 г. и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза СССР, постановила приговор лисуда и определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть в тот же лисуд на вторичное рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Народный суд Василеостровского р-на г. Ленинграда, рассмотрев 10—11/IX 1935 г. дело по обвинению Заболоцкого Якова Ивановича и Грошке Василия Федоровича, приговорил Заболоцкого по ст. 109 УК РСФСР к и.-т. работам сроком на 1 год и Грошке по ч. 2 ст. 112 УК к общественному порицанию.

Кассколлегия Ленинградского областного суда приговор народного суда оставила в силе.

Заболоцкий был признан виновным в самовольной организации мастерской при Ленинградском театре юного зрителя, непроизводительных расходах, незаконном установлении высоких окладов сотрудникам мастерской, сборе оборотных средств у рабочих в сумме 3 тыс. руб. и в присвоении 500 руб. Грошке же был признан соучастником всех перечисленных преступлений, инкриминируемых Заболоцкому.

Прокуратура Союза ССР, считая, что приговор народного суда явно не соответствует материалам, имеющимся в деле, и обвинение, выдвинутое против обоих осужденных, не имеет под собой никаких оснований опротестовала его по следующим основаниям:

Как видно из приказа «ТЮЗ» «а» и показаний директора театра Мокшакова, его заместителя Куроедова и др., мастерская была организована по инициативе и настоянию театра. В деле нет никаких данных считать, что мастерская была организована Заболоцким и Грошке произвольно.

Обвинение Заболоцкого и Грошке в том, что они нанесли ущерб театру в 5335 руб. также является голословным, ибо по делу в достаточной степени доказано, что за 5 месяцев существования мастерской театр получил прибыль в 17 тыс. руб., что же касается назначения высоких окладов отдельным сотрудникам мастерской — к этому выводу можно было бы прийти лишь в том случае, если бы специальная тарифная экспертиза признала эти оклады явно преувеличенными. Таких материалов в деле нет, кроме этого все оклады согласовывались с директором театра и им утверждались.

Собирание денег у рабочих для функционирования мастерской является незаконным, однако, имея в виду, что деньги были рабочим немедленно возвращены, это обстоятельство не может служить поводом к тому, чтобы судить Заболоцкого и Грошке.

Грошке действительно при покупке бертолтовой соли уплатил на 500 руб. меньше, чем им было указано, однако, не установлено, что Грошке этой суммой поделился с Заболоцким.

В целом следует признать, что организация и существование шорной и пистонной мастерских при Театре юного зрителя не соответствуют целевому назначению этого театра, как это показала практика существования подобных организаций в других случаях, вместо кажущегося укрепления театра в действительности приводит к подрыву его культурной деятельности. В первую очередь за это ответственность должны нести руководители театра. Между тем, как это видно из дела, руководители театра не понесли никакой ответственности, а осужден Заболоцкий, в отношении которого не доказано никаких корыстных злоупотреблений, а лишь отдельные незаконные

действия, которые не должны влечь за собой уголовной ответственности.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор нарсуда в отношении Заболоцкого за недостаточностью оснований по делу улик отменить и дело о нем производством прекратить.

Народный суд Сталинского района г. Баку 14/VI 1934 г. признал Ахмедову Зулейку Ашрафкизу виновной в учинении подлогов на 315 р. 80 к. и учинении подделок при приходе и расходовании продуктов питания, в результате чего ею было присвоено продуктов и денег всего—644 р. 40 к. и приговорил ее по ст.ст. 155 и 151 УК АССР к и.-т. работам на 1 год с запрещением занимать ответственные должности, связанные с денежными операциями.

Шукина Екатерина Федоровна тем же приговором была признана виновной в том, что сальто отнеслась к исполнению своих обязанностей, как профуполномоченный визирующая подложные счета и по ст. 144 УК была приговорена к и.-т. работам сроком на 3 мес.

Дело слушалось в кассационном порядке Бакинским горсудом и по протесту Прокуратуры АЗССР—президиумом и пленумом Верховного Суда АЗССР. Во всех этих инстанциях приговор народного суда был оставлен в силе, причем он был изменен лишь в части отчисления от заработной платы осужденных при отбывании наказания.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда и все последующие определения, так как указанными судебными инстанциями были допущены следующие нарушения:

Признав, что Ахмедова учинила ряд подлогов, суд обязан был установить размеры фактических расходов Ахмедовой на нужды детского сада, которым она руководила, и установить фактическую сумму, которую Ахмедова присвоила.

Из материалов дела и из показаний лиц, подавших заявления на Ахмедову, видно, что по этим счетам действительно были понесены расходы на содержание детского сада, и фиктивная сумма по этим счетам является незначительной и не превышает 100—160 руб..

Суд не заинтересовался, при каких условиях возникло дело Ахмедовой и по каким мотивам Ершова, Мамедова и Корнышева, чьи расписки имеются почти на всех так называемых подложных документах в получении продуктов, подали коллективное заявление на Ахмедову.

Между тем, из материалов дела явствует, что эти заявления были инспирированы другими лицами и поданы в результате нездоровых личных взаимоотношений, создавшихся в коллективе детского сада.

Суд обязан был при рассмотрении дела учесть, что Ахмедова по национальности турчанка, общественница, получала за время своей работы много поощрений, а при таких условиях суду надлежало подойти к рассмотрению дела особенно чутко, с полным учетом личности Ахмедовой.

У суда не было никаких данных для осуждения Шукиной, виновной лишь в том, что

она недостаточно ответственно подходила к визированию денежных документов.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор нарсуда и все последующие постановления горсуда и Верховного Суда АЗССР отменить и дело в отношении Ахмедовой прекратить по примечанию к ст. 6 УК АЗССР, а в отношении Шукиной прекратить по ст.ст. 4 и 5 УПК АЗССР.

Приговором нарсуда 1 уч. г. Пензы 14/XI 1935 г. гр. Юнеев Василий Григорьевич, ответственный секретарь Пензенского горсовета союза воинствующих безбожников и директор Пензенского антирелигиозного музея по ч. 2 ст. 116 УК были приговорены к 2 годам лишения свободы.

Определением КК Куйбышевского крайсуда 26/XI п. г. приговор был оставлен в силе.

Юнеев был признан виновным в том, что, будучи в организации СВБ одновременно и распорядителем кредита и кассиром, неправильно израсходовал 461 р. 62 к. (главным образом на свои не утвержденные ниже командировки), не оприходовал полученные от различных организаций 544 р. 30 к. и самовольно взял из кассы СВБ под свою расписку (по случаю кражи у него вещей и белья) 650 р., а также в виде авансов—579 р., Ревизионная комиссия предложила Юнееву уплатить неправильно израсходованные 461 р. 62 к., а остальную сумму—1773 р. 30 к. признала растратой.

Ко дню суда Юнеев покрыл 318 рублей.

Суд признал, на основе ряда свидетельских показаний, что Юнеев «систематически занимался пьянкой и курил папиросы высшего сорта, тогда как на получаемую им зарплату 385 руб. шикарно жить не мог». Однако в деле есть справка милиции о подаче Юнеевым заявления о краже у него, и ряд свидетелей удостоверяет, что предшествующие ревизии не установили у Юнеева растраты. Суд не проверил, когда именно это заявление поступило в милицию.

Утверждение Юнеева о том, что взятие им 650 руб. заимообразно, ввиду кражи, было устно разрешено председателем совета СВБ, также не было проверено ни следователем, ни судом.

Кроме того, по материалам дела у суда не было никаких оснований применять к Юнееву ч. 2 ст. 116.

Он не присвоил особо важных государственных ценностей, а об отсутствии у него «особых полномочий» говорит хотя бы то, что и руководитель горсовета и суд считают, что он не имел права без разрешения руководства даже поехать на 4 дня в Ленинград—изучать музеи.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда 1 уч. г. Пензы и определение КК крайсуда.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила приговор нарсуда и все последующие решения по делу отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

По союзным республикам

РСФСР

Смотр работы общественного актива Калининской облпрокуратуры

Бригада Ленинградской облпрокуратуры в составе пом. облпрокурора т. Слоним, старшего следователя Успенского и соцсовместителя прокурора Московского района г. Ленинграда Нейгофа в порядке взаимопроверки ознакомилась с работой Калининской облпрокуратуры по руководству работой актива, Калининской горпрокуратуры и трех райпрокуратур (Калязинская, Кашинская, Калининская).

В результате взаимопроверки бригада пришла к следующим выводам:

Еще в марте 1935 г. облпрокуратура начала подготовку к смотру общественного актива, объявленному Прокуратурой Республики. В печатных бюллетенях, издаваемых областной прокуратурой, был опубликован ряд материалов о задачах и условиях смотра, мобилизующих райпрокуроров на активизацию сил общественности. В период смотра систематически опубликовывались материалы о работе с активом, приводились положительные и отрицательные факты, имевшие место в районных прокуратурах, и давался инструктивный материал для проработки на местах. Всего в бюллетенях было опубликовано 59 статей и заметок. 5 бюллетеней были полностью посвящены работе актива. Все директивные указания Прокуратуры Республики и областного прокурора нашли также свое отражение в бюллетенях.

Помощники областного прокурора, выезжавшие в районы области, систематически проверяли работу районных прокуроров с активом, отмечая результаты в специальных актах. На производственных совещаниях в секторах облпрокуратуры, кроме прочих вопросов, заслушивались также сообщения райпрокуроров о работе актива.

Прокурорами промышленного сектора, в состав которого входит 16 районов, были проверены 12 районов, доклады почти всех райпрокуроров этих районов были заслушаны на камерных и производственных совещаниях облпрокуратуры.

Льноводно-лесной сектор, в состав которого входит 15 районов, проверил 3 района, кроме

того доклады 6 районов были заслушаны на камерных и производственных совещаниях. Следует отметить, однако, что проверка и заслушивание отчетов райпрокуроров имели место в последние два месяца смотра, и на этих совещаниях отмечалась плохая работа с общественностью.

Несколько хуже обстоит дело с льноводным сектором, в состав которого входит 17 районов и где проверено только 3 района.

По данным 40 районов области проведено 321 кустовых совещаний и 258 групповых совещаний актива. Кроме того, в последние месяцы смотра в 29 районах области были выпущены специальные печатные газеты. В ряде районов были проведены районные конференции общественного актива.

Качество кустовых совещаний, печатных газет и райконференций в ряде случаев желает много лучшего с точки зрения конкретности поставленных на них вопросов, конкретности самих решений и обсуждения методов работы активиста или группы. В качестве примера приведем постановление районной конференции общественного актива Кашинского района от 18/1 1936 г. по докладу райпрокурора «О задачах судебно-прокурорского актива в весенне-посевной кампании», где говорится следующими фразами: «Проследить за своевременностью завоза минеральных удобрений, собы. золы. Проверить, как хранятся семена, всхожесть, очистка семян и т. д.»

В выпущенных районах печатных газет имеют место неправильные установки, пропагандирующие рейдовую работу ГСП (Ново-Карельский район).

Недочеты и ошибочные установки не получили должного реагирования со стороны областной прокуратуры.

Все это не давало возможности во-время исправить допущенные ошибки и предупредить о них другие районы.

Заслуживает безусловно большого внимания работа облпрокуратуры по привлечению к смотру партийных, советских и профсоюзных органов, путем постановки докладов отдельных активистов, ГСП и прокуратур, начиная от сельсоветов и кончая горсоветами и обл. исполкомом.

Во время смотра райпрокуроры ряда районов организовали специальные юридические кружки. В частности были организованы курсы и семинары для общественного актива в г. Калинин, Калязинском и Кашинском рай.

онах, но занятия систематически срывались, программы не было. В Кашинском районе тематического плана не было, и проработка вопросов носила поверхностный характер. Так, например, уголовному праву было уделено только одно занятие, процессуальному закону также одно занятие и т. д. Такая система учебы не может дать нужных теоретических знаний активу.

По г. Калинин созданные семинары (Вагон-завод, фабрика им. Вагжанова) не носили характера семинаров, так как, не говоря уже о том, что не было программ, слушатели к занятиям не готовились и не было твердо закрепленного состава слушателей. Специально созданного кружка или семинара для постоянного состава актива — соцсовместителей и ГСП — нет.

В Калининском районе вообще никакой учебы организовано не было.

Общих данных о составе общественного актива по Калининской области областная прокуратура не имеет. Есть сведения только по 40 районам (из 61). Исходя из этих данных, видно, что численный состав членов ГСП вырос за время конкурса с 5269 чел. до 6889 чел. при росте ГСП с 1285 до 1637.

Рост состава общественного актива по проверенным районам происходил без вовлечения в активную работу всей массы членов ГСП, ранее состоявших в группах. Так, например, в Калезинском районе было создано 8 новых групп, а общее их число достигло 47. При проверке дел каждой группы было обнаружено, что в 34 делах отсутствуют какие-либо данные об активной деятельности группы. Из них по 16 группам, начиная с 1934 г., кроме списка членов ГСП нет ничего. (ГСП при сельсоветах Ипальцевском, Карабузинском, Щека-товском, Целковском и т. д.).

В г. Калинин состав членов ГСП с 407 чел. вырос до 586 чел., а число групп — с 16 до 62. Из крупных предприятиях, как фабрика им. Вагжанова, Вагонозавод и др., организовано до 16 групп на каждом предприятии с количеством членов до 75 чел. Большая часть этих членов ГСП в активную работу не вовлечена. Так, например, на Вагонозаводе из 16 ГСП активно работают только 5 (древободелочный, обрезной, швелерный, новострочный, электросиловой цехи), выросшая до 20 чел. ГСП на крупном предприятии города — швейной фабрике им. Володарского (6000 рабочих) бездействует, а опрошенные из этого числа 5 чел. заявили, что в ГСП не работают и не знают, что они состоят в ГСП.

В Кашинском районе состав общественного актива вырос до 600 чел. и число групп до 121 с охватом 62 сельсоветов, 46 колхозов, 12 совхозов и 9 предприятий и учреждений в городе при значительном снижении результативности работы общественного актива по сравнению с I полугодием 1935 г.

По сводным материалам в 40 районах числятся соцсовместители прокуроров и следователей на I/VII 1935 г. 94 чел. и на I/XII 1935 г. — 131 чел. Однако при проверке данных областной прокуратуры было установлено, что число соцсовместителей в районах Кали-

нинской области в целом (61 район) выражается в количестве 29 чел., причем соцсовместители имеются только в 18 районах, в остальных же районах до сих пор нет соцсовместителей. В частности, как крупнейший недочет, бригада отметила отсутствие по г. Калинин хотя бы одного соцсовместителя при наличии в городе ряда крупнейших предприятий.

В практике работы общественного актива наблюдается смещение организационных форм. Наиболее резко это выражено в г. Калинин, где существует институт общественных обвинителей и общественных следователей. Кроме того на крупнейшем предприятии г. Калинин при фабрике Вагжанова организованы сигнальные посты не из членов ГСП, в задачу которых входит сигнализация в группу содействия о производственных неполадках. Сигнальные посты сообщают о том, что такой-то агрегат не обеспечен прайжей и тому подобное, что не входит в функции ГСП.

Под термином общественных следователей оказались ведомственные расследователи, работающие в торговых организациях.

Кроме того существует бригада по учету и отчетности, в задачу которой входит техническая работа по учету деятельности всего общественного актива.

Все это является искусственным насаждением новых форм.

Наряду с правильными методами работы общественного актива имеют место давно осужденные методы массовых рейдов и обследований по заранее намеченным планам.

В г. Калинин. За время смотра массовые проверки были произведены по следующим объектам: а) проверка ремонта складских зерновых помещений, б) проверка хода ремонта шкод, в) проверка санитарного состояния столовых, качества обедов и т. п., г) проверка ремонта рабочих жилищ, д) проверка 49 хлебных магазинов (одним рейдом), е) проверка осенне-зимних перевозок — 9 объектов и т. д.

В Калезинском и Кашинском районах. Группы содействия прокуратуре произвели массовые проверки по колхозам и сельсоветам состояние семфондов, сельхозинвентаря и т. п. В большинстве случаев эти проверки должного результата не дали.

ГСП Устиновского сельсовета Калезинского района при обследовании недостатков в хранении зерна взяла подписку от председателей колхозов в том, что они обязуются хранить зерно.

ГСП взяла подписку от предколхоза в том, что он обязуется правильно использовать рабочую силу, в ином случае он будет привлечен к судебной ответственности.

Председателю ревкомиссии было предложено представить акт ревизии, и в случае неуправления ему угрожали уголовной ответственностью.

ГСП Семендеевского сельсовета в результате обследования ограничилось составлением акта описи всего имущества колхоза.

ГСП Пепелевского сельсовета занималась советами о вскармливании лошадей сеном и обсуждала вопрос о нормах выработки.

ГСП механического техникума в своем отчете приводит пример оказания скорой медицинской помощи.

Все эти случаи массовых рейдов и обследований были известны районным прокурорам и областной прокуратуре, но с их стороны по этому вопросу не было дано общих разъясняющих особенности функций ГСП на основе этих конкретных ошибок, и это не было сделано, несмотря на то, что даже в специальных районных газетах общественность призывалась к подобным методам работы.

В ряде бюллетеней облпрокуратуры отмечалось большое значение правильной постановки учета работы общественности для обеспечения конкретного и оперативного руководства районами и достижения эффективности работы актива.

Учет работы общественного актива в районных прокуратурах находится в хаотическом состоянии.

По г. Калинин: а) заведены личные дела всего на 70 активистов, но и они не отражают всей их деятельности; б) сведения, отраженные в статистической форме № 1, посылаемые ежемесячно за подписью районного прокурора в облпрокуратуру, резко расходятся с отчетными материалами прокуратуры (по форме № 1 за период смотра до декабря сигналов—98, а по специальному отчету—301; по форме № 1 следственных дел—ни одного, а по специальному отчету—22 и т. п.). При этом сведения как по форме № 1, так и по специальному отчету резко расходятся с фактическими данными; в) установлена множественность и разбросанность учета по книгам, карточкам и личным делам; г) в большом количестве случаев отсутствуют данные о том, куда направлен сигнал активиста и результат его проверки.

По Кашинскому району отсутствуют личные дела, не ведется учета сигналов, весь материал по конкурсу свален в одну кучу.

Из числа проверенных районов только в Калининском сравнительно лучше поставлено дело с реализацией сигналов и сообщением активистам о результатах.

Выезжавшие на места пом. облпрокурора при проверке работы по конкурсу не приняли нужных мер к упорядочению этого важного участка работы.

По данным специального отчета на 1/II 1936 г., представленным горпрокурором г. Калинина, общественным активом за время конкурса было дано 424 сигнала, самостоятельно расследовано дел 23, рассмотрено надзорных дел 312 и по ним принесено 14 протестов, проверено жалоб и газетных заметок 825, выступлений в судах—241.

Проверкой, произведенной бригадой, по материалам, имеющимся в прокуратуре, установлено, что сигналов получено 237, самостоятельно расследовано активистом только 1 дело, а остальные дела—ведомственными расследованиями Калининторга (о растратах в торговой сети), указанные 312 дел были рассмотрены в порядке изучения и не активом ГСП, а юрисконсультами, проверено жалоб и газетных заметок фактически 583, выступлений в судах—90, а не 241, как указано.

Подобные же расхождения между специальным отчетом и фактическими результатами работы общественного актива имеются по Калининскому району в части расследования дел.

По отчету значится, что активист Беляев (инструктор райпотребсоюза) самостоятельно расследовал 25 дел, тогда как фактически им расследовано за время смотра только 4 дела.

Однако, несмотря на эти резкие расхождения в работе данных прокуратур, наблюдается подъем по сравнению с результатами I полугодия.

Кашинский район, проведя большую организационную работу (совещания, доклады, выпуск газет, фотоальбомы и т. д.), дал снижение показателей работы общественного актива причем и здесь имеет место расхождение в данных представленного отчета по состоянию на 1/IX 1935 г. по сигналам (31) с фактическим количеством сигналов за время конкурса (всего 4).

По Калининскому району по заявлению самого райпрокурора работы по конкурсу не велось.

Общие результаты работы общественного актива за время в целом по области бригадой анализированы по данным отчетности, ежемесячно представленной в Прокуратуру РСФСР.

Сравнивая II полугодие 1935 г. с I полугодием, мы имеем следующие данные:

Произведено целев. обл. и проверок сельсовета ГСП	Самостоятельн. рассматр. надз. дел	Число след. дел с участ. общ.	Рассмотрен. жал. сельсоветов	Дано сигналов			Вист. с общ.
				Всего	Из них реализован.	Возб. угол. дел	
I полугодие 207 895 . . .	75	229	563	1 134	875	443	295
II . . . 268 885 . . .	166	232	551	2 046	1 576	541	235

По данным этой отчетности видно, что значительно резко возросло только количество сигналов, но попутно снизился процент возбужденных уголовных дел. Имеется также увеличение количества рассмотренных надзорных дел. Однако абсолютная цифра надзорных дел для Калининской области чрезвычайно

мизерна. По остальным объектам имеется стабильное положение или даже снижение.

Кроме того из тех же данных, представленных в Прокуратуру РСФСР, видно, что большое количество районов (38) крайне плохо работало с общественным активом, причем 13 из них вообще никакой работы не вели (Лес-

ной, Купалинский, Молоковский, Куньинский, Кашенский и др.).

Сравнительно хорошие показатели дают следующие 9 районов: Октябрьский, Краснохолмский, Калязинский, Удомельский, Овинищенский, Калинин, Кимрский, Ленинский, Осташковский.

Остальные районы дают посредственные показатели.

Крупная растрата в Рыбновском райфо

Старший бухгалтер Рыбновского районного финансового отдела Королев 7/VIII 1931 г. подал председателю Рыбновского райисполкома пространную докладную записку, в которой указал, что... «Кредитами районного бюджета распоряжаются все члены президиума рика, тогда как на основании положения о местных финансах, распределителем кредита являются только предрика и его заместитель...» «На 90% расходы производятся без контроля бухгалтера. Состояние финансово-налоговой работы неудовлетворительное, имеет место внешняя суэта, показная деловитость, бессистемные и бесцельные разъезды по району».

Докладная записка была написана Королевым в строго деловом тоне и только в самом конце он обращал внимание предрика на то, что «бухгалтеру надо создать обстановку в работе, как ответственному работнику, удовлетворить его ответственным пайком, иначе всякую ответственность с себя слагаю».

Записка, как мы убедимся дальше, имела исключительный успех. Правда, многое из того, о чем писал Королев и что действительно имело место, продолжалось и после подачи записки, а именно: показная деловитость, бессистемность в работе, отсутствие контроля, чиновнобюрократическое отношение некоторых работников рика и райфо к работе. Но это для Королева было не злом, а... благом. Коренным образом изменилось только отношение предрика и других работников к Королеву. Авторитет последнего поднят ими был на недостижимую высоту. До января 1936 г. он был вне всяких подозрений, его слова для председателя рика Андреева, зав. райфо — Борового, а позже Каюкова было неспрошенным законом. Королев значился в числе ответспециалистов, пользовался ответпайком. Распорядителем кредитов райисполкома и его отделов фактически был Королев. Роль предрика Андреева и зав. райфо была сведена в финансовых вопросах к нулю. Они подписывали Королеву незаполненные чеки-ассигновки, предоставляли ему право получать в любое время в Госбанке потребную для него сумму денег и никогда не проверяли, куда направлялись Королевым полученные им денежные суммы. До дня подачи вышеприведенной докладной записки, создавшей ему недостижимый авторитет, Королев успел присвоить свыше 10 000 руб. государственных средств (за 1930 г. 670 руб. и за 1931 г. 9447 руб.). В последующее время, вплоть до конца 1935 г., аппетиты Королева прогрессивно росли благодаря безграничному доверию руководителей рика и зав. райфо, отсутствию контроля с их стороны за его работой, за правильным расходованием бюджетных средств. В итоге в 1932 г. Королев присвоил

19 965 руб., в 1933 г. — 15 335 руб., в 1934 г. — 19 024 руб., в 1935 г. — 25 594 руб. Всего этот наглый враг изъяти из районного бюджета и присвоил 85 884 р. 41 к.

В своих показаниях 29/III 1936 г. народному следователю Королев дал следующее объяснение: «При присвоении денег никакой тайны не соблюдалось, составлялись первичные документы и руководителями подписывались чистые бланки чеков, и если бы они не занимались коммванством, систематически проверяли работу и людей. Заглядывали бы на бытовую сторону жизни, мое преступление было бы обнаружено еще в 1931 г.... и дальше... «При наличии бесконтрольного состояния кредитов руководители отделов не интересовались своими кредитами, штамповали отчетные материалы, не сверяя их с действительным положением дел...». Так на самом деле и было. Королев совершил преступления, вследствие отсутствия бдительности и контроля со стороны руководителей Рыбновского райисполкома и отделов рика.

Метод, которым пользовался для своих преступлений в течение ряда лет Королев, был прост. На первичном документе он получал разрешение распорядителей кредитов на безналичное перечисление потребной суммы с того или иного счета отдела рика для определенных целей, предусмотренных бюджетом, и одновременно, а иногда несколько позже давал на подпись распорядителю кредитов незаполненный предьявительский чек-ассигновку, в котором проставлял лишь сумму без указания в тексте цели расхода. Этот «голый» чек подписывался распорядителем кредита, позже Королев вносил в текст нужные ему сведения, причем, как правило, указывал в тексте расходы не предусмотренные бюджетом, получал в банке деньги и присваивал их.

По первичным документам, изъятых в райфо народным следователем, видно, что растраченные суммы значатся перечисленными и израсходованными на мероприятия: по району — 56 271 руб., райздраву — 3292 руб. и т. д. Всего 85 884 руб.

По текстам же чеков, изъятых в Госбанке, деньги, по которым присвоены Королевым, значатся полученными на мероприятия, бюджетом не предусмотренные: командировки уполном. МК ВКП(б) — 25 750 руб., командировки на дровозаготовки — 13 567 руб., командировки райфо — 9333 руб., командировки по хозяйполиткам — 3492 руб., чистка парторганизаций — 1435 руб. и т. д. Всего 85 884 руб.

Эти чеки подписали: предрика Андреев на 49 451 руб., его заместитель — Некрасов на 1102 руб., Сурков на 7440 руб., Светлов на 5625 руб., зав. райфо Боровой и Каюков на 6000 руб. с лишним. Всего было подписано 73 чека. Столь же безответственно отнеслись и работники отделения Госбанка. Они принимали к оплате чеки, содержание (текст) коих противоречил правилам расходования бюджетных средств. Преступление Королева продолжалось ряд лет. За это время было несколько ревизий-обследований райфо, в частности Мособлфо за 3 последних года ревизовала 3 раза Рыбновское райфо. В 1934 г. ревизоры облфо сидели в районе 3 дня, а в 1935 г. — 12 дней, но вследствие формально бюрократических методов обследования преступления

Королева до последнего времени не были вскрыты.

29/XII 1935 г. Королев был пойман с фиктивным чеком на 750 р. Из Мособлфо приехал ревизор-инспектор гр. Карлик, который установил, что Королев действительно выписал фиктивный чек на 750 руб., т. е. установил то, что было установлено до него. Всех преступлений, совершенных Королевым за прошлое время и на этот раз, ревизор Мособлфо не обнаружил, и только благодаря энергичной деятельности следственных властей, особенно районного прокурора т. Овчинникова, организовавшего глубокую проверку денежных документов и в райфо и в банке, была вскрыта преступная деятельность Королева. Королев арестован и будет предан суду по закону 7/VIII 1932 г.

Прав, конечно, Королев, заявивший при допросе следователю, что преступление его можно было вскрыть раньше, если бы руководители учреждений интересовались бытом своих работников.

Следственные материалы рисуют быт Королева в следующем виде: он заключил договор с правлением 2-го Кузинского колхоза, по которому каждый выходной день Королеву подавался рысак и отвозил его из райцентра в село, где он проживал. За это Королев платил правлению колхоза 100 руб. в месяц. Всего он уплатил колхозу 2360 руб.

Продавец Мосторга Комаров А. М. показал, что Королев каждый месяц забирал товаров не менее чем на 300 руб., на такую же сумму он набирал товары и в другом магазине Мосторга № 5. Целый ряд опрошенных людей показали, что Королев жил очень широко.

Имущество Королева, описанное народным следователем, было оценено в 43 000 руб. Приходится просто удивляться, как это в течение 5—6 лет крупный преступник безнаказанно орудовал и не был пойман.

Президиум Мособлсисполкома 10/IV 1935 г. специально обсуждал по докладу прокурора Московской области рыбновское дел и о недопустимой роли руководителей района — работников райисполкома и Мособлфо.

Президиум Мособлсисполкома наложил на виновных строгое взыскание и отметил исключительную важность этого дела, поручив организовать показательный процесс с выездом в район.

Постановление президиума Мособлсисполкома является еще одним предупреждением работникам президиума и руководителям отделов о недопустимости ослабления контроля за работой аппарата, за правильностью расходования денежных средств.

Враг хорошо использует в преступных целях безответственное отношение к делу руководителей. Только действительный контроль и большевистская бдительность являются самым лучшим оружием против Королева и ему подобных.

Медведев

Оперативное прокурорское совещание в Курской области

Курская областная прокуратура провела широкое оперативное совещание районных прокуроров области.

На совещании были обсуждены следующие вопросы: о мероприятиях по борьбе с противодействиями развитию стахановского движения, об участии прокуратуры в борьбе за успешную подготовку к весеннему севу, о мероприятиях по усилению надзора за законностью действий органов власти и др.

Внимание работников прокуратуры на этом совещании было мобилизовано на осуществление важнейших политических задач, поставленных партией и правительством.

Совещание приняло весьма подробную резолюцию по вопросу о мероприятиях по борьбе с противодействием развитию стахановского движения.

Совещание правильно подчеркнуло необходимость решительной борьбы с теми, кто пытается использовать отсталость несознательной части рабочих для дискредитации стахановского движения и кто саботирует стахановские методы в работе, умышленно создавая технические и организационные трудности для поднятия производительности труда.

В то же время указание в резолюции, что нельзя допускать необоснованного привлечения к уголовной ответственности тех, кто «по несознательности высказывается против стахановских методов труда и отдельных стахановцев», может создать у райпрокуроров неясное представление о нашей политике по борьбе с противодействием стахановскому движению.

Отдельные райпрокуроры могут принять такое указание как необходимость проявления благодушного отношения к случаям подрыва доверия к стахановцам и дискредитации их перед общественностью и т. д.

Резолюция совещания не фиксирует также внимания райпрокуроров на борьбу с распространением всякого рода клеветнических слухов, касающихся производственных и бытовых моментов жизни стахановцев.

Совещание установило декадный срок для проведения следствия по делам, связанным со стахановским движением, и обязало прокурор участвовать в подготовительных заседаниях суда и в судебных заседаниях. Хотя в резолюции и содержится глухое указание на необходимость работать с активом на предприятиях, однако в ней не нашла отражения директива Прокуратуры Союза о необходимости развернуть широко профилактическую работу, точно так же, как не указаны конкретные формы этой работы, так, например, надзор за деятельностью производственно-товарно-шеских судов и т. д.

По вопросу о посевной кампании совещание обязало прокуроров уделять этому участку работы основное свое внимание, обеспечив быстрые сроки расследования по всем делам, связанным с посевной кампанией, а также участие прокурора в судебных заседаниях и при рассмотрении дел в кассационном порядке.

Особое внимание уделяется необходимости вести борьбу с нарушением колхозного устава, а также нарушением советской колхозной демократии.

В резолюции находит отражение директива партии и правительства о борьбе со скрытой и явной арендой земли.

Прокурорам предложено установить строгий надзор в этой области и вести решительную

борьбу со всякими попытками сдачи земли в аренду.

Вся работа прокуратуры должна представлять собою действительное содействие местным органам в их борьбе за успешное проведение весенней посевной кампании.

В соответствии с указанием Прокуратуры Союза совещание предложило райпрокурорам, учитывая нынешнюю обстановку, характеризующуюся ростом материального благосостояния и культурного уровня масс, громадным подъемом трудового энтузиазма колхозников, допускать ни одного случая необоснованного привлечения к уголовной ответственности и широко развернуть профилактическую и общественно-массовую работу по предупреждению преступлений.

Наряду с развертыванием массовой работы необходимо так поставить следствие по делам, связанным с посевной, чтобы по возбужденным уже уголовным делам иметь полную возможность исправлять в процессе следствия ошибки, не допуская необоснованного предания суду.

Лодырь, нарушитель трудовой дисциплины, тот, кто противодействует стахановскому движению в сельском хозяйстве, должен встретить явный решительный отпор со стороны органов прокуратуры.

Резолюция не фиксирует внимания на необходимость ликвидировать дебиторскую задолженность в колхозах как весьма важную предпосылку организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

По вопросу об усилении надзора за законностью совещание констатировало неудовлетворительную работу многих прокуроров.

Необходимо указать, что совещание в порядке самокритики не указало на ошибки самой областной прокуратуры в этой области.

выразившиеся хотя бы в совершенно неудовлетворительной работе по надзору за выполнением постановлений ЦК и правительства о ликвидации задолженности учительству.

Опротестованием незаконных постановлений не исчерпывается весь круг нарушений, которые допускаются в Курской области. Однако прокуроры не следят даже за прохождением такого недостаточного количества протестов и не привлекают нарушителей законов к ответственности. В 40% случаев судьба протестов неизвестна.

Сроки прохождения жалоб явно неудовлетворительны.

Не практикуется личный прием жалоб.

Как это видно из резолюции совещания, директивы Прокуратуры Союза об усилении надзора за законностью не выполняются.

Совещание постановило вести проверку состояния революционной законности в сельсоветах. При выполнении этого указания необходимо следить, чтобы проверка не приняла характера выполнения прокуратурой несвойственных ей функций.

Совещание постановило организовать специальный учет деятельности прокуроров по общему надзору и показ лучших образцов работы и с 15/III развернуть в области соревнования на лучшую постановку работы по общему надзору.

Как на серьезное мероприятие, следует указать на решение кодифицировать все действующие обязательные постановления в районах и области. Если такая кодификация ограничится только сведением воедино этих постановлений, это будет серьезная помощь районным прокурорам и местным органам советской власти в их работе.

Рахунов

Трасс-процесс-судостройство в капиталистических странах

УГОЛОВНЫЙ СУД И УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС В ЭСТОНИИ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Организация уголовного суда в Эстонии определяется конституцией 1919 г. и уголовно-процессуальным кодексом 1935 г.

Уголовный суд организован в следующем виде: 1) участковый суд (судья единолично); 2) суд коллегияльный (окружный, судебная палата и верховный). Как участковый, так и коллегияльный суд состоит из постоянных судей. Коллегияльный суд действует в составе трех членов. Судов с присяжными заседателями не существует, несмотря на то, что по ст. 73 конституции такие суды должны были быть учреждены для отдельных категорий дел. Суды являются общими и специальными. К специальным следует отнести: военные суды (полковые, окружные и полевые).

2. ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ И УВОЛЬНЕНИЯ СУДЕЙ

Судей может быть только мужчина. Кандидат в судьи должен обладать законченным юридическим образованием. Ст. 70 конституции устанавливает выборность судей, но выборное начало до настоящего времени ни разу не применялось. Пользуясь своим правом утверждать избранных в члены верховного суда (ст. 69 конституции), староста государства (президент республики) распространил свое право назначать судей и увольнять их во всех судебных местах. Верховному суду принадлежит право рекомендовать кандидатов (по два на каждую судебскую должность), а староста государства назначает по своему усмотрению одного из двух кандидатов.

3. УЧАСТКОВЫЙ СУД

Участковому суду подсудны не только дела о мелких преступлениях, но и весьма серьезные дела (конокрадство, грабеж — ст.ст. 27 УК и 548—552 УПК), по которым обвиняемому угрожает наказание до 6 лет тяжкого тюремного заключения. Вообще из 574 статей особенной части УК Эстонии дела по преступлениям, предусмотренным 346 статьями УК, подсудны участковому суду. Определяя меру наказания более чем 1 год лишения свободы, участковый суд вправе запретить осужденному работать на государственной или муниципальной службе и занятие своей профессией (ст.ст. 19 и 20 УК).

Приговор участкового суда может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке. Апелляционной инстанцией является для участкового суда — окружной суд, а кассационной инстанцией — Верховный суд.

4. ОКРУЖНЫЙ СУД

Окружной суд в качестве суда первой инстанции рассматривает изъятые из подсудности участковому суду дела и вправе применять смертную казнь (за отцеубийство, за убийство, совершенное группой лиц, за повторное убийство).

В качестве суда второй инстанции окружной суд является апелляционным судом для участковых судов.

5. СУДЕБНАЯ ПАЛАТА

Судебная палата в качестве суда первой инстанции рассматривает дела о должностных преступлениях судей окружного суда, участковых судей, прокуроров и помощников прокурора окружного суда (ст. 29 УПК). В качестве суда второй инстанции судебная палата является судом апелляционным для окружных судов.

6. ВЕРХОВНЫЙ СУД

Верховный суд (местопребывание — г. Таллин) имеет два отделения — уголовное и гражданское. Каждое отделение действует в составе трех постоянных членов. В качестве суда первой инстанции Верховному суду подсудны дела о должностных преступлениях государственного старосты, министров и высших судебных и прокурорских чинов.

Приговоры и постановления Верховного суда никому обжалованию не подлежат (ст. 656 УПК).

7. ВОЕННЫЕ СУДЫ

Военно-окружной суд равнозначен окружному, а полковой — участковому (ст. 42 УПК). Кроме них действуют еще военно-полевые суды, конструируемые по приказу военного министра.

8. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Право возбуждения уголовного преследования принадлежит прокуратуре, суду и полиции. Предварительное расследование имеет две формы: 1) дознание и 2) предварительное

следствие. Полиция вправе приступить к производству дознания как по своей инициативе, так и по поручению прокуратуры и суда. По делам, подсудным участковому суду, полиция является единственным органом расследования. По неподсудным участковому суду делам полиция в течение 24 час. обязана сообщить прокурору о событии преступления (ст. 53 УПК). Предварительное следствие производится судебным следователем. Судебный следователь вправе поручить отдельные следственные действия полиции и ведет предварительное следствие под наблюдением прокурора (ст. 74 УПК). Судебный следователь приступает к предварительному следствию по предложению прокурора или на основании материалов произведенного полицией дознания (ст. 75 УПК).

Подозреваемый, обвиняемый, частный обвинитель и гражданский истец имеют право заявить отвод судебному следователю, по тем же основаниям, по которым может быть заявлен отвод судье (ст. 94 УПК). Разрешение вопроса об отводе судебного следователя входит в компетенцию окружного суда. В случае привлечения экспертизы к участию в предварительном следствии эксперты не вправе требовать ознакомления с делом и не вправе задавать вопросы обвиняемому так же, как и обвиняемый не вправе задавать вопросы экспертам (ст. 95 УПК).

Защита допускается после предъявления обвинения, но если обвиняемый находится под стражей, то защитник может объясниться со своим подзащитным только в присутствии судебного следователя или лица, которому судебный следователь поручит присутствовать при беседе (например, начальник тюрьмы — ст. 220 УПК).

Судебный следователь вправе произвести у защитника выемку документов, переданных обвиняемым своему защитнику, если судебный следователь находит эти документы существенными для дела (ст. 160 УПК).

9. ПРЕДАНИЕ СУДУ

Обвинительный акт составляется прокурором, которому судебный следователь по окончании предварительного следствия направляет дело (ст. 266 УПК).

Копия обвинительного акта вручается обвиняемому, который в течение 7 дней имеет право представить в судебную палату свои возражения (ст. 321 УПК). Возражения могут быть принесены только в пределах следующих оснований: а) по неподсудности дела окружному суду, б) по отсутствию состава преступления в вменяемых в вину деяниях, в) по мотивам незаконности возбуждения уголовного дела (ст. 342 УПК).

Одновременно с возражениями должен быть внесен залог в 20 крон. В случае оставления возражения без последствий залог возврату не подлежит (ст. 343 УПК). Постановления судебной палаты по этим возражениям являются окончательными для обвиняемых, но могут быть обжалованы прокурором в Верховный суд (ст. 333 УПК).

По получении дела из судебной палаты председатель уголовного отделения окружного суда направляет дело в распорядительное

сдание только в случаях, если дело не под- судно окружному суду (ст. 336 УПК).

До установления фашистской диктатуры председатель уголовного отделения назначал каждому бесплатного защитника, а после фа- шистского переворота правило это действует только в отношении содержащихся под стражей и несовершеннолетних от 12 до 18 лет (ст. 352 УПК).

10. СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Судебным следствием руководит председа- тель. Участие прокурора не является обяза- тельным. Участие в деле прокурора не делает обязательным участие в деле и защиты (ст. 383 УПК). Молодежь до 17 лет и учащиеся до 20 лет не имеют права присутствовать в судебном заседании. Председатель вправе распорядиться об удалении из зала судебного заседания всех граждан от 17 до 20 лет, без всякой мотивировки (ст. 411 УПК). По моти- вам поддержания уважения к государственной власти всякое дело может быть заслушано при закрытых дверях (ст. 413 УПК). Эти мероприя- тия имеют целью воспрепятствовать присут- ствию революционеров и антифашистов в зале судебного заседания.

Во время допроса свидетелей суд вправе оглашать их показания на дознании и предва- рительном следствии только в том случае, если свидетели заявят о том, что содержание по- казаний ими забыто (ст. 422 УПК). Этим поль- зуется эстонская охранка (Капо) для того, что- бы их чиновники были немедленно отпущены из зала судебного заседания, так как обви- няемый не вправе задавать свидетелям вопро- сы в случае оглашения показаний.

Свидетель военнослужащий может явиться в суд только с разрешения своего начальства (ст. 441 УПК). Таким способом фашистская диктатура избавляется от нежелательной кри- тики свидетельских показаний и устраняет военнослужащих от «вредного влияния судеб- ной обстановки».

Члены суда могут задавать вопросы обви- няемому, свидетелю и эксперту только с раз- рещения председательствующего (ст.ст. 456 и 488 УПК).

11. ОБЖАЛОВАНИЕ И РАССМОТРЕНИЕ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ И КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

При рассмотрении дела в апелляционном по- рядке в окружном суде участие прокурора не-

обязательно. Из особенностей апелляционного рассмотрения следует отметить право сторон и свидетелей ходатайствовать только об испра- влении протокола судебного заседания, но не о дополнении его (ст. 826 УПК). При рассмо- трении дел в апелляционном порядке апелля- ционная инстанция утверждает приговор или изменяет его в пределах жалобы осужденного (ст. 611 УПК). Частный обвинитель при апелля- ционной жалобе должен внести залог 20 крон, который не подлежит возврату в случае оста- вления апелляционной жалобы без послед- ствий.

Кассационная жалоба должна сопровождать- ся залогом 50 крон, которые не подлежат воз- врату в случае оставления жалобы без послед- ствий (ст. 631 УПК). Кассационная жалоба мо- жет быть подана только в том случае, если в свое время подавалась жалоба апелляционная (ст. 862 УПК). Предметом кассационной жалобы может быть только нарушение процессуаль- ных прав (ст. 846 УПК). Верховный суд, отменяя при- говор, обращает дело к новому рассмотрению в судебную палату в другом составе. Если при кассационном рассмотрении выявятся но- вые обстоятельства, то наказание может быть повышено (ст. 654 УПК).

Если приговор дважды был отменен Верхов- ым, то судебная палата, выявив новые обстоя- тельства, изменяющие содержание обвинения, вправе повысить наказание (ст. 654 УПК).

12. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ВОЕН- НЫХ СУДАХ

Порядок рассмотрения дел в военно-полевых судах следующий: в течение 24 час. дело дол- жно быть расследовано, рассмотрено, а приго- вор приведен в исполнение. Обвинительный акт не составляется, протоколов судебного за- седания не ведется, стороны в деле не уча- ствуют. Приговор обжалованию не подлежит.

Полковые и военно-окружные суды действу- ют на основе УПК со следующими изъятиями: приговор военно-окружного суда не может быть обжалован в апелляционном порядке. В кассационном порядке приговор военного суда может быть обжалован только с разрешения военного министра, который такое разрешение дал в виде исключения в нескольких единич- ных случаях. Следовательно, фактически кас- сационного обжалования не существует.

Такова судебная система и уголовный про- цесс в фашистской Эстонии

И. Саппа

В институте уголовной политики

По криминалистическим журналам

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРУППЫ КРОВИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Определение группы крови может явиться важным доказательством как в гражданских, так и в уголовных делах. При этом надо иметь в виду, что поскольку количество людей, принадлежащих к каждой группе крови, очень велико, установление группы крови не может служить доказательством, что эта кровь принадлежит именно данному человеку, а только может служить доказательством исключения, т. е. что исследованная кровь не принадлежит данному человеку или что данный человек не может являться отцом этого ребенка, потому что их группы крови разные.

В основу определения групп крови положены две теории: теория наличия групп крови и теория их наследования. Под группой крови подразумевается свойство сыворотки крови одного человека вызывать особую реакцию в крови другого, если они принадлежат к разным группам.

Если они принадлежат к одной группе, реакции (склеивание эритроцитов) не происходит. На основании этого установлены четыре группы крови, обозначаемые буквами А, В, АВ, О.

Установлено также, что каждый человек принадлежит к какой-нибудь из четырех групп, что принадлежность к определенной группе крови сохраняется в течение всей жизни и что группы крови наследуются по определенным законам.

Одним из основных принципов теории групп крови следует считать утверждение, что принадлежность к определенной группе крови является неизменной и характерной для определенного человека. После своего образования присущие группе крови свойства не меняются ни от времени, ни от болезней.

В результате исследования этого вопроса в последнее время в крови обнаружено еще два новых свойства, так называемых «эт» и «эн», они имеются в крови всех людей или порознь или совместно и таким образом дают еще три комбинации «эт», «эн» и «эт-эн». Наследование этих свойств подчиняется также определенному закону.

Таким образом можно сделать вывод, что существуют еще некоторые групповые свойства крови, которые еще сейчас недостаточно изучены.

Нужно также отметить, что сама техника определения группы крови чрезвычайно сложна, требует большого опыта и знаний и может поэтому производиться только в определенных условиях и достаточно опытными работниками.

Кроме алиментных дел, где исследование крови может иметь применение, определение

групп крови применимо и при расследовании убийств и нанесений ран и повреждений. Иногда определение группы крови может подтвердить показания подозреваемого и опровергнуть показания свидетеля, указывающего на подозреваемого, как на виновника преступления.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБОЛОЧКИ ПУЛИ

В тех случаях, когда сама пуля отсутствует, но нужно установить, из какого металла была оболочка пули, необходимо привлечь химическое и микроскопическое исследование. В практике было два таких случая:

1. На одной из улиц Марселя было совершено нападение. На крики потерпевшего прибежали агенты. Преступник встретил их выстрелами из револьвера. Агенты ответили тем же. В перестрелке была случайно ранена женщина, наблюдавшая за происшествием из окна своей квартиры. У нее была прострелена рука. Пули найдено не было. Возник вопрос, кто ранил женщину: преступник или агенты. Полицейские стреляли свинцовыми пулями, преступник употреблял пули, покрытые оболочкой. Следственные органы внимательно осмотрели окно, в которое высовывалась потерпевшая, и обнаружили, что пуля, ранившая женщину, пробил одну из ставень. Из отверстия было извлечено несколько коричневатых блестящих частиц. Их подвергли химическому исследованию. Частицы были растворены в азотной кислоте. Затем над этим раствором проделали реакции на присутствие меди по методам Дениге и Казанев. Оказалось, что частицы были медными. Таким образом было установлено, что женщина была ранена преступником, а не агентами.

2. Во время митинга возникла перестрелка. Несколько присутствующих было ранено. По обстоятельствам дела являлось важным определить, из какого металла были сделаны пули. Некоторые пули пробili кафедру, с которой говорил оратор. Из отверстий извлекли посредством иглы металлические частицы и подвергли их исследованию. Частицы растворили при подогревании в 3 куб. см азотной кислоты, добавили 5 куб. см воды, профильтровали для определения приставшей к металлу пыли, выпарили раствор и действовали на сухой остаток раствором иодистого калия. Микроскопическое исследование обнаружило при этом выпадение кристаллов иодистого свинца. Пули были свинцовыми.

Здесь мы видим, как значительна чувствительность упомянутых реакций на соли свинца и меди, позволяющая безошибочно отличать путем экспертизы следы и свинцовых и блиндированных пуль («Ревию Интернациональ де Криминалистик», 1933, № 5).

При расследовании некоторых дел иногда очень важно установить, что конверт был вскрыт и затем снова заклеен. Выяснение этого последнего обстоятельства может иметь большое значение в делах о самовольном вскрытии чужой корреспонденции и похищении из конверта ценностей, о вымогательстве и тому подобных преступлениях.

Конверты бывают ручные и машинные. Первый момент машинного производства конверта, заслуживающий внимания криминалистики, это момент приготовления бумажной формы, из которой затем складывается и склеивается конверт. Обычно, сначала при помощи особого штампа из бумаги вырезывается бумажная форма. Прорезывая бумагу, штамп оставляет на ней следы дефектов своих ножей в виде разных неровностей, в которых отражаются степень изношенности штампа, притупленность его краев. Все эти следы, незаметные невооруженному глазу, хорошо видны в микроскоп и могут служить для идентификации.

Следующие моменты производства конвертов, заслуживающие внимания криминалистики, это — процесс складывания и проклеивания конвертов. Здесь важно одно обстоятельство. Лента конвертов, смазываемая гуммиарабиком, удерживается по краям двумя держателями машины. Благодаря этому углы той полосы, на которую накладывается клей, остаются не смазанными. Если криминалисту попадает для экспертизы конверт, где углы смазаны клеем, значит клей был положен сюда уже после. В соответствующих случаях надо выяснить у отправителя, смазывал ли он его клеем и, если смазывал, то как. Полезно при этом взять у отправителя те конверты, из числа которых им был взят данный конверт, и посмотреть, как они смазаны клеем.

При осмотре конвертов надо обратить большое внимание также на так называемую подкладку. Подкладка делается или просто в виде известного окрашивания внутренней стороны конверта или путем вкладки в конверт особой тонкой цветной бумаги. При насильственном вскрытии конверта на ней могут остаться следы предмета, чем вскрыт конверт.

Химическое исследование клея, которым заклеен конверт, может обнаружить примесь и клея другого состава, что может служить указанием, что письмо было расклеено и вновь заклеено. Для различия составов клея можно пользоваться также ультрафиолетовыми лучами.

Сравнительно трудно обнаружить вскрытие писем, совершенное при помощи воды и водяного пара. Однако и в этих случаях существуют признаки, по которым это оказывается возможным установить. Прежде всего вода и пар могут оказать влияние на цвет подкладки конверта. Затем в результате действия воды пара бумага утрачивает свою гляцевитость. Наконец, вода и пар могут оказать влияние на содержимое конверта, на самое письмо и этими следами обнаружить свое применение при вскрытии письма («Криминалистика Молатсхейфе» 1935 г., № 4).

В течение последних лет в мюнхенскую полицию поступил ряд дел о повреждениях передних стекол легковых автомобилей во время езды. Шоферы высказали предположение, что они были жертвой нападения со стороны неизвестных злоумышленников, стрелявших в них. Однако было странно, что ни в одном случае водители машин не видели преступников, хотя несколько стекол было разбито днем на открытой дороге, где шофер мог свободно заметить движения человека на несколько десятков метров кругом. Поврежденные стекла имели круглые или многоугольные отверстия, диаметром в 3—10 мм, с внешней стороны отверстия имели воронкообразную форму. От центра удара лучеобразно расходились трещины. Осколки стекла обычно валялись внутри кузова машины. Отверстия в стекле, как правило, находились на уровне головы шоферов. В двух случаях водители были ранены осколками в лицо. Ни разу не удалось обнаружить в автомобиле ни брошенного камня, ни застрявшей пули, ни другого отверстия, кроме как в стекле. Допрос свидетелей и осмотр места происшествия не дал никаких материалов для того или иного направления дела. Характерно было, однако, что во всех случаях мимо пострадавшего автомобиля проезжала навстречу другая машина. С целью выяснить, каково происхождение отверстий в стеклах, полиция произвела ряд опытов с повреждением стекол пулями и камнями. При этом оказалось следующее. Для того чтобы пробить стекло в 5—7 мм, требуется сравнительно незначительная сила удара и достаточно небольшого камешка. Кусок зеркального стекла, толщиной в 6 мм, положенный на края открытого ящика, свободно пробивался голышом, весом в 12 г, брошенным с высоты в 1 м. Характер повреждений стекла напоминал описанную выше картину повреждений стекол автомобилей. При выстреле из ружья с очень слабым зарядом с дальних дистанций пуля бесследно отскакивала от зеркального стекла, толщиной в 7 мм. По мере приближения стрелка, действенные пули усиливались. При расстоянии в 8 м. появлялись лучеобразные трещины, при 5 м пуля пробивала стекло, отрывая с его внутренней стороны конусообразные куски. При этом характер повреждений напоминал действие удара камнем. Таким образом было установлено значительное сходство повреждений стекла камнем и от слабого выстрела.

Выстрел из ружья с сильным зарядом давал повреждения совершенно другого вида, которые нельзя было смешать с повреждениями, причиненными камнями. На месте удара стекло разбивалось в мельчайшую крупу. Вместо лучеобразных трещин, свойственных повреждениям камнем, здесь обнаруживались концентрические трещины, волнообразно распространяющиеся вокруг точки удара.

В результате расследования ряда дел полиция пришла к выводу, что повреждения передних стекол легковых автомобилей вызывались во всех аналогичных случаях попаданием в стекло камешков, высокочувствительных с силой изпод колес встречных машин («Архив фюр криминалози»).

Библиография

«ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ». Книга вторая. Труды Института уголовной политики и секции уголовной политики Института советского строительства и права Комкадемии. Гос. издат. «Советское законодательство». Москва, 1936 г. Тираж 3.250 экз. Цена 4 р. 50 к. Стр. 227.

Первая книга «Проблем уголовной политики» в свое время заслуженно получила положительную оценку в советской правовой печати. Вторая книга по высоте теоретического уровня, по выдержанному проведению марксистско-ленинских установок, по политической и методологической четкости нисколько не уступает первой.

Однако первая книга была более разнообразной в части, посвященной вопросам советской уголовной политике. Она одинаково полно обнимала как проблемы материального уголовного права, так и процесса. Проблемы материального уголовного права в значительной степени выпали из второй книги; статьи, посвященные судебной практике, недостаточно проблемны.

Сборник правильно уделяет большое внимание вопросам уголовной политики капиталистических стран: мы отнюдь не стоим за то, чтобы урезать эту необходимую часть сборника. Однако должна быть соблюдена более строго качественная и количественная пропорция между зарубежным и нашим материалом. Редакции придется еще поработать над профилем молодого журнала.

Хотелось бы в сборнике видеть значительно расширенным отдел рецензий и библиографии как советской, так и иностранной. Нужно приветствовать появление обобщающих рецензий-обзоров, рецензий-статей того типа, который в текущей книжке представлен обзором А. А. Герцензона и Б. С. Ошеровича, посвященным «Очеркам советской уголовной политики», выпущенным ИССП Комкадемии. Отдел хроники как советской, так и иностранной сильно бы оживил журнал. Этот отдел мог бы отражать жизнь института, давая развернутые отчеты о работе секций, о производственных и издательских планах и пр. Сюда же могла бы войти текущая сводка движения преступности, движения законодательства как нашего, так и иностранного и пр.

Сборник открывается большой программной статьей т. А. Я. Вышинского: «Речь товарища Сталина 4/V 1935 г. и задачи органов юстиции».

Богатая фактическим материалом, теоретически заостренная и поднимающая вопросы нашей текущей уголовной политики и практики на большую принципиальную высоту, статья т. А. Я. Вышинского широко и ярко очерчивает проблемы, которые перед органами юстиции поставлены исторической речью товарища Сталина 4/V 1935 г., лозунгом о том, что «кадры решают все».

Тов. Вышинский пишет: «Я бы хотел, подчеркивая всю историческую, исключительную важность этого нового лозунга товарища Сталина, дающего сейчас новое направление всей нашей работе, показать одновременно, что этот лозунг был подготовлен всем ходом нашего общественного, экономического и политического развития и что он стоит в прямой связи и является завершением на данном этапе той мысли, которую товарищ Сталин неоднократно высказывал, которую он самым широким образом постоянно, систематически пропагандирует — мысли о ценности кадров, о необходимости обращаться с ними бережно, мысли о решающем значении кадров в деле нашего социалистического строительства».

Подробно обосновывая и иллюстрируя эту мысль анализом ряда высказываний товарища Сталина, т. Вышинский пишет: «Проблема личности, так глубоко и принципиально освещенная товарищем Сталиным на XVII съезде партии, вплотную подводит к нашей теме о кадрах, потому что речь товарища Сталина 4/V 1935 г. есть не что иное, как завершение исторических взглядов учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о роли и положении личности в пролетарской революции и социалистическом обществе». Круг проблем, поставленных и освещенных т. Вышинским в связи с исторической майской речью товарища Сталина, очень велик. Для этих проблем т. Вышинский всегда находит яркие, запоминающиеся формулы («Повлекать к уголовной ответственности обдуманно и обоснованно», «Тверже поставить охрану личности трудящегося», «Изгнать последние следы бюрократического отношения к нуждам людей», «Ускорить реформу нашего уголовного и уголовно-процессуального законодательства», «Улучшить руководство нашими кадрами» и пр.).

Критика недочетов нашей судебной практики неизменно сочетается с указанием путей к их изживанию.

Каждая проблема ставится и охватывается во всей ее полноте, с учетом всех ее сторон. Так, т. Вышинский пишет: «Мы должны поставить вопрос так, чтобы задача бережного отношения к нашим людям была одновременно связана с задачей беспощадной расправы с врагами наших людей, нашего дела, а для этого надо уметь находить их, а находить их мы до сих пор, как следует, не научились».

В результате получается яркая картина того, как должна быть перестроена деятельность наших органов юстиции в свете майской речи товарища Сталина, в свете лозунга о том, что «кадры решают все».

Остается пожелать, чтобы т. Вышинский еще вернулся к более детальному разбору отдельных важнейших затронутых им проблем, которым при неизбежной сжатости очерка автор не мог уделить достаточного места (таковы, напр., главы об охране личности трудящегося, о новых УК и УПК, о роли дисциплинарных

вызysканий, о работе товарищеских судов и пр.). Впрочем, многие из этих проблем им разработаны в других его произведениях; хотелось бы, чтобы он к ним вернулся в указанной статье.

Статья гг. И. Авербах и С. Булатова: «Закон 7/IV 1935 г. и борьба с преступностью несовершеннолетних» — подробно останавливается на значении нового закона, объеме его применения, причинах и условиях его издания, связи его с целой цепью оздоровительных мероприятий по улучшению работы детских домов и других детских воспитательных и исправительных учреждений.

Авторы посвящают много места изучению работы Комонес, не справившейся с поставленными перед ней задачами, привлекая к работе большой и интересный фактический и статистический материал.

Авторы особенно подчеркивают значение ст. 2 нового закона, которая говорит о подстрекательстве детей к совершению преступлений со стороны взрослых.

Заканчивая свою статью, авторы правильно пишут: «Закон от 7/IV может быть вследствие этого правильно понят в сочетании с постановлением Совнаркома СССР и Центрального комитета партии 31/IV 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».

Это постановление с особой силой подчеркивает необходимость повседневной заботы о подрастающем поколении. Оно требует от общественных организаций, от государственных органов и от семьи создания таких условий, при которых детская беспризорность и безнадзорность были бы полностью изжиты». И далее: «Следовательно, недостатки субъективного порядка, а не объективные причины, заложенные в самом общественном строе, как это имеет место при капитализме, являются у нас причинами того, что до сих пор детская беспризорность и безнадзорность не вырваны с корнем».

«Основа борьбы с преступностью несовершеннолетних должна, следовательно, лежать в мероприятиях организационно-воспитательных». «Эта задача ложится не только на соответствующие организации, она ложится прежде всего на семью, которая хочет быть честной семьей трудящегося. Она ложится на каждого, кто хочет быть честным тружеником Советского союза».

Жаль, что время написания статьи не позволило авторам подвергнуть столь же тщательному анализу работу «детских» и общих судов по применению нового закона. Нужно выразить пожелание, чтобы авторы в связи с применением нового закона на практике, а также в связи с другими мероприятиями еще раз вернулись к этой столь актуальной и волнующей теме.

Огромный интерес представляет статья т. М. Строговича, посвященная «Проблемам уголовного процесса».

Автор делает серьезную и вдумчивую попытку дать контуры марксистско-ленинской теории уголовного процесса.

Автор пишет: «Если ставить вопрос об основных проблемах теории уголовного процесса, то следует исходить из того положения, что здесь по существу не несколько проблем, а в основном одна. Эта одна проблема заклю-

чается в определении существа уголовного процесса, основных специфических свойств процессуальной формы, в рассмотрении вопроса о задачах уголовного процесса, о значении процессуальных форм как определенного орудия в руках пролетарского суда. Определить существо уголовного процесса, его задачи, его место, его связь и в то же время различие от его смежных областей — это, собственно говоря, основная задача, основная проблема, и исходя из разрешения этой проблемы можно разрешить и все остальные вопросы, неразрывно с ней связанные. Основной вопрос — изучить процессуальные правовые формы как одно из эффективных орудий борьбы с классовым врагом и с пережитками капитализма в сознании трудящихся». Эта основная проблема, по мнению автора, заключает в себе следующие вопросы: 1) понятие уголовного процесса, 2) связь уголовного процесса с уголовным материальным правом и гражданским процессом и их различия, 3) специальные задачи использования процессуальных форм и 4) методы изучения уголовного процесса, как науки.

Расшищая себе путь для разрешения основной, стоящей перед ним, проблемы — о сущности уголовного процесса — автор подвергает подробной критике три основные буржуазные теории уголовного процесса: «нормативную», теорию «юридического отношения» и «телеологическую» теории в двух ее видах, которые автор формулирует как «телеологический монизм» и «телеологический плюрализм».

Положительным зерном теории «юридического отношения» автор считает то, что эта теория, в противоположность нормативным, рассматривает процесс не как «совокупность норм», а как отношения между сторонами и судом.

Автор пишет: «Теория процесса как юридического отношения, развитая в буржуазной процессуальной теории, в нашей советской литературе, в марксистской литературе осталась совершенно неосвоенной, но она существенна и интересна потому, что показывает, как можно политически и идеологически извратить правильное понимание процесса как общественного отношения».

Как известно, теория «юридического отношения» в свое время подверглась серьезной критике также с буржуазных позиций и не получила широкого признания, если не считать нескольких русских и особенно итальянских процессуалистов. Последних особенно привлекали конструктивные особенности этой теории, так как ей больше, чем другим буржуазным теориям, удалось более диалектически наглядно и систематически расположить и разбить процессуальный материал, разделив процесс на общую и особенную часть (в особенную часть входило движение процесса).

Тов. М. Строгович правильно разоблачает истинную сущность и ошибки этой теории. Он пишет: «Теория процесса как юридического отношения смазывает роль процесса, как определенной формы деятельности суда, органа государства. Согласно утверждению ее сторонников процессуальные отношения — это не отношения господства и подчинения, а отношения равноправных субъектов. В действительности же именно отношения господства и под-

чинения, отношения классовой борьбы, отношения, вытекающие из классовой природы суда как органа классового государства, — эти отношения, облеченные в определенную процессуальную форму, лежат в основе уголовного процесса, и их изучение, их исследование представляет для нас важнейший интерес, когда мы ставим перед собою проблему существования уголовного процесса».

Следующая буржуазная теория уголовного процесса, которую т. М. Строгович подвергает критике, — это телеологическая теория, теория некой присущей самому процессу метафизической цели.

Автор пишет: «Движение процесса, развитие процесса определяется не какой-то особой целью процесса, — процесс движет активная деятельность органов суда и следствия, органов господствующего класса при помощи использования процессуальных форм для достижения их задач. Весь вопрос заключается в том, что сторонники телеологической концепции уголовного процесса понятию цели процесса придают особое, специфическое значение — процесс имеет свою собственную, неизменную, всегда и везде ему присущую цель, одинаковую для всех времен и народов. Эта цель движет процесс, определяет построение процесса в целом и отдельных его институтов».

Автор справедливо добавляет: «Но ведь процесс своих целей не имеет. Если процесс — деятельность суда в правовой форме, то цель процесса — это цель суда и проводимой им уголовной политики. Иными словами, телеологическая концепция уголовного процесса устраняет именно целеустремленную деятельность суда, как органа классового господства. Поэтому наша точка зрения, отвергающая концепцию эту, вовсе не означает прокламирования бесцельной деятельности суда, — речь идет только об отрицании собственной, всегда неизменной и абстрактной, отличной от цели политики, цели процесса».

Нужно говорить не о «цели» процесса, а о задачах процесса. Таких задач автор и видит несколько: 1) обеспечение в деятельности органов следствия и суда революционной законности, 2) достижение широкого общественно-воспитательного эффекта от разрешения судебных дел, 3) реализация в области уголовного процесса тех специальных требований, которые вытекают из принципов пролетарской демократии, т. е. обеспечение тем лицам, которые захватываются ходом уголовного процесса, реальных прав и гарантий от возможных ошибок органов следствия и суда: иными словами — советский уголовный процесс есть процесс пролетарской демократии и обладает всеми чертами, вытекающими из нее».

Подвергает автор критике и некоторые формулировки уголовного процесса, данные в нашей советской литературе.

Не удовлетворяет его определение, данное в программе по уголовному процессу для правовых институтов, утвержденное в 1933 г. методическим советом НКЮ РСФСР, где уголовный процесс определялся как «форма деятельности органов суда, следствия и прокуратуры, направленная на защиту интересов господствующего класса». Не удовлетворяют его и другие определения. Он предлагает следующее определение: «Процесс мы должны

определить как определенную форму организации общественных отношений. Что это за отношения? Те отношения, которые носят название процессуальных отношений, которые лежат в основе процесса, — это есть отношения, в которые вступают органы государственной власти, судебно-следственные органы с теми лицами, которые в той или иной мере и степени захватываются (?! — А. Б.) деятельностью суда и следственных органов».

Автор поясняет: «Возьмем простейший процессуальный акт, хотя бы допрос. Это есть отношение тех органов, которые проводят этот допрос, с допрашиваемым лицом (обвиняемым, свидетелем). Такой простейший акт, как допрос, есть процессуальное отношение со всеми его специфическими чертами. Но оно еще не развернуто, оно очень примитивно. Когда ходом деятельности органов следствия и суда захватывается определенный круг лиц, которые привлекаются к уголовной ответственности, к которым применяются принудительные меры (например, меры пресечения) и которые в то же время приобретают определенные права, используя которые они защищаются против предъявленного обвинения, мы имеем уже систему развернутых процессуальных отношений».

Нам кажется, что т. Строгович только приблизился к поставленной себе задаче, но не разрешил ее. В самом деле, почему лица, которые «захватываются» (это слово повторено в трех местах) деятельностью суда и следственных органов, «приобретают определенные права, используя которые, они защищаются против предъявленного обвинения». «Захватываются» лица деятельностью следственных и судебных органов и при инквизиционной форме процесса, но тогда они никаких прав не приобретают. Несомненно, что процесс — это определенная форма организации общественных отношений, но читатель хотел бы получить ответ, в чем специфичность этой формы, а такого ответа нет, хотя из всей совокупности мыслей, которыми насыщена статья, читатель понимает, что автор прекрасно чувствует специфичность процессуальной формы.

В числе задач процесса (автора можно также обвинить в процессуальном плюрализме, хотя и не телеологическом) фигурирует (под № 3) «реализация в области уголовного процесса тех специальных требований, которые вытекают из принципов пролетарской демократии, т. е. обеспечение тем лицам, которые захватываются (опять захватываются — А. Б.) ходом уголовного процесса, реальных прав и гарантий от возможных ошибок органов следствия и суда», — совершенно верное положение, но (если мы автора правильно поняли) не увязанное с общим определением уголовного процесса, данным выше. И точно так же остроумные и верные замечания автора о «процессуальном феодализме» и «процессуальном нигилизме» как то повисают в воздухе, не согласованные с определением сущности уголовного процесса, даваемым автором.

Эти критические замечания мы отнюдь не намерены снизить огромный теоретический и практический смысл и значение вдумчивого и содержательного очерка т. М. Строговича. Этот очерк будит марксистско-ленинскую про-

цессуальную мысль, он интересен и своевременен, но он только приближает к построению марксистско-ленинской теории уголовного процесса, не разрешая в полном объеме поставленной задачи.

Статья т. Ю. Межина: «Борьба органов юстиции с крушениями на железнодорожном транспорте» дает большой, тщательно разработанный фактический и статистический — и притом нигде ранее не опубликованный — материал, характеризующий работу транспортных судов по делам о крушениях, — материал, который уже сам по себе представляет большой интерес и большую ценность. На основе этого материала, на основе программных речей и приказов т. Кагановича, т. Ю. Межин делает интересные, далеко идущие выводы о том, как должна быть перестроена работа транспортных судов по делам данной категории.

Статья т. Митричева: «Спекуляция и борьба с ней» — дает не только «обзор», как скромно указывает автор в подзаголовке, но подлинную и притом тщательную проработку практики органов юстиции за три года действия закона 22/VIII 1932 г. о борьбе со спекуляцией. Жаль только, что юридическая сторона проблемы, имеющая такую огромную важность, в значительной степени выпала из поля зрения автора, который не дал ни подробного анализа состава спекуляции, ее отличия от других преступлений, ее положения в системе действующего УК и его проекта, трудностей и контрверзов, возникающих на практике и пр. Интересная и актуальная статья его выиграла бы, если бы автор остановил свое внимание и на этой стороне проблемы.

Целый ряд статей посвящен углубленному анализу и изложению в надлежащем марксистском освещении уголовной политики, уголовного права, процесса и судостроительства капиталистических стран.

Эта серия статей открывается статьей т. Б. Маньковского: «Рассовая теория уголовного права германского фашизма».

Расовая «теория», как показывает т. Б. Маньковский, не выдержала испытания при столкновении с необходимостью построить «теорию» уголовного права, и ей на смену явилась столь же мало состоятельная и убедительная «волевая» теория, которая диктует «усеченные составы», устанавливает одинаковую ответственность для всех соучастников и пр. По существу «волевая теория», как правильно вскрывает т. Б. Маньковский, только плохое издание «опасного состояния», выдвинутого «позитивной» и социологической школой.

Тов. Б. Маньковский подробно останавливается на трактовке германскими фашистскими правоведомы вопроса об аналогии, об изобретенном ими «центральном составе преступления» и пр.

При этом т. Б. Маньковский правильно замечает: «В условиях фашистского режима признание аналогии является «правовым» оформлением широкой практики террора по отношению к антифашистским элементам».

Особое внимание т. Б. Маньковский уделяет двум основным документам: прусской докладной записке, первый раздел которой представляет собою наметку особенной части уголовного кодекса, и отчету правительственной ко-

миссии об особенной части будущего германского уголовного кодекса. Проследив шаг за шагом отдельные составы преступлений, вводимые этими документами, и вскрывая их общий характер, т. Б. Маньковский в отношении первого документа говорит: «Ничего по существу нового этот проект особенной части фашистского уголовного кодекса не дает, кроме некоторой перетасовки составов преступлений действующего уголовного уложения под углом расизма и социальной демагогии. При этом необходимо отметить, что расовой системы особенной части расисты даже не пытались построить. Вкрапливание расистских идей в систему составов особенной части удалось провести в крайне незначительной дозе».

В отношении же второго документа говорится: «Прежде всего сейчас чрезвычайно резко выпячивается задача охраны вождя государства и партии и охрана националистического движения. Принцип вождизма сейчас, после событий 30/VI, выступает значительно более резко, чем раньше. Затем расовая демагогия сейчас значительно свертывается по сравнению с первыми предположениями, что является весьма характерным в свете тех сдвигов, которые происходят за последнее время в лагере германской буржуазии и правительства».

Проф. Феликс Галле в своем очерке (германского судостроительства и уголовного процесса в послевоенный период 1918—1933 г.) тщательно подобрал все законодательные документы за отчетный период и подносит их в соответствующем освещении, оживляя на первый взгляд сухой перечень тонкими, подчас остроумными замечаниями. Так, говоря о подавлении капповского путча, т. Ф. Галле пишет: «В то время как обвиняемые, принадлежавшие к революционному пролетариату, после боев, вызванных капповским путчем, без промедления предавались военному суду и подвергались тяжчайшим наказаниям, — находившиеся у власти социал-демократические и буржуазные политики сумели так формулировать постановления закона и так их истолковать, что на участников капповского путча это жестокое распоряжение не распространялось; для контрреволюционеров была сохранена подсудность имперскому суду». И он добавляет: «Так случилось, что «бунтовщики справа», за двумя исключениями, видели тюрьму только снаружи».

Давая подробный историко-юридический очерк движения германского послевоенного законодательства в области судостроительства и процесса, т. Ф. Галле подводит итог своим изысканиям в следующем выводе, освещающем все предыдущее изложение и вскрывающем его истинный смысл: «Таким образом, если мы оглянемся назад на развитие судостроительства и уголовного процесса 1918—1933 гг., то мы увидим, как интенсивно руками социал-демократов шел процесс разрушения буржуазно-демократических институтов. Суды присяжных в их подлинной форме были устранены и остались только во имени. Доказательственное право было в значительной мере ограничено. Возможность обжалования приговоров была уменьшена. Суммарное производство, предусмотренное в § 212 уголовно-процессуального кодекса, было расширено за те пределы, которые соответствовали первоначальному

намерению законодателя, и было распространено на политические дела. Судостроительство и уголовный процесс были сильно поколеблены частым применением исключительной юстиции, путем введения особых судов, которые в отношении предварительного следствия и главного производства не были связаны правовыми гарантиями нормального процесса.

Совершенно прав т. Ф. Галле, заканчивая свою статью следующими словами: «Социал-демократическая и левобуржуазная политика юстиции периода ноябрьской революции и Веймарской конституции подготавливала приход к власти фашизма. Наш очерк законодательства... показывает, что законодательство 1918—1933 гг. в совокупности содействовало победе контрреволюции и фашизма».

Статья т. П. Люблинского: «Об усилении роли прокуратуры в буржуазных странах» представляет собою юридический анализ соответствующих законодательных документов и других материалов.

Для характеристики стиля автора мы позволим себе привести следующее место из его статьи. Он пишет, характеризуя работу буржуазной прокуратуры: «В отличие от суда, основная деятельность которого протекает на глазах у публики и все решения и приговоры которого доводятся до публичного сведения, деятельность прокуратуры в основном протекает в закрытом от любопытства публики кабинете, из которого идут нити к самым разнообразным судебным и административным органам. Любимая мощь прокуратуры выявляется не в парадном зале, где прокурор выступает в качестве «стороны» в роли обвинителя, а в его служебном кабинете, где разрешаются все вопросы, связанные с возбуждением дела, его расследованием, формулировкой обвинения и дальнейшим направлением, где собираются материалы относительно деятельности следственных органов и судов, где составляются характеристики судей, сведения о благонадежности присяжных, куда стекается информация о всех нарушениях закона, требующих вмешательства судебных органов. Эта, почти незаметная для публики и слабо регламентируемая законом, сторона деятельности прокуратуры составляет основное ядро прокурорской работы, и ею в значительно большей степени, чем публичным выступлением прокурора, определяется тот или иной исход дела. Почти полная монополия в области возбуждения преследования, широкое право усмотрения в области возбуждения или не возбуждения дела, руководство всем предварительным расследованием и надзор за предварительным следствием, в ряде случаев власть предания суду, обжалование приговоров, и, наконец, надзор за исполнением их — все это регулирует полномочия, осуществляемые преимущественно «пером» прокурора, нежели его «словом». И если французские процессуалисты заявляют, что «перо» прокурора послушно приказу вышестоящего начальства, но «слово» его свободно, то за этим в сущности кроется та мысль, что в своих основных функциях прокурор почти всегда связан даваемыми ему указаниями, ибо центр тяжести не в словесных высказываниях».

Тов. П. Люблинский прослеживает усиление

прокуратуры по пяти основным странам: Франция, Англия, США, Италия и Германия.

Тов. П. Люблинский оговаривает, что он дает, главным образом, юридический материал, оставляя в стороне фактический. Это, впрочем, не совсем точно, потому что кое-где он дает и чрезвычайно интересный фактический материал.

Как нам кажется, наиболее удался автору очерк итальянской фашистской прокуратуры, образцовый по юридической наблюдательности и тонкости анализа. Тем досаднее, что в этот очерк вкрался целый ряд опечаток при ссылках на статьи УПК 1930 г. (на стр. 166, вместо ст. 381, нужно читать ст. 281; на ст. 167, вместо ст. 270, нужно читать ст. 470 и пр.).

Однако и статья проф. Галле и статья проф. Люблинского может быть поставлен упрек в излишней юридизации материала. У т. Галле законодательные акты мелькают, как в kaleй-доскопе, что мешает их запоминанию и надлежащей углубленной оценке. Отрыв юридической стороны от фактической в статье т. Люблинского также должен быть записан в пасив его работы. Им не подчеркнуто, что прокуратура — это только «фасад» буржуазной юстиции. Им не показано, в частности, тесное сотрудничество итальянской фашистской прокуратуры с органами полиции безопасности, или, как это было сформулировано во время прений по его докладу т. Вышинским, что фашизм усиливает роль прокуратуры потому, что прокуратура обращена в приказчика полицейского участка.

Статья т. Пионтковского «Организация судебной репрессии в Индии» дает яркую картину карательной деятельности британского империализма в колониях и представляет часть монографии т. А. Пионтковского на ту же тему.

В целом, за исключением тех недочетов, которые мы отметили в начале нашей рецензии, необходимо признать, что вторая книжка «Проблема уголовной политики» производит впечатление серьезной работы. В порядке пожелания укажем на необходимость появления в следующих книжках «Проблем» трудов по истории уголовного права и процесса — как нашей, так и капиталистических стран.

А. Е. Брусиловский

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ЕЕ ПРАКТИКА И ЗАДАЧИ. Труды Научно-исследовательского института судебной психиатрии имени проф. Сербского. Под общей редакцией Ц. М. Фейнберг. Редакционная коллегия: А. Н. Бунеев и Б. С. Ошерovich. Гос. издат. «Советское законодательство», 1933 г. Стр. 231, цена 4 р. 75 к. ¹

Рецензируемая книга представляет собою второй сборник трудов института. Он подытоживает работу института в области судебно-психиатрической экспертизы и намечает дальнейшие пути ее развертывания. Книга рассчитана на специалистов-психиатров и на наиболее подготовленных работников юстиции.

Как отмечается в предисловии к сборнику, его содержание может быть разбито на три больших раздела: статьи по судебной психиатрии общего характера, статьи по специальным вопросам судебной психиатрии и статьи, по-

священные отдельным организационным вопросам судебно-психиатрической экспертизы.

Сборник представляет собою большую ценность, как одна из первых попыток освещения задач и методов работы советской судебно-психиатрической экспертизы — одной из научных дисциплин, в которой влияние буржуазной идеалистической философии сказывается с значительной силой. Так, одним из выражений этих влияний в свое время являлась доволно распространенная даже среди наших психиатров теория «био-социальной природы преступления» — попытка заменить классовую природу преступления рассуждениями об биологической неполноценности преступника. Марксистская разработка проблем советской судебно-психиатрической экспертизы является задачей, которая может оказаться посильной только целому коллективу, научно-исследовательскому институту. Поэтому особое внимание привлекает указание редакции сборника о том, что институту «пришлось впервые начать разработку проблем судебной психиатрии в свете материалистической диалектики и развернуть борьбу за искоренение буржуазных влияний в теории судебной психиатрии. Институт прежде всего обратился к изучению тех проблем, которые имеют особо большое значение для судебно-психиатрической практики и связаны в первую очередь, с вопросами критического пересмотра буржуазных теорий, биологизирующих человеческую личность и ее поведение» (с. 3).

Сборник открывается интересной и содержательной статьей А. Н. Бунеева «Судебно-психиатрическая экспертиза, ее практика и задачи». Подчеркивая большое значение судебно-психиатрической экспертизы и ее роль в советской уголовной политике, автор указывает на те трудности, которые имеют место в деле дачи психиатром-экспертом своих заключений. Автор указывает, что эти практические трудности сочетаются с трудностями чисто теоретическими — с неразработанностью основных психиатрических проблем, имеющих прямое отношение и к судебной психиатрии. Почвой для возможных рецидивов неоломброзизма, — говорит А. Н. Бунеев, — служит расплывчатая концепция психопатий, позволяющая психиатрам всюду видеть патологию и стремящаяся объяснить социальные формы поведения конституциональными особенностями личности» (с. 9). Правда, автор не разрешает по существу всех тех проблем, которые он выдвигает, но несомненную ценность представляет и сама постановка им некоторых вопросов, например, о реактивных состояниях, об исключительных состояниях, о патологическом объяснении и т. д. Автор приводит интересный материал из практики дачи заключений психиатрами, из которого видно, что до сих пор нет должного согласования между юридической проблемой вменяемости и ответственности и психиатрическим разрешением этих вопросов. Автор в заключении своей статьи намечает схему организации судебно-психиатрической экспертизы в СССР: необходимо сосредоточить экспертизу не в руках служебных экспертов, а возложить ее на психиатров, специализирующихся в этой области; необходимо далее провести специальную подготовку и переподготовку психиатров — судебных экспертов; руководство

судебно-психиатрической экспертизой в краевом масштабе должно быть возложено на высококвалифицированного судебно-психиатрического эксперта. Вся организация этого дела в республиканском масштабе должна быть сосредоточена в научно-исследовательских институтах. Последнее предложение вызывает некоторые сомнения: не целесообразнее ли организационно подчинить систему судебной психиатрии органам прокуратуры, а не возлагать эту работу на научно-исследовательские учреждения?

Статья т. Бунеева ставит целый ряд принципиальных и практических (организационных) вопросов, и в этом ее ценность. Хотелось бы, однако, в свете установок предисловия к сборнику уже получить некоторое разрешение несомненно трудных, но все же вполне незрелых вопросов теории советской судебной психиатрии, чего в статье мы все же не находим.

Для работников юстиции, не говоря уже о специалистах-психиатрах, очень большой интерес представляет статья директора института г. Ц. М. Фейнберг «Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт работы института имени Сербского», выпущенная также отдельным изданием.

Тов. Фейнберг подчеркивает во вступлении к своей статье, что «эксперт должен уметь увязывать свое решение с основными принципами уголовно-правовой и исправительно-трудовой политики» (с. 23).

В статье дается обстоятельный обзор законодательства о судебно-психиатрической экспертизе в СССР и в буржуазных государствах, а также излагаются организационные формы построения советской судебно-психиатрической экспертизы.

Тов. Фейнберг указывает, что в первые годы существования института известное распространение получили антимарксистские установки, сложившиеся у некоторой части психиатров под влиянием западно-европейской психиатрии. Это нашло свое отражение и в научной тематике института, который разрабатывал вопросы «о связи между характером преступления и формой душевного заболевания», «отношение между психической конституцией и типом преступника», «изучение наследственных факторов преступлений» и т. д.

«Наряду с этими ломброзианскими теориями, — говорит т. Фейнберг, — на практику работы института оказали сильное влияние и политические установки группы психиатров, стремившихся всячески облегчить участь всех тех, кому грозило то или иное наказание. Эти установки были перенесены на советскую почву и сказались в вопросах оценки вменяемости или невменяемости тех или иных правонарушителей. Такие тенденции отражали у некоторых психиатров антисоветские настроения и направлены были к тому, чтобы вывести как можно большее количество лиц из-под ударов репрессии» (с. 31).

Таким образом, буржуазно-теоретические установки в области судебной психиатрии переросли иногда и в явное вредительство. Институту пришлось провести большую политическую и теоретическую борьбу с представителями буржуазной психиатрии.

Это было тем более необходимо, что прак-

тика первых лет существования Института широко использовала чуждую советскому уголовному праву теорию «уменьшенной вменяемости»; так, например, в 1923 г. каждый третий испытуемый признавался уменьшенно-вменяемым. Развертывание работы института постепенно привело к выработке более правильных, более четких критериев вменяемости и невменяемости, более осторожного подхода к даче экспертиз в отношении лиц, находящихся в так называемом пограничном состоянии, и т. д.

Практика института выравнивалась, включаясь в общую систему советской уголовной политики. Через институт за период 1921—1934 гг. прошло около 8000 чел. испытуемых. Если в первые годы, в особенности же в 1922—23 гг., преобладающая масса испытуемых признавалась невменяемыми или уменьшенно-вменяемыми, то в последующие годы мы встречаем гораздо более осторожный подход института к даче экспертиз.

Статья т. **Фейнберг** приводит интересный материал о работе института, с привлечением богатого статистического материала, характеризующего различные стороны деятельности института и подробно характеризующего состав испытуемых. Эти данные, в особенности же данные о составе испытуемых и о тех преступлениях, которые ими совершены, с полной очевидностью говорят о полном банкротстве теорий, биологизирующих преступление.

Работа института отнюдь не замыкается в рамки только экспертной работы. Давая заключение о вменяемости, институт намечает строго индивидуализированные мероприятия относительно преступников-психопатов. Большой отраслью работы института является психо-гигиеническая работа в местах заключения, а также работа с несовершеннолетними правонарушителями.

В области научной работы перед институтом, как отмечает т. **Фейнберг**, были поставлены следующие задачи: «Критика буржуазных теоретических установок в области судебной психиатрии и разработка, на основе марксо-ленинской методологии, ряда основных проблем советской судебной психиатрии, в целях создания научно-теоретической базы для практической работы института». К числу этих проблем были отнесены: проблема психопатий и реактивных состояний, проблема исключительных состояний (патологический аффект, патологическое опьянение и т. д.). Помимо этих вопросов институт разрабатывал вопросы о принудительном лечении, о психо-гигиенической работе в местах заключения, о работе с несовершеннолетними правонарушителями. Не были забыты и общие вопросы о задачах и методах судебно-психиатрической экспертизы.

Ознакомление с тематикой научной работы института приводит к выводу, что институт находится на правильном пути: отказавшись от совершенно несвойственных психиатрическому учреждению задач изучения корней преступности, ведущего неуклонно к биологизации этих проблем, институт вплотную подошел к разработке тех вопросов, которые непосредственно вытекают из задач, возложенных на судебную психиатрию в СССР.

Последняя отрасль работы института — это подготовка кадров и руководство судебно-

психиатрической подготовкой работников юстиции и студентов институтов права. На кафедру судебной психиатрии института возложено преподавание и руководство преподаванием судебной психиатрии во всех правовых вузах РСФСР.

Статья т. **Н. И. Озерского** «Психиатрическая экспертиза несовершеннолетних правонарушителей» подвергает критике различные приемы исследования несовершеннолетних правонарушителей и заостряет внимание на недостатках существующей постановки психиатрической экспертизы несовершеннолетних. Автор выдвигает вопрос «о желательности сосредоточения дел о несовершеннолетних и малолетних в руках определенных опытных следователей» и «о необходимости подготовки судебно-следственных работников не только в области законодательства о детях, но и в области детской психологии и психопатологии». Автор приводит ряд ярких примеров и аргументов, подтверждающих правильность его предложения. Статья представляет большой интерес не только для институтов, но и для судебно-следственных работников, так как она дает ценный материал по вопросу о достоверности показаний несовершеннолетних и малолетних.

Большой фактический материал приведен в статье т. **Э. Н. Разумовской** «Практика экспертизы так называемых исключительных состояний по материалам Института судебной психиатрии им. проф. Сербского». Автор анализирует большой статистический материал, приводит ряд фактов из практической работы института за весь период его существования и приходит к выводу, что удельный вес исключительных состояний (патологический аффект, патологическое опьянение и сумеречное состояние) в судебно-психиатрической практике института оказался очень значительным. Автор отмечает особенности и трудности диагностики этих состояний.

Статья т. **Введенского** «О вменяемости алкоголиков» с большим интересом будет прочитана работниками юстиции. Рассматривая сложный вопрос о вменяемости алкоголиков, — вопрос, который неодинаково, как известно, решался УК ред. 1922 г. и последующим нашим законодательством, — автор анализирует различные формы опьянения с точки зрения их судебно-психиатрической оценки. Автор указывает на трудности диагностики характера опьянения — «нормального», патологического и хронического. Высказывая свою точку зрения на вменяемость лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, автор в соответствии с действующим УК стоит на точке зрения признания этих лиц вменяемыми, но вместе с тем подчеркивает, что в ряде случаев этот вопрос должен решаться при участии судебно-психиатрической экспертизы. «Пока старые алкогольные навыки еще не преодолены и не изжиты до конца, — говорит автор, — репрессия еще по необходимости должна играть роль в борьбе с алкогольными правонарушениями». Это, однако, ни в какой мере не исключает, с точки зрения автора, индивидуализированного подхода суда к случаям патологического опьянения. Статья т. **Введенского** представляет несомненный интерес и для криминалистов — при проработке такой сложной проблемы, как вина и уголовная ответственность.

Ряд статей в сборнике посвящен специальным психиатрическим проблемам. Сюда должны быть отнесены статьи т. Дубинина («Структурно-динамическое понимание деменции и ее судебно-психиатрическое значение»), т. Халеского («О выборе формы реактивного состояния»), т. Берукштис («О некоторых трудностях судебно-психиатрической оценки так называемой «психической дефектности») и т. д.

К сборнику приложен словарь специальных терминов. Составители сборника ориентировались не только на читателей-психиатров, но и на работников юстиции. Однако следует отметить, что словарь этот составлен не вполне удачно. Незнакомый со специальной терминологией читатель вряд ли что почерпнет из словаря. Вот один весьма красноречивый пример. Читатель хочет уяснить термин «реакция короткого замыкания». Он узнает: мимовольное действие, относится к числу так называемых исключительных состояний (см.). Читатель (см.) — «исключительное состояние»: «состояние временного расстройства душевной деятельности, возникающее на фоне определенных психозов (см.), органических повреждений центральной нервной системы (см.), психопатии (см.), исключающее вменяемость (пример: патологическое опьянение (см.), патологический аффект (см.), сумеречное состояние сознания (см.), реакция «короткого замыкания»». Читатель хотел установить понятие «короткого замыкания» и, пройдя добрый десяток «см.», вернулся к искомому понятию.

Для специалистов-психиатров этот словарь ненужен, а работникам юстиции он непонятен. Давая общую положительную оценку рецензируемому сборнику, как первой попытке обобщения многолетней работы института, нужно указать вместе с тем на ряд крупных недостатков.

Предисловие к сборнику и руководящие статьи неоднократно подчеркивают большую

теоретическую работу, проделанную институтом, в борьбе на теоретическом фронте с буржуазными влияниями в судебной психиатрии. Эти утверждения в значительной мере оказались декларативными. Во всяком случае, данный сборник еще не дает материала, позволяющего констатировать глубокую теоретическую работу Научно-исследовательского института, и результаты борьбы на теоретическом фронте пока еще очень незначительны.

Сборник в целом и большинство его статей представляют собой собрание очень ценного эмпирического материала. Большие общие проблемы судебно-психиатрической экспертизы в их тесной связи с уголовным правом, с уголовным процессом или вовсе не поставлены или поставлены еще очень робко.

Другим дефектом сборника является некоторая двойственность его целеустремленности. С одной стороны, он как будто рассчитан на работников юстиции, а с другой стороны — в нем помещен ряд статей, представляющих большую ценность лишь для специалистов-психиатров и мало доступных для юристов.

Последующие сборники, которые будут приняты нашей научной общественностью с еще большим интересом, должны быть, с одной стороны, в большей мере целеустремленными, а наряду с этим должны быть в большей мере насыщены теоретическими обобщениями.

Два замечания в заключение рецензии.

Институт очень мало сделал для популяризации своей работы. Необходимо издание ряда работ специально для практических работников юстиции.

Институт судебно-психиатрической экспертизы зарекомендовал себя в качестве серьезного и ценного научно-практического учреждения. Масштаб его работы несомненно перерос РСФСР. Институт должен быть превращен во всесоюзное научно-практическое учреждение.

А. Герцензон

Официальный отдел

О волоките по рассмотрению жалоб

Значительное количество жалоб, поступающих в ЦИК, СНК СССР, Комиссии партийного и советского контроля и другие центральные учреждения, направляется не в Прокуратуру Союза, а непосредственно на места — краевым, областным и районным прокурорам.

В моем распоряжении имеется много примеров, когда органы прокуратуры недопустимо затягивают проверку присланных им из центральных учреждений жалоб, не сообщают о результатах проверки. Более того, есть случаи оставления без всякого ответа тех запросов по жалобам, которые поступают в прокуратуру из заинтересованных ведомств.

Так, например, Комиссия советского контроля 15 мая 1935 г. направила прокурору Удомельского района, Калининской области, жалобу Г. Ф. Шилкина. Однако, несмотря на

четыре дополнительных напоминания, названный прокурор ответил на запрос по этим жалобам только после напоминания, сделанного мною лично прокурору Калининской обл. т. Назарову 11/II 1936 г.

9/III 1935 г. Комиссия советского контроля направила жалобу И. А. Алексеева вышестоящему райпрокурору Калининской области. По этой жалобе были сделаны четыре напоминания. Однако, несмотря на то, что вопрос о безобразной волоките по жалобе Алексеева был поставлен мною перед прокурором Калининской области т. Назаровым, результаты проверки этой жалобы до сих пор не получены ни Комиссией советского контроля, ни Прокуратурой Союза.

4/II 1935 г. Комиссией советского контроля прокурору Хомутовского района, Курской области, была направлена жалоба Рагулина о незаконном изъятии у него имущества. По прошествии 35 дней хомутовский райпрокурор т. Николаев сообщил Комиссии советского кон-

троля, что дело это им будет расследовано и виновные будут привлечены к ответственности. После этого Комиссия советского контроля направила т. Николаеву 3 напоминания с требованием представления окончательных результатов расследования. Однако до сих пор названный районный прокурор отделяется безграмотными по существу отписками о том, что «вещи Рагулина и других граждан находятся уже несколько лет в эксплуатации и уже часть последних не существует, а поэтому имущество Рагулина возвращено быть не может».

Жалоба колхозницы Козловой Е. Г. (станция Ново-Марьевская) на незаконное изъятие у нее милиционером Гринчуком 826 рублей, вырванных от продажи мяса, Комиссией советского контроля была переслана 4/I 1935 г. прокурору Ново-Александровского района, Северокавказского края. В жалобе указывалось, что эти деньги были пересланы сельпо, которое уже полтора года не возвращает их, несмотря на предписания милиции и прокурора Ново-Александровского района. После нескольких напоминаний прокурор Ново-Александровского района через семь с половиной месяцев (23/VIII 1935 г.) пересылает жалобу Козловой прокурору Ворошиловского района «по территориальности». По прошествии 5 месяцев прокурор Ворошиловского района также после ряда напоминаний Комиссии советского контроля 29/I 1936 г. возвращает жалобу Козловой прокурору Ново-Александровского района со следующей припиской: «В нашем районе Козловых очень много и, не имея инициалов, установить трудно, тем более, что жалобы от Козловых не поступало». До настоящего времени жалоба Козловой не удовлетворена, и никакого ответа по этому вопросу ни КСК, ни Прокуратура Союза еще не получили.

11/VIII 1935 г. КСК направила прокурору Юрьевоцкого района, Иваново-Промышленной области, жалобу Смирнова А. М. По жалобе уже сделано 4 напоминания со стороны КСК. Кроме того, 11/II мною лично на волокиту по этой жалобе было указано прокурору бывш. Иваново-Промышленной области т. Карасику. Результаты проверки жалобы получены лишь 19/III 1936 г.

22/VIII 1935 г. куйбышевскому крайпрокурору была направлена жалоба Кузина Н. И., осужденного, по его словам, за кражу нескольких килограммов яблок. Кузин сообщал в жалобе, что Куйбышевская прокуратура не дает ему ответа на жалобу с 1933 г. В октябре 1935 г. и январе 1936 г. Бюро жалоб КСК направило куйбышевскому крайпрокурору напоминание. В феврале 1936 года мною было предложено Куйбышевскому крайпрокурору немедленно ответить по существу самой жалобы и представить объяснения причин столь безобразной волокиты, однако т. Жалнин до сих пор не отвечает на мой запрос.

С апреля 1934 г. по январь 1936 г. в Сталинградской краевой прокуратуре лежало без движения затребованное для пересмотра дело по обвинению Дуюнова. 5/XII 1935 г. Бюро жалоб КСК написало об этом сталинградскому прокурору. 29/XI т. Лесовову был послано напоминание. 28/XII т. Антонов-Овсеевко телеграммой предложил т. Лесовову прекратить волокиту, и только в январе 1936 г. Лесовов

сообщил в Бюро жалоб КСК, что он не находит оснований для внесения протеста по делу Дуюнова, совершенно обойдя молчанием причины волокиты по этому делу.

11/IX 1935 г. прокурору автономной области Коми было направлено заявление Пирогова А. В. о расхищении средств кооперации в Устьвымском районе. До сих пор, несмотря на 4 напоминания со стороны Бюро жалоб КСК и мое письмо, посланное еще в феврале 1936 г., ответа от прокурора не имеется.

Возмутительная волокита по жалобам отмечена и по другим районным, областным и краевым прокуратурам. Месяцами не отвечают на запросы по жалобам прокуратуры Алма-Атинской, бывш. Иваново-Промышленной, Воронежской и ряда других областей.

Приведенные примеры волокиты свидетельствуют о формально-бюрократическом отношении к жалобам трудящихся и к запросам по этим жалобам.

ПРИКАЗЫВАЮ

1. Прокурору Калининской области т. Назарову наложить строгое взыскание на прокурора Удомельского района, допустившего волокиту по жалобе гр. Шилкина, и на прокурора Вышневолоцкого района, допустившего волокиту по жалобе гр. Алексева.

2. Прокурору Курской области т. Заславскому снять с работы, с перемещением на низшую должность, прокурора Хомутовского района т. Николаева, допустившего волокиту и неправильные действия по жалобе гр. Рагулина А. М.

3. Прокурору Западной области т. Еремину наложить строгое взыскание на прокурора Спас-Деменского района за допущенную им волокиту по жалобе колхозника А. Н. Манчукова.

4. Прокурору Воронежской области т. Андрееву объявлять выговор за волокиту по жалобе красноармейца Телешова, направленной ему 28/XI 1935 г. и оставленной им без ответа.

Одновременно т. Андрееву наложить строгое взыскание на прокурора Жердевского района, в течение 6 месяцев не отвечающего на запрос по жалобе красноармейца Телешова.

5. Прокурору Северокавказского края т. Гарину, допустившему волокиту по жалобе рабочего-железнодорожника Кормич И. Б., объявить выговор.

Одновременно предлагаю т. Гарину снять с работы, с перемещением на низшие должности прокуроров Ново-Александровского и Ворошиловского районов, допустивших безобразную волокиту по жалобе колхозницы Козловой Е. Г.

6. Прокурору ССР Грузии т. Рамисвили наложить взыскание на прокурора гор. Поты, проявившего бездействие и волокиту по жалобе Бутенко-Кононовой.

7. Прокурору бывш. Иваново-Промышленной области т. Карасик указать на недопустимое отношение к жалобе Ромашова П. С., ответ по которой был послан им в Бюро жалоб КСК лишь после двукратного напоминания.

Одновременно предложить т. Карасику наложить взыскание на прокурора Юрьевоцкого района за волокиту по жалобе Смирнова А. М.

8. Прокурору Куйбышевского края т. Жалнину за волокиту по жалобе гр. Кузина объявить выговор.

9. Прокурору Сталинградского края т. Лесову за волокиту по жалобе гр. Дуюнова объявить выговор.

10. Прокурору РСФСР т. Антонову-Овсенко наложить административное взыскание на прокурора автономной области Коми, допустившего волокиту по жалобе Пирогова А. В., и на прокурора Алма-Атинской области, допустившего волокиту по жалобам Щербакова В. Ф. и Горового И. Е.

Предупреждаю, что при повторении подобных случаев виновные будут привлечены мною к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

21 марта 1936 г.

№ 157.

О лаборатории научно-судебной экспертизы

Организованная в составе Института уголовной политики при Прокуратуре и Верховном Суде Союза ССР и НКЮ РСФСР, Лаборатория научно-судебной экспертизы имеет своим назначением научно-исследовательскую работу и производство только проверочных экспертиз по требованиям Прокуратуры Союза ССР и НКЮ РСФСР.

Между тем, в означенную лабораторию нередко направляются требования о производстве первичных экспертиз по делам, находящимся в стадии расследования, и притом поступающим от органов НКВД без окончательного оформления их путем экспертизы.

Прокуратура Союза ССР указывает, что первичные криминалистические экспертизы, в том числе и экспертизы документов, должны производиться согласно договоренности между Прокуратурой Союза ССР и НКВД в научно-технических отделениях уголовного розыска, подпадающих Управлению РК милиции, куда и необходимо обращаться в соответствующими требованиями.

Вместе с тем Прокуратура Союза ССР указывает, что принятие дел к производству расследования от органов НКВД в тех случаях, по которым требуется криминалистическая экспертиза, может иметь место только после выполнения такого рода экспертизы органами НКВД.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

23 марта 1936 г.

О неправильном направлении жалобы

3/II 1936 г. следственно-заключенный гр. Кац Б. М., содержащийся в Горьковской тюрьме, передал администрации тюрьмы телеграмму, адресованную на мое имя с жалобой на неправильное возбуждение против него уголовного преследования и на длительность ведения следствия.

Вместо того чтобы быть немедленно отосланной по адресу, эта телеграмма была по-

предложению пом. прокурора Горьковского края т. Склокина направлена администрацией тюрьмы в Горьковскую крайпрокуратуру, а оттуда прокурору Свердловского района г. Горького т. Шапалу (на действия которого по существу жаловался Кац) для дачи разрешения на отправку телеграммы. Лишь после того как т. Шапаль счел возможным отправить эту телеграмму, она была послана администрацией тюрьмы в Москву, причем на всю эту процедуру согласования по вопросу о том, отправлять или не отправлять телеграмму, адресованную прокурору СССР, ушло 14 дней.

Пом. прокурора Горьковского края т. Склокину, сделавшему неправильное распоряжение, в силу которого направление жалобы было поставлено в зависимость от разрешения органа, на действия которого данное лицо жаловалось, объявляю выговор.

Предупреждаю всех прокуроров, что при повторении подобных случаев виновные будут привлечены мною к строгой ответственности, подтверждаю, что все жалобы, адресованные на мое имя, должны направляться немедленно и без контроля с чьей-либо стороны.

Настоящий приказ разослать всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей, всем военным, железнодорожным, водным прокуратурам и прокурорам лагерей.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

25 марта 1936 г.

№ 169.

О борьбе с преступлениями против раскрепощения женщин-националок

Достигнутые советской властью серьезные успехи в области действительного раскрепощения женщин в национальных республиках и областях потребовали от органов прокуратуры особого внимания и напряжения борьбы со всеми преступлениями, направленными против прав и свободы женщин-националок.

Прокуратура СССР в своих циркулярах от 20/VII и 28/XI 1935 г. вскрыла имевшиеся в работе органов прокуратуры на местах существенные недостатки в этой области и дала конкретные указания об улучшении работы и об усилении борьбы с классово враждебными элементами, оказывающими отчаянное сопротивление раскрепощению женщины Востока.

Поступающие в Прокуратуру СССР материалы показали, что в ряде мест органы прокуратуры развернули энергичную работу в этом направлении. Прокуратура Дагестанской АССР взяла на учет все дела о нарушениях прав и свободы женщин-горянок, добилась ускорения расследования и рассмотрения дел: ряд дел был рассмотрен в показательном порядке с мобилизацией вокруг всей горской общественности и с освещением в печати этих процессов.

Вся прокурорская периферия была ориентирована на исключительное внимание к этим делам, при всех проверках камер райпрокуроров вопрос о защите прав и свободы женщин-горянок выдвигался на первое место. После проведения дагестанского съезда женской молодежи прокуратура Дагестанской

АССР взяла на учет все выступления женщин-горянок, в которых говорилось о преступной деятельности отдельных лиц или о слабости прокурорского надзора, провела проверку и расследование по всем этим делам с преданием виновных суду. В декабре 1935 г. прокуратура ДССР направила трех помощников прокурора республики в 10 районов для проверки выполнения указаний, данных после дагестанского съезда женской молодежи. Из полученных от указанных помощников прокурора республики сведений видно, что по 10 районам за 6 мес. за разные преступления, связанные с нарушением прав женщин-горянок, было осуждено 63 чел. В целях наилучшей организации расследования по этим делам прокуратура ДССР организовала специальный институт общественных следователей из среды женщин-горянок.

Такие же данные об улучшении и активизации работы прокуратуры поступили из прокуратуры Узбекской ССР, из прокуратуры Крымской АССР и др.

Однако далеко не всеми органами прокуратуры осуществлены указания Прокуратуры СССР от 20/VII и 28/XI 1935 г. Даже в отмеченных выше органах прокуратуры сделано далеко не все, сделаны только первые шаги по пути последовательной и реальной борьбы с преступлениями против прав и интересов женщины. Расследование по этим делам во многих районах затягивается на долгие сроки и в большинстве случаев не обеспечивает надлежащего качества; органы расследования обычно ограничиваются привлечением лишь непосредственных физических исполнителей, оставляя безнаказанными прямых пособников и попустителей; нет необходимого руководства расследованием со стороны прокуроров; в судах дела залеживаются до месяца и более и рассматриваются нередко вдали от места совершения преступления, без мобилизации вокруг этих дел советской общественности; квалификация преступлений дается иногда без учета их политического значения. Эти сугубо-политические дела нередко рассматриваются как дела об обычных уголовных преступлениях. Органы же прокуратуры нередко проходят мимо таких фактов, оставляя без протеста явно ошибочные приговоры судов.

Недостаточно проводится привлечение женщин-националок к непосредственному участию в группах содействия прокуратуре, к участию в процессах в качестве общественных обвинителей и т. п.

Исходя из необходимости решительного устранения указанных выше недостатков в работе прокуратуры, предлагаю систематически и неослабно добиваться проведения в жизнь всеми органами прокуратуры указаний, данных Прокуратурой СССР по этому вопросу.

Вместо установленной циркуляром от 2/VII 1935 г. присылки в Прокуратуру СССР копий обвинительных заключений и приговоров присылать в дальнейшем спецдонесения о всех важнейших преступлениях этой категории.

Учитывая, что согласно постановлению ЦК ВЛКСМ об итогах съездов трудящейся женской молодежи национальных республик и областей («Правда» от 8/III 1936 г.) на очередных пленумах ЦК КСМ нацреспублик, крайкомов и обкомов стоят отчетные доклады

о проверке выполнения решений этих съездов, предлагаю провести до 1/V 1936 г. очередную проверку выполнения указаний Прокуратуры СССР от 20/VII и 28/XI 1935 г.

О результатах проверки сообщить мне к 15/V с. г.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.
5 апреля 1936 г.
№ 24/1.

О порядке рассмотрения дел о хищениях бюджетных средств

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17/VII 1933 г. «Об упорядочении работы сельсоветов по сбору государственных доходов» судебным органам предложено было дела о хищениях и растратах бюджетных средств в сельских советах «рассматривать в срочном порядке с применением строгих мер социальной защиты».

В соответствии с указаниями ЦИК и СНК СССР Прокуратура СССР циркуляром от 11/XII 1933 г. за № П/185-А предложила расследования такого рода дел заканчивать не позднее десяти дней с момента их возникновения.

Эти мои указания не соблюдаются.

По имеющимся у меня данным в судебно-следственных органах на 1/I 1936 г. имеется незаконченных 1222 дела о хищениях и растратах бюджетных средств сельсоветов. Некоторые из этих дел возбуждены были еще в начале 1935 г. (Випницкая область, Южный Казакстан и др.).

Лица, виновные в незаконном позаймствовании из бюджетных средств сельсоветов, в некоторых случаях к уголовной ответственности не привлекаются по мотивам якобы отсутствия в их действиях корыстных моментов.

Обращая ваше внимание на совершенную недопустимость несоблюдения указаний правительства СССР, предлагаю вам:

1) при расследовании дел о хищениях и растратах бюджетных средств в сельсоветах точно руководствоваться указаниями циркуляра от 11/XII 1933 г., направляя такого рода дела в суды не позже десяти дней с момента их возникновения, и

2) привлекать к уголовной ответственности не только лиц, виновных в хищениях и растратах этих средств, но также и виновных в незаконном расходовании средств из госдоходов, квалифицируя эти последние деяния по ст. 109 УК и по соответствующим статьям УК других союзных республик.

О ваших мерах сообщите не позже 15/V с. г.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.
13 апреля 1936 г.
№ 27/8.

Разъяснение Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР

«О порядке взыскания алиментов и других видов задолженности с лиц, отбывающих лишение свободы»

Разъяснить, что взыскание присужденных судом алиментов и других видов задолжен-

ности с лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, производится на общих основаниях, изложенных в главе XXXIII Гражданского процессуального кодекса РСФСР и соответствующих глав гражданских процессуальных кодексов других союзных республик с той суммой заработка заключенного, которая причитается ему после удержания стоимости предоставленного ему питания.

Минимум зарплаты, предусмотренный п. «а» ст. 289 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик, из сумм заработка заключенного вычету не подлежит.

Председатель Верховного суда Союза ССР
А. ВИНОКУРОВ.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ.**

13 апреля 1936 г.
№ 26/19.

О работе водных прокуратур

Оперативное совещание прокуроров 7 бассейнов водного транспорта, состоявшееся в марте 1936 г. при главном управлении водной прокуратуры СССР, подводя итоги своей работы за 1935 г., отметило ряд существенных в ней недочетов.

Важнейшими из этих недочетов являются: недостаточная развернутая борьба с хищениями грузов и за охрану социалистической собственности на водном транспорте, неудовлетворительная работа прокуроров по борьбе с нарушителями трудовой дисциплины, с злыми аварийщиками, с разгильдяями — виновниками простоев.

Неудовлетворительность работы прокуратуры на этих важнейших участках работы подтверждается наличием продолжающихся еще в громадных размерах хищений вверенных водному транспорту грузов. О слабой работе прокуратуры говорят многочисленные аварии, которые в 1936 г. уже «стали явлением повсеместным и распространенным» и которые «происходят из-за преступной недисциплинированности, грубейшей распушенности, отсутствия серьезного внимания к подбору людей, их обучению и воспитанию» (см. открытое письмо наркома водного транспорта т. Пахомова). Попрежнему пристани и порты являются местом, к которому притягиваются самые разложившиеся элементы, и прокуратура водного транспорта не уделяет внимания борьбе по очищению транспортных портовых территорий от хищников и праздношатающихся элементов.

Крайне неудовлетворительное руководство главной прокуратуры работой прокуроров бассейнов, а этих последних — работой прокуроров участков привело к «самотеку» и массовому необоснованному и безответственному привлечению к уголовной ответственности работников водного транспорта, в том числе и принадлежащих к командным кадрам.

Неудовлетворительное руководство следствием, особенно по делам, расследуемым органами ТО УГБ НКВД и судоходной инспекции, недостаточное участие прокуроров в судебной работе, что в свою очередь в значи-

тельной мере способствовало неудовлетворительной работе в 1935 г. бассейновых и участковых судов, отсутствие тесной оперативной связи главной прокуратуры с Наркомводом и политуправлением в центре и прокуроров бассейнов с госпароходствами и политотделами на местах, отсутствие развернутой политико-массовой работы вокруг каждого дела, каждого приговора суда, — вот те основные недочеты работы прокуратуры в 1935 г., которые, являясь совершенно нетерпимыми, не могут быть повторяемы в 1936 г. и должны быть самым решительным образом изжиты в практике нашей работы.

Внимание партии и правительства, направленное к решительному и немедленному искоренению всех недочетов, дезорганизующих работу водного транспорта, требует и от работников прокуратуры немедленной перестройки работы, чтобы прокуратура водного транспорта вышла в передовые ряды борцов за отличную работу водного транспорта, оказывая действительную помощь Наркомводу в его борьбе за выполнение указаний партии и правительства.

Основными важнейшими задачами, стоящими перед работниками прокуратуры водного транспорта в 1936 г., попрежнему остаются: борьба за охрану собственности и борьба с нарушителями трудовой дисциплины, с аварийщиками и разгильдяями — виновниками простоев.

Активизируя свою борьбу с хищениями государственных грузов на водном транспорте, прокуроры участков и бассейнов не должны ограничивать свою работу только возбуждением уголовных дел и преданием суду. Необходимо тщательно изучить вопрос и установить все причины, способствующие хищениям грузов, установить и те каналы, по которым происходят пропажа и хищения грузов и т. д. Необходимо проверить организацию и состояние охраны грузов, состояние хранения их, порядок доступа на транспортную и портовую территории праздношатающихся и тому подобных элементов, добываясь через местные руководящие органы и через Прокуратуру Союза искоренения всех ненормальностей, благоприятствующих хищениям.

В борьбе за укрепление трудовой дисциплины на водном транспорте прокуратура должна, кроме нанесения решительных ударов по отдельным виновникам, также тщательно изучить причины преступной недисциплинированности, распушенности и проникновения на транспорт разложившихся элементов. Необходимо проверить практику применения дисциплинарного устава, добываясь точного и меткого применения его.

Организуя свою борьбу с преступностью на водном транспорте, прокуратура в 1936 г. должна покончить с массовым неосновательным возбуждением уголовных дел, с безответственным злоупотреблением прокуроров своим правом привлечения к уголовной ответственности. С этой целью установить как неизбывное правило такой порядок, при котором ни одно уголовное дело не может быть возбуждено без мотивированного постановления прокурора; в постановлении должно быть указано: основание к возбуждению уголовного дела статья УК, кто подлежит привлечению, ка-

кие необходимо произвести первоначальные следственные действия и срок окончания дела.

Возбуждение уголовного преследования по делам об авариях, простоях и саботаже стахановского движения, а также по ст.ст. 111, 109 и 59^а может иметь место только с санкции прокурора бассейна.

Повышение качества следственной работы следователей, органов ТО УГБ НКВД и инспекции судоходного надзора должно быть повседневной заботой прокурора. Прокурор, утверждающий обвинительное заключение, должен помнить, что он отвечает и за качество произведенного следствия, и за соблюдение всех требований УПК, и за внешнее оформление дела. Необходимо вести наблюдательные производства по каждому уголовному делу, повседневно наблюдая за движением следствия и конкретно руководя следственной работой по каждому делу.

Поскольку наибольшее количество прекращаемых дел дают дела об авариях, простоях и саботаже стахановского движения, наблюдение за этими категориями дел централизуется в главной водной прокуратуре. По этим категориям дел копии всех постановлений следователей и прокуроров и копии обвинительных заключений, а также копии постановлений подготовительных заседаний и судебных приговоров должны немедленно направляться в главное управление водной прокуратуры.

По окончании следствия все без исключения дела должны направляться через прокурора бассейна в подготовительное заседание бассейнового суда с непремешным участием прокурора.

Дела об авариях, простоях и саботаже стахановского движения могут направляться в суд только с санкции главного управления водной прокуратуры.

Участие прокуроров в судебной работе должно быть усилено самым решительным образом. Незначительное количество дел, направляемых в суд, позволяет прокурорам водного транспорта участвовать в судебных процессах по всем делам. Кроме того свое участие в судебной работе прокуратура должна организовать таким образом, чтобы знать и отвечать за судьбу каждого дела, которое было рассмотрено участковым или бассейновым судом. С этой целью должна быть перестроена и кассационная и надзорная работа прокуратуры. Необходимо организовать систематическое изучение кассационной практики водно-транспортной коллегии Верховного суда, прорабатывая определения последней и протесты главного управления водной прокуратуры и свои собственные на оперативных совещаниях бассейновой прокуратуры с участием участковых прокуроров.

О каждой значительной аварии и других значительных происшествий немедленно сообщать в Прокуратуру Союза по телеграфу, телефону или радио. Кроме того прокуроры бассейнов обязаны каждую декаду представлять сводную информацию об авариях, их причинах, о возбужденных уголовных делах и других важнейших событиях, происшедших за декаду на бассейнах.

Прокуратура должна установить тесную оперативную связь с управлением госпароходств

и политотделами, откликаясь на каждый вопрос транспортной практики в процессе всей навигации и всей оперативной работы водного транспорта.

Принимая во внимание, что водная прокуратура работает в обстановке, облегчающей возможность развертывания вокруг каждого приговора суда большой политико-массовой работы, прокуроры бассейнов должны развертывать на конкретных материалах каждого дела массовую политическую работу, охватывая ею всех работников и мобилизуя их на конкретных примерах на борьбу с нарушителями и дезорганизаторами работы водного транспорта. Эта работа должна проводиться с помощью полиотделов и под их руководством.

Свою работу прокуроры бассейнов должны строить по оперативному квартальному плану, копию которого следует немедленно высылать в главное управление водной прокуратуры. Квартальный план работы главной прокуратуры прилагается.

Значительно лучшие условия работников прокуратуры водного транспорта, меньшая их загруженность обязывают ее в 1936 г. освободиться от всех недочетов работы, допущенных в 1935 г., и выйти на первое место по качеству работы.

Напоминаю прокурорам бассейнов и работникам главного управления водной прокуратуры об их личной ответственности за качество работы прокуратур морских и речных бассейнов.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

17 апреля 1936 г.

№ 28/16.

О внесении исправлений в комментируемое издание „Уголовный кодекс РСФСР“

(Письмо в редакцию)

В изданной во втором полугодии 1935 г. нашей комментируемой работе «Уголовный кодекс РСФСР», дававшей официальный текст кодекса на 1/VII 1935 г., оказались не учтенными изменения некоторых некомментируемых статей. Эти приводимые ниже статьи должны были быть даны в следующей редакции:

1) Прим. 2 к ст. 40. При конфискации имущества по делам о невыполнении в срок единичными хозяйствами государственных обязательств поставок и неуплате денежных платежей не подлежит конфискации лишь следующее имущество единичных хозяйств: один жилой дом, топливо, необходимое для отопления жилых помещений, и носильное зимнее и летнее платье, обувь, белье и другие предметы домашнего обихода, необходимые для осужденного и лиц, состоящих на его иждивении (1/XII 1934 г. — СУ № 43, ст. 267).

2) Ст. 193-2 а) Неисполнение отданного в порядке службы приказания карается лишением свободы на срок до пяти лет;

б) то же преступление при наличии смягчающих обстоятельств влечет за собой признание правил дисциплинарного устава Рабоче-Крестьянской красной армии;

в) то же преступление, если оно совершено группой лиц или лицом начальствующего состава, или если оно имело или могло иметь особо тяжелые последствия, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет;

г) то же преступление, совершенное в военное время, карается лишением свободы на срок не ниже 5 лет, а при наличииотягчающих обстоятельств — высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества;

д) то же преступление, совершенное в боевой обстановке, карается высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества (20/X 1934 г. — СУ № 39, ст. 327).

3) Ст. 193-12 а) Уклонение военнослужащего от несения обязанностей военной службы пу-

тем причинения себе какого-либо повреждения или путем симуляции болезни, подлога документов или иного обмана карается лишением свободы на срок до пяти лет.

б) То же преступление при наличииотягчающих обстоятельств карается лишением свободы на срок не ниже трех лет.

в) То же преступление, совершенное в военное время как в боевой обстановке, карается высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества (20/X 1934 г. — СУ № 39, ст. 327).

Авторы и редактор считают себя ответственными за допущенную неточность и просят лиц, пользующихся комментированным изданием Уголовного кодекса, внести указанные выше исправления.

Авторы Г. Рогинский, Д. Карницкий.

Редактор А. Иодковский.

ИЗДАТЕЛЬ

Государственное издательство
«Советское законодательство»

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, вд.

Отв. редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Редакция: Г. М. Леплевский, А. А. Сольц,
В. В. Сорokin, Л. М. Субочный, А. С. Шляпочников

ЦИК, пом. 28.

СОБРАНИЕ

УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

Опубликовываются постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров и Экономического совета Российской социалистической федеративной советской республики

девятнадцатый год издания

Подписная цена: на 12 мес. — 9 р.
на 6 мес. — 4 р. 50 к.

Цена отдельного номера 15 коп.

Выходит по мере поступления законодательных материалов с приложением по окончании года алфавитного указателя (30 номеров в год)

СОКРАЩЕННОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СОЮЗА ССР и РСФСР

для сельских советов

Опубликовываются важнейшие акты правительства Союза ССР, ВЦИК, СНК и ЭКОСО РСФСР, имеющие отношение к деятельности сельсоветов, с приложением ведомственных материалов

шестой год издания

„Сокращенное собрание законов“

ОБЯЗАТЕЛЬНО К ПОЛУЧЕНИЮ ВСЕМИ СЕЛЬСОВЕТАМИ

Подписная цена: на 12 мес. — 4 р. 80 к.
на 6 мес. — 2 р. 40 к.

Цена отдельного номера 20 коп.

Выходит два раза в месяц

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными КОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство направлять не следует, издательство подписки не принимает и рассылки изданий не производит.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 года № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3296 (три тысячи двести девяносто шестым)

**Московский государственный союзный велосипедный завод
МОСКОВСКИЙ ВЕЛОЗАВОД.**

находящийся в ведении Народного комиссариата тяжелой промышленности

Адрес: Москва, 68, угол Семеновского сада и Восточный ул. 1

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 374 (триста семьдесят четвертым)

**Посылочная контора „ВОНТА“
ЦЕНТРОСОЮЗА СССР и РСФСР,**

находящаяся в ведении Всесоюзного отраслевого объединения по оптовой торговле товарами культурного обслуживания „ВОКТ“

Адрес: Б. Черкасский, 17

НКФ СССР на основании положения о государственной регистрации (С. З. СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) сделана запись в реестре юридических лиц за № 2396 (две тысячи триста девяносто шестым)

**Государственный союзный трест
высшей парфюмерии, жировой,
мыловаренной и синтетической
промышленности**

„Т Э Ж Э“

Адрес: Москва, Столешников пер., 13/15

Народный комиссариат финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законод. 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3229 (три тысячи двести двадцать девятым)

**Государственный всесоюзный завод
№ 7 им. 1 МАЯ,**

находящийся в ведении Главмашдеталь НКЛП СССР

Адрес: Москва, Варшавское шоссе, 9

НКФ СССР на основании положения о государственной регистрации (С. З. СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) сделана запись в реестре юридических лиц за № 2385 (две тысячи триста восемьдесят пятым)

**Государственная всесоюзная контора
по техническому снабжению трестов
и предприятий Главлесдревы НКЛеса**

„ДРЕВТЕХСНАБ“

Адрес: Москва, Б. Черкасский, д. 9

Постановлением ЦИК СССР и СНК организована и открыта свои действия

**Всесоюзная государственная контора
по оптовой торговле мелкой бакалеей**

„СОЮЗОПТБАКАЛЕЯ“.

находящаяся в ведении Наркомвнуторга СССР

Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 14

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодательства 1931 года № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3147 (три тысячи триста сорок седьмым)

Государственная всесоюзная контора по снабжению материалами и сырьем продукции заводов первичной обр. ботки новых лубяных культур „СОЮЗНОВЛУСНАББЫТ“.

находящийся в ведении Главного управления новых лубяных культур НКЛП СССР

Адрес: Москва, Варшавское шоссе, 9, фабрика „Новый хлопок“ 1

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 9, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 201 (двести первым)

Контора по снабжению домов инвалидов при Московском областном отделе социального обеспечения

„СНАБМОСО“

Адрес: Москва, Кировские ворота, пер. Стопани, д. № 2, 5